

Толстых А.В.

Опыт конкретно-исторической психологии личности

СПб.: «Алетейя», 2000

Глава первая

ЛИЧНОСТЬ: СЛОВО И ПОНЯТИЕ

Для того чтобы перейти от произвольного употребления термина к определению личности как психологического понятия, необходимо рассмотреть генезис понятия личности в системе научного знания, т. е. выяснить его истоки, социальные, гносеологические и логические предпосылки, альтернативные линии развития.

Сопротивление материала заставляет поставить еще одну, достаточно специальную задачу — разделение лексических и понятийных значений личности, так как история слова здесь не совпадает с историей научного понятия, и, следовательно, необходимо четко провести грань между исторической семантикой слова «личность» и процессом его оформления в качестве научного понятия. Непосредственно связанной с этой задачей выступает и следующая необходимость: чтобы разделение лексической и понятийной истории не оказалось случайным, требуется уточнить исторические, социальные и культурные предпосылки возникновения проблемы личности в истории общества и зафиксировать исходную точку осмысления этой проблемы (и понятия) как собственно научной. Дальнейший анализ предполагает в принципе рассмотрение процесса осмысления проблемы личности в составе научного знания вплоть до ее современного состояния в психологии. Этот процесс должен получить свое историко-теоретическое истолкование с точки зрения формирования отдельных научных позиций их происхождения и особенностей развития. Лишь в результате исследования всех четырех аспектов проблемы можно получить широкую картину процесса становления понятия личности в психологии, оформления проблемы личности как психологической и тем самым определить основания для позитивного решения ряда актуальных проблем психологии личности.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ КОРНИ ПОНЯТИЯ «ЛИЧНОСТЬ»

Значения слов, их историческое развитие и изменение изучаются такими лингвистическими дисциплинами, как семантика и семасиология, и без должных оснований психологу нет нужды вникать в их сферу. Вместе с тем широко распространившиеся в современных статьях и книгах о личности апелляции к этимологии слова «persona» как к некоему началу рассуждений о личности заставляют это сделать: если с чисто лингвистической точки зрения родство латинского «persona», современных «personality» (англ.), «personnalité» (фр.), «personlichkeit» (нем.), «персоналитатя» (молд.) и т.д. несомненно, то реальности, для обозначения которых привлекались и привлекаются данные слова, вовсе не обнаруживают той связи, которая может установиться на основании некоторой аналогии (сходства) значений.

Например, повсеместным стало сближение одного из значений латинского «persona» (в значении «маска», «роль», исполняемая актером) с так называемыми «социальными ролями», которые мыслятся исследователями как существенное определение психологической структуры личности. Эта точка зрения, восходящая к теории ролей (Ch. H. Cooley, 1926) и теориям социальных ролей (Т. Parsons, E. Shils, 1951), имеет продолжение и в отечественной психологии, например, в тех случаях, когда личность рассматривается на интрапсихологическом уровне как единство ролевой структуры и самосознания (И. С. Кон, 1967; Е.С.Кузьмин, 1967; Г.М.Андреева, 1965, и др.). При этом человеческая личность явно сводится к своим общественным функциям, что отрицала и марксистская теория (Н. Ф. Наумова, 1971). Еще более зыбкой является аналогия маски и социальной роли при соотнесении с античным миропониманием, для которого «маска» есть «двойник», темное, иррациональное начало, навязывающее индивиду волю богов (Л. А. Абрамян, 1977), но никак не «социальная функция». Поэтому утверждения о необходимости «удержания одной существенной черты из представления о личности, заключенного в первоначальном значении этого слова, указывающего на роль, которую актер играет в жизни» (С.Л.Рубинштейн, 1976), вызывают вопрос: а что, собственно, удерживать — мифологическую модель благочестия времен Гомера?

Такого рода темные места, возникающие в связи с попытками найти в этимологии слова «persona» понятийные истоки современного научного термина «личность», требуют прояснения, и прежде всего под углом зрения вопроса: как слово с первоначальным значением «маска» развилось до значения центрального мировоззренческого понятия

основных философских и психологических систем XX века?

Начнем с того, что этимология латинского «persona» представляет и сегодня существенную лингвистическую проблему (см.: А. Trendelenburg, 1908). По происхождению это слово не является латинским, а заимствовано из языка этрусков (Н. Rheinfelder, 1938). Этруски были древнейшим населением северо-западной части Апеннинского полуострова и до VI века до н. э. господствовали над большей его частью, в том числе и над Римом. Они обладали высокоразвитой материальной культурой и имели свою письменность (которая, кстати, и до сих пор не расшифрована) задолго до оформления классической латыни. Вопрос об этническом происхождении этрусков, как и многие вопросы их культуры, составляет немалую трудность современной науки. Так, из их языка сохранилось лишь несколько (около десяти) слов, не считая тех, которые были ассимилированы в латыни. К числу таких, ассимилированных латынью, относится и слово «persona», которое перешло в латынь от этрусков в значении маски как неизменного атрибута античного театра. Окончательно покоренные Римом в III в. до н. э., этруски оказали значительное влияние на римскую культуру.

Эта небольшая историческая справка как нельзя лучше показывает, что этимология слова «persona» надежно скрыта от нас в своих истоках.

Анализируя слово «persona» в классической латыни, Г. Рейнфельдер выделяет пять его основных значений: 1) маска актера; 2) роль, исполняемая актером, характер; 3) характер человека (независимо от театра); 4) человек; 5) грамматическое лицо. В этой классификации (несколько забегая вперед, отметим, что она не является полной) бросается в глаза изолированное положение последнего значения (грамматического лица), в то время как первые четыре значения образуют, как будто бы, логический ряд развития семантики слова «persona». Однако это не совсем так: исследователи (М. Nedoncelle, 1948;

Н. Steintal, 1963) показывают, что ряд «маска — роль — характер — человек» исторически не является порождающим значение «личность».

То обстоятельство, что значение «маски» вовсе не являлось столь плодотворным для развития семантики слова «persona», выясняется уже при рассмотрении древнегреческого эквивалента этрусского и латинского «persona» — слова «prosopon» («лик», «маска»), которое также обладало и значением грамматического лица.

Общее значение «маски» в этрусском, латинском и древнегреческом языках

свидетельствует о культовом происхождении античного понимания актерской роли (А.Ф.Лосев, 1980); «вхождение в роль» античного актера — это попытка прийти в согласие с телесными (А. Ф. Лосев, 1963; А. А. Тахо-Годи, 1971) мифологическими моделями через жест, позу (С. С. Аверинцев, 1973), в том числе и через маску. Как отмечает С. С. Аверинцев, для античного миропонимания и человек, и бог, и актер, и его мифологическая модель — суть «тело» (soma) и «лик» (prosopon). Между ними не существует различия, которое мы здесь усмотрели бы согласно современным представлениям, а именно различия «индивидуального тела» (как физического свойства) и знака (идеальной характеристики); «лик» здесь столь же физическая характеристика, выраженная в определенности маски, сколь и «тело» — характеристика идеальная, точнее то и другое несет и физические, и идеальные свойства одновременно. Одним словом, утверждение (А. Trendelenburg, 1908) о том, что латинское «persona» и его древнегреческий эквивалент «prosopon» обладали неким самостоятельным значением лица как общественной функции, является современным мифом, припиской современного сознания античному миропониманию, в котором «prosopon» неотрывно связан с «soma». Главный вывод состоит в том, что семантический ряд «маска — роль — характер — человек — личность» не является несомненным — слишком тесно завязано значение «маски» на другие «категории» античного театра, чтобы обладать свободой порождать новые значения, которые видятся некоторым указанным выше авторам. К сказанному следует добавить, что синкретизм телесных и духовных характеристик сохраняется в западной культуре и после античности, и фактически четкое разграничение «человека в физическом смысле» и «человека как персоны» (в смысле духовном, как индивидуальности) происходит лишь в эпоху Возрождения (А.Ф.Лосев, 1978).

Существует и еще одно обстоятельство, которое существенно снижает вероятность расширения значения театральной маски до обозначения человека. Дело в том, что в античном театре обычно после представления трагедии давались мимы, в которых актеры играли без масок (М. Е. Сергеенко, 1964). Отсюда линия маска — роль — актер представляется малопродуктивной, тормозящей раскрепощение терминов «prosopon», «persona», разрыв их непосредственной связанности со значением маски трагического актера.

Следовательно, в исторической семантике слова «persona» не играли, да и не могли

играть такой фатальной роли значения «маски» и «роли», которые некоторые современные авторы пытаются сделать чуть ли не исходным пунктом понятийной истории «личности», в то время как эта ветвь была по сути тупиковой.

Окончательно убедиться в этом можно, рассмотрев древнегреческую традицию обозначения человека, которая связана с термином «soma». Как показывает А. А. Тахо-Годи, для понимания «soma» огромное значение имеет категория «atomos» (неделимый, неразделенный на части). Уже у Левкиппа и Демокрита атомы есть somato, непохожие друг на друга, удивительно устойчивые и целостные существа. Тем самым создаются предпосылки для формирования категории личности, а именно принципы единичности, целостности, неразрушимости, неповторимости, т. е. специфические для сознания новой Европы, начиная с латинского «individuum» (эквивалента греческого «atomon»), признаки личностного начала в человеке.

Следует иметь в виду, что античность есть время формирования и бурного развития теоретической — поэтической, гражданской, юридической, философской — деятельности и осуществляющей ее речи. Последняя строится в логическом каркасе. Смыслообразы мифа, ключевые к смысловому полю слова обыденной речи радикально преобразуют свою семантику, приобретая статус реально существующего, хотя и весьма необычно осмысляемого предмета: как геометрическая фигура или число он внешен (сознание к нему относится как к любому иному внешнему предмету), но, с другой стороны, он и не существует иначе, как овнешненная мысль (смысл или смыслообраз), обладая неуничтожимой аподиктичностью смысла — всеобщим и необходимым для всего смыслового поля, им «покрываемого». Он кентав-ричен — предметен и идеален одновременно (Ф. Т. Михайлов, 1990). В этом плане характерно, что слова «persona» и «individuum», различавшиеся по смыслу и содержанию в классической латыни, «сходятся» лишь в словоупотреблении XVIII века, особенно чуткого к логике построения теоретических моделей осмысливаемой реальности. В глубоко рефлексивных теориях этого века предметное содержание категорий, так же как и сама их аподиктичность, условия ее сохранения и использования, стали предметом самого пристального рефлексивного внимания. Тонкости категориального смысла латинских терминов формируются и укореняются в совершенно новом даже по отношению к средневековью и началу Нового времени логическом каркасе. Но более подробно об этом — чуть ниже.

Поэтому легко обнаружить, что то содержание, которое мы сегодня вкладываем в понятие «личность», более обязано линии развития термина «*individuum*», нежели слова «*persona*». Последнее, как мы уже отмечали, помимо значения «маски», «роли», «актера», уже в классической латыни принимает значение «грамматического лица» и, что принципиально важно, «юридического лица». Примером последнего являются такие римские термины, как «*persona patris*», «*persona regis*», и т.д. Это значение — «лицо перед законом» (Souter) — способствует наращиванию общих значений и дает импульс развитию в направлении «человек вообще».

Таким образом, в Древнем Риме берут начало три линии развития значений слова «*persona*»: 1) маски, актера, роли — наименее плодотворная линия; 2) грамматического лица — сохраняющаяся в этом специфическом значении до настоящего времени (ср. обозначения лица глагола в русском языке); 3) юридического лица — лица перед законом. Неожиданным образом, как будет показано ниже, в определенных исторических условиях это последнее значение оказывается наиболее близким понятию «индивидуального». Слово это очень важно, поскольку, как уже объяснялось, до XVIII века несет на себе основной объем развития содержания понятия человеческой личности.

Как свидетельствуют исследователи слова «*persona*», средние века не внесли в его семантику принципиально нового (Р. А. Будагов, 1971). Сохраняется устойчивая ассоциация — «*persona*»: тело человека (Bartsch).

Усиливаются общие значения — «человек», «человек вообще», «жизнь человека», «жизнь» (последнее наиболее ярко у Данте и Петрарки (Blanc). В этом же значении мы встречаем слово «*persona*» у Рабле и Монтеня. Показательно, что и такой, казалось бы, специфически театральный термин, как «*person-nage*» (персонаж), первоначально возник не для театральной атрибуции, а как обозначение «должностного лица», прежде всего клерикального (L. Petit de Julleville, 1880).

Другими словами, ничто в средние века и даже в эпоху Возрождения не предвещало той экспансии слова «*persona*», которая началась в конце XVIII века и с той поры усиливалась вплоть до настоящего времени. Напротив, термин «*individuum*» (индивидуальность) наращивает свои значения, все более определяется в качестве обозначения отличия индивидуальной жизни от родовой, которое все четче начинает просматриваться и фиксироваться в работах философов Нового времени. Здесь нельзя не

вспомнить Джованни Пико делла Мирандолу, который впервые заявил, что человек отличается от других существ ответственностью за свои деяния, т. е. является индивидуальностью.

Развитие буржуазного общества, «индивидуализация собственника», сопутствующая ему, приводят к тому, что в «Декларации прав человека и гражданина» сходятся, схлестываются две линии семантической истории «личности»: «personnalite» в этом документе есть «юридическое лицо», за которым закрепляется право собственности, и одновременно «personnalite» есть единичность, индивидуальность (формируется принцип буржуазного индивидуализма).

Таким образом, рассмотрение исторической семантики слова «persona» в западноевропейской традиции приводит нас к неожиданному заключению: исторически понятие личности выходит из «Декларации прав человека и гражданина» (J. Ibarrola, 1961); оно является современником демократической буржуазии, и оно символизирует юридическое освобождение от крепостничества, избавление от крепостных уз. Личность — первоначально юридический субъект, имеющий права и подчиняющийся долгу. Определяется личность посредством социальных прав, которые признаются за каждым индивидом как индивидуальностью. Таким образом, еще в конце XVIII века личность — юридическое понятие, а не философская концепция.

«ЛИЧНОСТЬ» В РОДНЫХ ПРЕДЕЛАХ

До сих пор объектом нашего внимания была история слова «persona» в западноевропейских языках. Однако не в меньшей, а, наоборот, в большей степени исследователя, пользующегося русским языком, интересует история русского слова «личность».

С одной стороны, в русском слове «личность», безусловно, сошлись многие значения, восходящие к латинским «persona» и «individuum», а также к их древнегреческим эквивалентам «prosopon» и «atomon» — и в этом согласны все исследователи вопроса (В. В. Веселитский, 1964; Ю.С.Сорокин, 1965; Р. А. Будагов, 1971; Н.М.Шанский, 1948). Вместе с тем по своему происхождению в русском литературном языке это слово не выявляет такой преемственности, во всяком случае

о таковой можно говорить лишь гипотетически (В. В. Виноградов, 1946).

Начнем с того, что в древнерусском языке до XVII века вообще не было потребности в слове, которое, хотя бы отдаленно, соответствовало современным представлениям и понятиям о личности, индивидуальности, особи. В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к Богу, к общине и «миру», разным слоям общества, к власти, государству, родине и т. д. Все это выражалось в разных понятиях. Конечно, некоторые признаки личности (например, единичность, обособленность, или отдельность, последовательность характера, сконцентрированность и мотивированность поступков и т. д.) были живы, очевидно, и для сознания древнерусского человека. Но они были рассеяны по разным значениям и характеристикам человека («человек», «людие», «людин», «лице», «душа», «существо» и т.д.). Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVIII века было чуждо понятие о единичности конкретной личности, об индивидуальности, самосознании, отдельном человеческом «Я» как носителе социальных и субъективных признаков и свойств (это положение подтверждается, в частности, фактическим отсутствием в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемов литературного портрета и т.д.).

Слова «персона» и «особа», вошедшие в русский литературный язык XVI — XVII веков, не обозначали индивидуального строя и внутренних моральных прав и склонностей человеческой особи. Они выражали лишь официальное положение лица, его общественно-политическую или государственную неприкосновенность и важность [ср. связанные с основой «osob-» обозначения личности в современном польском («osobistosc»), чешском («osobnost») и украинском («особистість») и т.д.].

Согласно В. В. Виноградову, слово «личность» было образовано как отвлеченное существительное к прилагательному «личный», обозначавшему: принадлежащий, свойственный какому-нибудь лицу (не от «личины», заметим!). Это слово сформировалось во второй половине XVII века.

В. В. Веселитский и Ю. С. Сорокин показали, что в XVIII веке слово «личность» имело лишь два значения: 1) колкий отзыв, оскорбление; 2) все, связанное с лицом; причем первое значение было более распространенным, а второе встречалось редко. В значении «колкий отзыв, оскорбление» слово «личность» употреблялось куда чаще и дольше в русской литературе (вплоть до середины XIX века и даже позднее). Мы встречаем его в

таком значении у Пушкина и Гоголя, Белинского и Герцена и даже у Толстого.

Об устойчивости этого значения слова «личность» в русском языке свидетельствует то, что в 1847 году академический «Словарь церковнославянского и русского языка» определяет это слово, в частности, как «колкий отзыв, оскорбление, колкий отзыв на чей-либо отчет. Не должно употреблять личности» (Р. А. Будагов, 1971).

С начала XIX века в русском языке начинают употребляться «европеизмы»: «индивидуум», «индивидуй», «индивидуальность» и калька — «неделимое» (от лат. *individuum* или фр. *individu*). Наряду с этими словами продолжают употребляться такие, полученные в наследство от русского языка XVIII века слова, как «существо», «создание», «человек», «характер» и др.

Только в 20 —30-е годы XIX века в русском литературном языке вполне сформировалось в слове «личность» значение монады, по-своему, единственно ей присущим образом воспринимающей, отражающей и создающей в себе мир. Складываются антиномии личностного, индивидуального, неделимого, с одной стороны, и общего или общественного — с другой (В.В.Виноградов, 1946).

Особое влияние на применение слова «личность» оказали работы В. Г. Белинского, А. И. Герцена, философское словоупотребление 20 —40-х годов (Н. Станкевич, Н. Надеждин, В. Одоевский, И. Киреевский и др.). Белинский первым начинает употреблять слово «личность» в значении «индивидуальность», связывая это значение с семантикой французского «personnalité».

В русском языке 40-х годов, в художественной литературе, публицистике, критике, языке интеллигенции слово «личность» — уже центральное понятие мировоззрения (Р. А. Будагов, 1971). С точки зрения этого понятия пересматриваются исторические, художественные, этические концепции. Примерами такого рода могут служить статья К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» (1846) и известная диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов и история русской литературы и русского языка» (1846).

Интересно, что последующая история слова «личность» в русском языке независима от европейских эквивалентов латинского «persona» и его производных.

На развитие семантики слова «личность» в русском языке повлияли такие события, как оживленные споры о роли личности в истории (работы П. Л. Лаврова и др.), а в конце века — попытки дать марксистское решение этой проблемы (В. Г. Плеханов). Здесь

оформляются такие значения слова личность, как: 1) человек как индивидуальность; 2) человек как член определенного общества. Несомненное влияние на формирование слова «личность» оказали Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев и др.

Начиная с 60-х годов в русском языке закрепляются такие словосочетания, как «развитая личность», «мыслящая личность», «святая личность»; складывается круг значений, в котором так или иначе работает вся последующая традиция научного употребления слова «личность»: человеческая индивидуальность с ее внутренней стороны, индивидуальное «Я», человек как социальная единица и т. д. Наконец, в обиходном языке (разговорной речи) значение слова «личность» расширяется до общего неопределенно-местоименного указания на единичного человека, отголоски которого мы встречаем и в сегодняшней литературе.

Такова вкратце история развития слова «личность» в русском языке.

ОТ СЛОВА - К ТЕРМИНУ

Итак, мы рассмотрели историю слова «личность». Мы убедились, что латинское «persona» в значении «маски» является лишь одной и далеко не самой центральной линией дальнейшей истории слова «личность»; что нет никаких оснований вести этимологию русского «личность» от «личины» (тоже своего рода «театральной маски» русского скомороха); что на развитие слова «личность» и оформление его как научного понятия оказало влияние его значение как грамматического и юридического термина; что в античном мире, средневековье, Возрождении в понятие личности вкладывалось нечто разное, но в любом случае никак не совпадающее с современными значениями этого термина. Главный же вывод состоит в невозможности прямого выведения истории научного понятия личности из его исторической этимологии. «Личность» как научный термин возникает где-то на границах перехода от средневекового, феодального уклада к капиталистическому (конец XVIII века — в западноевропейской традиции, начало — середина XIX века — в России).

Данное обстоятельство подтверждается и анализом тех исторических условий, которые проблематизируют некую реальность, получившую название «личность».

Известно, что на протяжении огромного исторического отрезка времени, охватывающего собой целые эпохи существования человеческой цивилизации,

господствующим типом отношений людей были отношения личной зависимости. Объединение на таком основании различных исторических форм общества может показаться неправомерным упрощением объективного хода исторического процесса — но это не так. Просто подчеркивается структурный, типологический характер общности этих исторических форм общества. Вот, например, что пишет А. Ф. Лосев о правомерности такого исследовательского хода: «Базис и различные надстройки могут совпадать между собой только структурно, но не качественно, только типологически, а не фактически, только в отношении фигурной явленности смысла, т. е. только морфологически, а не в отношении тождества этого смысла во всей его понятийной качественности, т. е. во всем своем фактическом содержании» (А.Ф.Лосев, 1974).

Первобытный человек был связан доминированием природных, «естественных» факторов в процессе объединения коллектива для совместной деятельности в такой степени, что результаты приспособления человека к природным условиям, от которых он всецело зависел, становились объективными моментами его личности. Поскольку присвоение объективных условий в первобытном обществе не могло быть иным, как только совместным, коллективным, постольку и образ жизни первобытного человека характеризуется прикованностью к коллективу. Индивид здесь прочно связан в поведении и общении непререкаемыми табу, обычаями, сакральными ритуалами, неотступным присутствием ближайшего окружения (Дж. Дж. Фрезер, 1980). Преобладание целого — семьи, племени, общины — над индивидом — характерная особенность ранних форм человеческого общества и общений. Чем дальше углубляемся мы в историю, тем в большей степени человек выступает несамостоятельным, всецело принадлежащим семье, роду, общине.

Важнейшей характеристикой общинного существования (о какой бы конкретно-исторической форме мы ни говорили: и «азиатской», и «германской», и «античной») является недифференцированность отдельного индивида и общины (*Gemeinwesen*), когда мысли и действия каждого члена коллектива являются неизменно «общинными». В этих условиях индивид может вести только «родовую» жизнь.

Здесь не возникает и речи о какой-либо самостоятельности поведения и сознания индивида (даже учитывая момент индивидуального выбора в семейных и соседских связях), без чего немыслима самая элементарная «личная жизнь». Характер основного занятия, форма общения, особенности бытового уклада (жилище, пища, одежда и т. д.) жестко

обусловлены особенностями общинного уклада. Человек в таких условиях подчеркнуто неиндивидуален: он не разделяет свою повседневную жизнь на «личную» и «общественную». Недаром Э. Дюркгейм в качестве ключевого определения сознания людей родовой общины избрал термин «коллективное представление» (E. Durkheim, 1912).

Сама проблема человека в обществе стоит преимущественно в плане нормативной регуляции деятельности индивида по законам религиозных, обычно-правовых, внутрикорпоративных и авторитарных императивов (О. Г. Дробницкий, 1974). В своих основных чертах такая постановка вопроса характерна не только для первобытных общин с их первобытным коммунизмом, но и для античных городских общин (поскольку они продолжают оставаться базисом производства) и даже для со-словно-корпоративного устройства общественной жизни, свойственного феодализму, — другими словами, для любой формы «личной зависимости» от целого (семьи, рода, общины, общества). Отношения «личной зависимости» носили характер замкнутых, самодовлеющих отношений, сочетающих ориентацию на общественное благо с эксплуатацией индивидов и при этом выступающих в качестве всеобщего принципа жизнедеятельности. Древние знали лишь один критерий «продуктивности» производственных и социальных отношений: «наилучшими были те, которые обеспечивали государству „наилучших граждан"». Так, к примеру, в античности «исторический деятель выступал не как индивидуальность, а как совокупность поступков. Личность уже признается элементом истории, но еще такая личность, которая лишь в деяниях в пользу государства и в глазах народа, и в собственных глазах исчерпывалась ими» (Г. С. Кнабе, 1980).

Если принять широко известный марксистский тезис о том, что человек является личностью настолько, насколько он реализует в своей жизнедеятельности общественное начало, насколько органично он «вплетен» в систему общественных отношений, то нетрудно заметить, что в этом смысле в условиях личной зависимости человек был личностью, если так можно выразиться, в квадрате — по сути дела он, согласно этой дифференциации, не мог не быть личностью (!). Исследователи, исходящие из валюативного подхода и видящие в личности прежде всего ценность, цель развития человека, воспримут наше утверждение в лучшем случае лишь как парадоксальное, справедливо заметив в нем свою позицию, вывернутой «наизнанку»! Действительно, архисложный и мучительный процесс гармонизации общественного и индивидуального, который мы застаем в нашу эпоху как

проблему, был для человека докапиталистических формаций чуть ли не чем-то само собой разумеющимся. Однако обратимся к выяснению характера этой «гармонии».

То навязчивое совпадение общественного и индивидуального, которое наблюдается в условиях «личной зависимости», сохраняет удивительный консерватизм на протяжении длительного исторического периода и продуцирует в социально-массовых масштабах тип «сплошной личности». Это определение я заимствую у писателя-народника Г. И. Успенского, который очень точно назвал общинное существование «сплошным». «Все сплошное, и сплошная природа, и сплошной обыватель, и сплошная нравственность, сплошная правда, и сплошная поэзия, словом, однородное, стомиллионное племя, живущее какой-то сплошной жизнью, какой-то коллективной мыслью и только в сплошном виде доступное пониманию» (Г. И. Успенский, 1946). Сказанное нарочито публицистично, обвинительно. Но это определение не может быть сведено только к публицистическому приему, риторике: в этих словах, если угодно, дается ироническое заключение и тем современным изысканиям в области человековедения, которые проповедуют «сплошную правду», «сплошную нравственность» и т.п., не замечая, что по сути своей это есть упрощение проблемы, абсолютизация исторически ограниченных форм человеческого сознания, требующих серьезного и критического осмысления.

С нашей точки зрения, в условиях «личной зависимости» формируется тип «сплошной личности» — своего рода предельное воплощение данного типа общественной связи индивидов. Однако, будучи исторически преходящей формой связи индивидов, «личная зависимость» не только продуцирует соответствующий тип личности, но и порождает основу для своей дискредитации. Развитие хозяйственной жизни в «цеховой» и особенно в «мануфактурный» период обнаруживает несостоятельность коллективности общинного типа, требует иной формы зависимости людей от общества. Реальной основой этого процесса является прогрессирующее самоотчуждение труда. «В своей простейшей форме (первобытное общество) это самоотчуждение есть просто „естественная" способность человека предметно воплощать всеобщие цели, т. е. это труд вообще, способность человека своей „частной" деятельностью удовлетворять потребности других людей. Первоначально эта способность реализуется в качестве естественного, „добровольного" разделения труда внутри первобытного рода (семьи)» (см.: Ю. М. Бородай, В. Ж. Келле, Е. Г. Плимак, 1974).

Далее в истории мы находим принуждение к труду, т. е. принудительное отчуждение и присвоение чужого овеществленного труда (например, дань). В условиях «личной зависимости» характер принуждения к труду очевиден — это «личное принуждение», «недобровольное» — раб есть раб, а крепостной крестьянин есть крепостной крестьянин. Буржуазные отношения создают видимость «добровольного» самоотчуждения труда как принадлежности «свободного гражданина», который он «добровольно» выносит на рынок наемной силы. То есть меняется способ принуждения к труду. Меняется способ принуждения к труду — меняется и тип общества, и проектируемый им тип личности.

Измененные производственные отношения в эпоху капитализма существенно иначе оформляют и способ взаимосвязи индивидов — формируется гражданское общество, в котором различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя целесообразность. Однако эпоха, которая порождает эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки, есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) связей (К. Маркс). Развивая в реальности определенную сложную форму совместно-разделенного труда, буржуазное общество идеологически оформляет ее как форму «добровольного», «частного» (в этом смысле индивидуального) труда, закрепляя ее в виде права «личности» как частного собственника. На деле же собственник поставлен в такие условия, что, если он не будет продавать свою собственность (свою рабочую силу) «добровольно», — он просто умрет с голоду. Это обстоятельство слишком хорошо известно из марксистской литературы, чтобы на нем специально останавливаться. Зафиксируем лишь интересующий нас аспект дела.

Становление буржуазных общественных отношений наглядно показывает, как призрачно величие колосса — «сплошной личности». Деградивавший внутри самого себя (внутри «личной зависимости»), он был легко разрушен под натиском прогресса частнособственнических отношений. Всеобщим результатом развития производства было возникновение вещных отношений как самостоятельного, независимого от человека и даже господствующего над ним образа его жизни. Если в более ранних формах производства товар (вещь) существовал прежде всего в форме потребительной стоимости и его внешняя целесообразность и полезность непосредственно были связаны с потребностями потребителя и производителя (часто одно и то же лицо), то при капитализме на первый

план выходит меновая стоимость как цель и единственный критерий эффективности производства (труда). В условиях возникновения всеобщего рынка отношения людей и социальных групп становятся возможными лишь через отношения вещей (товаров) друг к другу.

Человеческая деятельность предстает здесь в форме вещной деятельности, где производство вещей становится самостоятельным, так как не люди, а вещи оказываются вовлеченными в мир самостоятельных, объективных отношений, а человек существует лишь как производитель вещей, как «момент», как «человеческий фактор» производства вещей. «В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен» (К. Маркс). Возвращаясь к уже названному тезису, согласно которому индивидуальность становится личностью лишь тогда, когда она включает в себя объективное, общественное содержание своей жизни, заметим, что при капитализме эта связь оказывается нарушенной в масштабах всего общества. Тождество индивидуальной и родовой жизни, до сих пор аккумулированное в «сплошной личности», рвется, точнее — продолжает свое существование лишь как различие «родового» и «индивидуального», создает проблему, напряжение, которое и порождает понятие личности как реального противоречия между родовой и индивидуальной жизнью.

В условиях капитализма перед человеком труда возникает задача отстоять себя как личность; возникает проблема личности как противоречие между индивидуальной и родовой жизнью, между сущностью человека и существованием, поскольку человек в системе капиталистического производства культуры (материальных и духовных условий и средств к жизни) выступает не как деятельный индивид вообще, а лишь как «рабочий», как «частичный индивид». Юридически же (вспомним здесь одну из этимологических линий развития слова «личность») он выступает как «гражданин», т. е. как представленность в единичности, индивидуальности «общественной воли», «государства», как выразитель интересов и проблем «гражданского общества». Таким образом, юридически он является «свободной индивидуальностью», «личностью» (лицом перед законом). Выше мы уже отмечали, что те «свободы», которые приписывает индивиду «гражданское» (буржуазное) общество, на деле оказываются иллюзией, замаскированной несвободой от товарно-денежных отношений общества, от необходимости продавать свою рабочую силу.

Возникает различие (а точнее, противоречие) между «гражданским правом» (правом на личность) и реальным положением вещей, которое не подкрепляет это «право» реальной структурой общественных отношений.

Для теоретического развития этого противоречия (для теоретической формы его фиксации — понятия личности) важное значение имеет то, что перед лицом буржуазного права индивид выступает как единичность, а это нечто существенно иное, нежели «член общины». То есть фактически фиксируется дилемма общественного и индивидуального, что получает интересное оформление в политико-философских дискуссиях начала XIX века, особенно в их явном внимании к эпохе Римской империи. Гегель назвал ее «реальным скептицизмом», имея в виду разложение единства общего и единичного на две части: на атомы частных людей, с одной стороны, и на чисто внешнюю связь между ними, с другой: «Здесь погашается обособление единичного в его наличном бытии, распад целого на атомы. Единичный имеет свою абсолютную свободу и в то же время является силой правительства» (Гегель). Таким образом, частное лицо и отчужденное выражение общественного целого — вот та картина, которая витает над взором теоретика, обратившегося к анализу общественных отношений начала XIX века.

Сказанное выше позволяет придать последнему положению более строгую форму; можно говорить не только о предпосылках проблемы, но и прямо о двух факторах (причинах), обусловивших интерес философов конца XVIII — начала XIX века к проблеме личности. Согласно нашим выкладкам, это: 1) разложение, вследствие буржуазной революции, традиционных форм жизни людей (сельская и городская община, семья и т. д.); 2) утрата человеком господства над миром («отчуждение»), возникновение мира вещных отношений.

Настроенные антибуржуазно, философы гегелевской школы вполне в традициях эпохи Просвещения и Французской революции искали в Древнем мире аналогии с явлениями современности. Отсюда их особое внимание к позднегреческим «философам самосознания». Революционные утопии Робеспьера и Сен-Жюста, просветительские трактаты Гиббона и Монтескье, бернские фрагменты молодого Гегеля — все это было не чуждо аллегорической критике современности под видом изображения эпохи упадка античного мира, события которого имели символическое значение для европейской общественной мысли конца XVIII — начала XIX века. Гегель в лекциях по истории

философии специально указывает на то значение, которое имела внутренняя свобода субъекта в безысходном несчастье Римского мирового государства, где все прекрасное и благородное было стерто грубой рукой.

Существенно, что у Канта, Фихте и особенно Гегеля при исследовании, казалось бы, чисто всеобщих форм логики рационального мышления остро встает в это время проблема атомарности. И не в натурфилософском, а именно в логическом аспекте. Неделимость, «индивидуальность», уникальность единичной «самости» как потенция свободного в своих проявлениях начала, противостоящего сущностным претензиям тотальной континуальности всеобщего, не случайно требовала постоянного обращения к античным сюжетам, в которых самодвижение атомов (особенно у Эпикура; см. докторскую диссертацию гегельянца К. Маркса) противостоит вечно себе равному и потому неподвижному Бытию (Парменид и Зенон Элейский).

Главное, что привлекало критическую мысль и других последователей этой линии Гегеля — младогегельянцев — в аналогиях современности и античности, было абстрактное выражение противоречия между общественным единством и материальными интересами людей, свободой самосознания и надличностной детерминацией реальной жизни индивидов. От этого противоречия уйти было просто невозможно.

Ведь, как уже отмечалось, начиная с Реформации осознание той роли, которую стала играть в новых условиях их же создающая и стремительно растущая активность индивидов — негоциантов, неутомимых в своих поисках новых земель (и выгод), государей итальянских государств-городов, объединивших «Мастеров, Воинов и Торговцев», самых отчаянных представителей «третьего сословия» во Франции, а в Англии XVI и XVII столетий — лендлордов-предпринимателей (всех этих «атомов», казалось бы, непоколебимо сплошного феодального социума), имело решающее значение для радикального преобразования общественного содержания да и самой сущности реального европейского индивида. Его стремление к свободе постоянно оборачивалось бегством от нее (E. Fromm, 1964), его осознанный, чуть ли не знаменем эпохи ставший индивидуализм превосходно сочетался с конформизмом (В. Франкл, 1990), его «самость», так и не ставшая самосознанием, реализовывала себя в реальностях бытия как воплощение расхожих штампов мыслеречения и поведения как раз того круга людей (поколения — в том числе), от которого он демонстративно дистанцировался.

Европейская литература XIX и — особенно — XX века целиком погружена в человеческие личностные трагедии, драмы (да и комедии), наиболее остро переживавшиеся в это время отнюдь не литературными героями: живыми создателями, носителями и жертвами (одновременно) неразрешимого противоречия личностно-атомарного и социумно-континуального начал в себе.

Еще более обострилось это противоречие в период перехода глобализирующего себя социума к постиндустриальной стадии своего развития. И, как стало проясняться уже во второй половине столетия, явно устремленного к антропогенным основаниям следующей, постинформационной цивилизации. Причем спонтанное развитие антропогенной цивилизации в недрах постиндустриального общества, раздираемого столкновениями противоположных интересов различных социальных сил, не менее, если не более, противоречиво.

То, что служит основанием перехода к антропогенной цивилизации (например, глобальное укоренение почти во всех видах труда информационной, компьютерной техники), не только повышает интеллектуальный уровень специалистов самых различных профессий и требует от них гораздо более высокой культуры, чем, скажем, двадцать-тридцать лет тому назад, но и одновременно ставит большинство из них в положение интеллектуального придатка счетных, логических и информационных технологий, системы которых работают в алгоритмизированном режиме.

Как будто бы на «второй виток» поднялась та же самая зависимость человека от машины, которая в период становления и развития техногенной цивилизации (индустриального общества) делала его придатком станка, а затем и живым звеном бездушной технологической цепочки станков и механизмов.

Тогда, отдав стереотипность своих мускульных усилий «мертвым силам природы», задействованным в механике машины, он сохранял за собой лишь функцию источника внешнего (как это и положено по логике механического движения) импульса начала и сохранения этого движения. К тому же — целенаправленного.

Теперь же, отдав электронной машине все самодостаточные функции причины и правил преобразования логических и математических формализмов, как бы наделив ее тем, что и в себе считал главной, целеопределяющей способностью своего интеллекта, своего мышления, своей души, он подчинился правилам и ритмам работы искусственного

интеллекта, от себя же отчужденного, вынесенного вовне, извлеченного из его же живой, чувствующей и осознающей себя и мир души (и потому ничего не осознающего, даже смысла знаков и команд их мгновенного преобразования по правилам программы).

На этом примере можно научиться видеть живое противоречие действительности — действительности становления нового типа и способа воспроизводства людьми своей общественной жизни.

В одном и том же мощно развивающемся процессе глобального объединения всех видов продуктивной (творческой) и репродуктивной (исполнительской) деятельности На единой основе «информатизации» и кибернетизации их технологических циклов неуклонно растет творческий потенциал живых субъектов этого процесса (а следовательно, и объективная необходимость в его повседневном массовом воспроизводстве), тут же растрачиваемый как раз большинством этих субъектов на обслуживание переросшего их собственные вычислительные способности кибернетического устройства.

С другой же стороны, именно работа в общем пространстве межнациональных и межконтинентальных проблемных связей обнажает такие противоречия в жизнедеятельности людей — в их общественных отношениях, в производстве условий и средств духовной и материальной культуры, в повышенной сложности смыслов, понятий и представлений о предметном мире этой жизнедеятельности, — для решения которых творческому мышлению человека, освобожденного от непосильного репродуктивного и продуктивного (продуцирование формализмов) труда, представилась новая возможность великого творческого взлета. И без его реализации в целенаправленном развитии общей культуры человечества все достижения переходной цивилизации обернутся вселенским кошмаром. Полным уничтожением культуры, а то и самой жизни на Земле грозит «продуктивное» использование этих достижений для решения насилием главных человеческих проблем — проблем общественных отношений.

Тем самым противоречие — атомарность индивида (личности) и континуальность надличностной реальности социума — достигло своего наивысшего напряжения. Проблема человека, ставшая центральной проблемой нашего времени, есть прежде всего проблема уникальной индивидуальности, способной нести в себе и собой (своей целесообразной деятельностью) и устойчивость всечеловеческих ценностей, и импульс их совершенствования в новых условиях, в новых поколениях, святое, в делах реализуемое,

беспокойство за судьбы мира, и вместе с ним... всегда корыстное, тупое стремление «быть как все», потерять себя, слиться в «сплошной» массе, правдами и неправдами добиваясь своих ежемоментных выгод. О том говорит и небывалый расцвет антропоцентристских направлений в философии, психологии, педагогике и искусстве. В развитой форме всех современных исканий средств и способов понимания проблемы (т. е. в адекватной исторической реальности ее постановке) — проблемы личности — и следует искать пути психологической интерпретации закономерностей и стадий формирования личностных качеств индивида *Homo sapiens*.

Пора подвести некоторые итоги. А главное — сформулировать ответ на тот вопрос, который мы определили в начале этой работы как второй шаг нашего исследовательского плана: каковы исторические, социальные и культурные предпосылки возникновения проблемы личности в истории общества и какова исходная точка осмысления этой проблемы как собственно научной? Не стану повторять всего пути восхождения внутри этой задачи исследования; выделю то, что, на мой взгляд, в этом анализе наиболее важно и принципиально.

Проблема личности возникает в общественной истории и общественной мысли западной цивилизации в эпоху развитых отношений капиталистического производства, а именно, в такой момент развития этих отношений, когда они в своем движении сметают, как преграду на своем пути, традиционные общности (*gemeinwesen*) людей, формируя мир отчужденных от человека (и в этом смысле «превращенных») человеческих отношений, подчиненных форме опосредствованно-экономического принуждения к отчужденной деятельности (наемного труда). Первобытное общество, община во всех ее видах не знают проблемы личности, так как в различной форме реализуют тождество индивидуального и родового в деятельности человека. Капитализм разрушает это тождество и тем самым порождает проблему личности как реального различия, а следовательно, и противоречия (как говорил Гегель, где есть различие — есть уже и противоречие!) общественного и индивидуального.

Личность может быть понята как исторически ограниченная форма бытия человека, фиксирующая взаимопереходы родовых и индивидуальных определений деятельности человека в ходе его самоосуществления как субъекта культурной, общественной и исторической деятельности. Тем самым личность есть не цель, а средство исторического движения индивидуальности к свободе, базирующейся на универсальном развитии всех индивидов.

Таким образом, теория личности есть не что иное, как выраженная в общем направлении

общественно-научной мысли попытка ответить на вопрос, как возможна свободная индивидуальность — цель общественного развития и ее высший результат.

Глава вторая

Возрасты жизни в истории поколений

История возрастов жизни еще не написана. Ее создание — дело будущего и, возможно, будущего ближайшего. Оживленный интерес к вопросам исторического развития возрастных категорий жизни человека, появление работ, вписывающих первые страницы в книгу истории возрастов жизни, — все это позволяет с оптимизмом отнестись к перспективам этой области знаний.

То, что история психологии возрастов вообще один из любопытнейших предметов изучения, не вызывает сомнения. Однако в данном случае важно, чем мотивируется интерес к ней. Как наставлял великий Гёте: «Хронику пусть пишет лишь тот, кому важна современность». Мной также руководит не праздное любопытство, хотя злые языки утверждают, что и это основание — именно бескорыстное любопытство движет научным поиском. Но есть аргументы и посolidнее. В одной из своих книг выдающийся психолог Александр Романович Лурия писал, что «можно лишь удивляться тому, что мысль о социально-историческом происхождении многих психических процессов, о том, что важнейшие проявления человеческого сознания складываются под непосредственным влиянием основных форм практической деятельности и реальных форм культуры, долго оставалась почти полностью чуждой психологической науке» (А. Р. Лурия, 1974).

Это всецело относится и к возрастной психологии, в которой представление о социально-исторической, культурной определенности возрастной динамики развития личности сформировалось сравнительно недавно. Долгое время те, кому «по долгу службы» вменялось научное изучение возрастных особенностей человека, считали возраст естественным состоянием человека, зависящим всецело от видовых свойств его организма, особенностей психофизиологического аппарата. Господство натуралистических представлений о возрастной психологии человека преобладало вплоть до 20-х годов нашего века, когда бурное развитие этнографических исследований (К. Леви-Брюль, М. Мид, Р.

Бенедикт, Ф. Боас, Н. Н. Миклухо-Маклай и многие другие) поколебало натуралистическую картину возрастных изменений личности. Собранный учеными и путешественниками богатый этнокультурный материал позволил установить важные различия между европейской цивилизацией и так называемыми «традиционными» обществами буквально по всем параметрам процесса развития человека: и детство другое, и отрочество другое, а иногда, как, например, установила М. Мид на островах Самоа, а позже в Новой Гвинее, переход от детства к взрослой жизни совершается вовсе без периода отрочества. То, что казалось европейцу до этого «естественным» проявлением закона природы, перестало быть таковым, оказалось зависимым от особенностей культуры, в условиях которой формируется человек. Значение этих исследований заключается в том, что они впервые убедительно показали, что длительность любого возраста, характер перехода от детства к взрослости, наличие или отсутствие кризиса, конфликта в подростковом возрасте зависит не от сугубо естественных причин, а определяется конкретными социальными обстоятельствами жизни человека.

Исследователи обратились к сравнительно-историческому анализу детства и других возрастов человеческой жизни. И на этом пути «вдруг открылось», как это часто бывает в научном поиске при изменении угла зрения, что возраст не есть нечто неизменное и абсолютное, а в своей сущности является понятием общественно-историческим. В частности, было замечено, что возрастные понятия во многих языках первоначально означали не столько «календарные сроки», сколько общественное положение, социальный статус. Например, древнерусское «отрок» (буквально — «не имеющий права говорить») означало: «раб», «слуга», «работник», «княжеский воин» (см.: М. Фас-мер, 1971).

В нашей психологии общественно-исторический подход в понимании возраста привнесли работы П. П. Блонского и Л. С. Выготского. В трудах 20 — 30-х годов они показали, что существует не просто детство, а есть история развития детства, что детство не неизменное явление: «...оно иное и на каждой иной стадии исторического развития человечества» (П. П. Блонский, 1934). П. П. Блонский и Л. С. Выготский утверждали существование внутренней связи возрастной периодизации и механизмов психического развития ребенка с историческими изменениями системы общественного воспитания и обучения подрастающего поколения, показывали, что детство, отрочество, юность представляют собой конкретно-историческую определенность, связанную с характером и

уровнем развития всего общества.

Эти идеи имели глубокое революционизирующее значение для всей возрастной психологии, хотя в настоящее время они более всего проявили себя в ее специальной части — детской психологии. Именно история детства, история умственного развития ребенка, межкультурные исследования возрастных особенностей детей стали тем оселком, на котором проверялась в психологии идея культурно-исторической, общественной детерминации возрастных изменений личности. Вместе с тем то, что сегодня является нормой для детской психологии, имеет все основания для того, чтобы распространиться на весь спектр возрастов жизни человека, ибо исторически эволюционирует и по-разному проявляется в истории культуры не только детство, но и молодость, зрелость, старость. Словом, у нас есть основания вслед за П. П. Блонским и Л. С. Выготским утверждать, что существуют не возрасты жизни, а есть история возрастов жизни, вне и без которой анализ возрастных особенностей человека может быть лишь позитивным описанием наличных данностей, выйти за пределы структурного описания которых можно, лишь рассмотрев эти «данности» в их самодвижении, т. е. вскрыв реально-исторический, социокультурный механизм их возникновения и развития. Именно эту задачу преследует история возрастов жизни.

Современное состояние возрастной динамики личности есть лишь момент и результат длительной исторической и культурной эволюции общественной жизни человека. И сегодня возрасты жизни продолжают изменяться: меняется характер детства, меняется на наших глазах отрочество, происходят глубинные изменения молодости, зрелости и старости. Чтобы заглянуть в ближайшее будущее этих возрастных перемен, обнаружить тенденции их развития, необходимо окинуть мысленным взором всю историю возрастов жизни и на грани прошлого и будущего, в момент их встречи в настоящем увидеть современное состояние в его полноте и целостности.

История возрастов жизни необъятна и в силу этого почти необозрима. В идеале следовало бы пройти эту историю шаг за шагом, фиксируя наблюдаемые изменения в возрастной организации общественных структур, трансформации возрастного самосознания людей и перемены форм общественного сознания, в которых человек рефлексировал свои представления о жизни. К сожалению, аппарат такого исследования слишком громоздок, слишком затейливы хитросплетения нитей такого анализа, слишком внушительна фактология,

чтобы попытаться ее втиснуть в достаточно жесткие рамки главы нашей книги. Поэтому расположим наш наблюдательный пункт в этой главе как бы на нескольких уровнях и попытаемся по типу телевизионного монтажа, чередуя крупные планы с панорамированием, рапидную съемку (замедляющую полет времени) и «перемотку» целых десятилетий и столетий, ухватить образ истории возрастов жизни. Нам придется, следуя за логикой материала, несколько раз менять ракурс рассмотрения, учитывая, что объект нашего наблюдения живой, развивающийся и статичной камерой его не схватишь. Отсюда и выделение тех своеобразных «ипостасей» в истории возрастной психологии, которые мы находим на ее отдельных этапах и которые позволяют многое (хотя и не все) в этой истории объяснить. Так, рассматривая возрастную проблематику в первобытном обществе, мы должны считаться с его своеобразной акцентуацией — ударением на господствующее «мифологическое» сознание, организующее этот специфический мир и дающее к нему принципиальные ключи. В таком же смысле мы будем говорить о «философичности» возрастного сознания в античности и попытках его «магического» истолкования в средние века и т. д. Понятно, что эти акцентуации в известной мере условны и к любому историческому времени можно подойти сразу с несколькими мерками (философскими и этическими, эстетическими и естественно-научными, экономическими и педагогическими и т. д.). Однако мы предпочитаем выбор самой яркой (хотя и не единственной) «краски», в наибольшей мере организующей мир человеческих возрастов в наблюдаемый момент, упорядочивающей палитру возрастной динамики жизни на определенном этапе истории. Выигрышность такого подхода (а он нам кажется выигрышным) состоит в том, что многое в возрастном сознании наших современников мы сможем увидеть в истории, причем в самой яркой и отчетливой форме (что современная магия по сравнению со средневековой?!) — тем самым обнаружить, из чего они «есть пошли», т.е. там, где они находились в центре возрастного сознания и самосознания человека.

В НАЧАЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Томас Манн сравнивал прошлое человечества с «колодцем глубины несказанной», «просто бездонным», погружаясь в который «снова и снова», не достигаешь «дна» — впереди открываются лишь все новые «дали прошлого». «Поэтому практически начало истории той или иной людской совокупности, народности или семьи единоверцев определяется отправной точкой, и хотя нам отлично известно, что глубины колодца так и не измерить, наши воспоминания останавливаются на подобном первоисточке, довольствуясь какими-то определенными, национальными и личными,

историческими пределами» (Т. Манн, 1968).

Со времени появления вида *Homo Sapiens* сменилось свыше полутора тысяч поколений, но вряд ли возможно с какой-либо степенью точности и уверенности назвать первое. На деле несколько первых сотен поколений объединены для исследователя одним общим названием — первобытный человек, и хотя его история намного превышает во времени историю современного человека, ибо длилась несколько десятков тысяч лет, для нас она сохранилась в относительно незначительном количестве данных, добытых титаническим трудом многочисленного отряда палеонтологов и антропологов. Что мы можем почерпнуть из этих исследований относительно нашей темы? Какова была динамика возрастов в первобытном обществе? В чем заключались особенности различных возрастных ступеней жизни первобытного человека? Попытаемся по крупицам собрать интересующие нас сведения.

Из многочисленных источников можно судить о средней продолжительности жизни в первобытном обществе: она колебалась в рамках 19 — 21 года. По-видимому, весь жизненный цикл индивида в то время умещался в двух-трех десятилетиях, отведенных на жизнь одного поколения.

На заре человечества и на ранних ступенях его культурного развития центральной фигурой был зрелый человек. Как отмечает польский антрополог Людвиг Кшивицкий: «Человек зрелый как знаток окрестностей и обладатель многолетнего жизненного опыта был объектом уважения в первобытной орде. Он знал, когда и где созревают плоды, как поймать рыбу, каким образом убить зверя и так далее, и благодаря этим знаниям был важнейшим связующим звеном общества. Но с наступлением старости, когда силы уже отказывались служить, знания и умения становились бесполезными. Беспомощного старика бросали на произвол судьбы» (L. Krzuwicki, 1893). Поэтому первобытные общества были обществами без стариков. Специалист по исторической биологии человечества Ильза Швидетцка отмечает, что среди двадцати известных представителей древнего палеолита (неандертальцев), так же как и среди 102 представителей позднего палеолита, не найдено ни одного, который в момент смерти был бы старше 60 лет; среди 65 представителей мезолита найден лишь один старше 60 лет; в эпоху силезского неолита, в австрийскую эпоху бронзы и в шведскую раннюю эпоху железа старые люди составляют около 10% всего числа умерших; чуть более велика доля старых людей в эпоху после переселения народов, о чем свидетельствуют результаты обследования родовых франкских могил (I. Schwidetzky, 1954). Возрастание со временем числа старых людей в первобытном обществе во многом

объясняется изжитием (хотя бы и частичным) возникшего в древности на экономической почве обычая убивать стариков, облеченного часто в форму религиозного требования, хотя по сути мотивировавшегося недостатком пищи. Этим же мотивировался и столь же широко распространенный обычай детоубийства.

Ребенок, как и старик, находился на периферии общественной жизни. Впрочем, для того чтобы занять свое место в жизни, ребенок должен прежде всего выжить, что было крайне трудно. Исследователи считают, что в первый период существования человека на Земле младенческая смертность превышала 50%. Но даже если ребенок и не погибал на первом, самом трудном году жизни, шансы выжить у него были минимальными. Дети погибали от болезней, перед которыми первобытный человек был беспомощен. Не хватало продуктов. Ухода со стороны родителей практически вовсе не было. Кроме того, как мы уже отметили, существовал обычай умерщвления детей, просуществовавший до открытия земледелия. Масштабы умерщвления детей были поистине огромны (от 15 до 50%). По данным миссионеров, две трети всех новорожденных на Таити умирали от удушения или их убивали при помощи острой бамбуковой палки.

По первобытным обычаям умерщвлялись прежде всего две категории детей: слабые, плохо развивающиеся дети (чаще всего девочки) и дети, которые были третьими, четвертыми и т. д. в семье.

Наряду с обычаем умерщвления детей существовал и обычай оставления новорожденных на произвол судьбы, который сохранялся достаточно долго, и даже при развитой государственности (Древний Восток, Египет) к нему вполне терпимо относились власти. Существует мнение, что «легализация» обычая оставления детей преследовала цель снизить число детоубийств. Даже в Древней Греции родителям было позволено бросать новорожденных детей. Этим же обычаем широко пользовались практически все крупнейшие цивилизации древности: египтяне, древние евреи, индийцы, китайцы, греки, римляне. Параллельно широко практиковали аборт механическими и лекарственными средствами.

Особенно трагична была судьба девочек. Если для ритуального умерщвления детей с физическими недостатками, или ставших сиротами в результате смерти матери, или рожденных в «несчастливые дни» брались и мальчики и девочки, то по соображениям экономического характера (нехватка продовольствия) умерщвлялись в первую очередь именно девочки.

С «открытием огня», когда человек научился добывать огонь, положение стариков и детей изменяется к лучшему — возникает первое общественное разделение труда (половозрастное): на

долю мужчин выпадает добыча средств пропитания, а женщины — и с ними дети и старики — наблюдают за огнем.

Итак, первобытное общество было обществом, в котором царил зрелый (взрослый) человек. Практически все существование человека в это время было подчинено достижению зрелости, которая, вспыхнув на краткий миг, уходила в небытие, покидала этот мир, не успев достичь старости, оставляя после себя потомство, у которого мало было шансов на выживание. И все-таки человечество воспроизводило себя и в этих трудных условиях, выжило для будущего в этот трудный период своего становления. В это же время начинают вырабатываться и первые представления о возрастах жизни человека, первоначально органически вплетенные в обыденную, практическую жизнь человека как способ его существования. Посмотрим, каковы же были эти представления.

МИФОЛОГИЯ ВОЗРАСТА

Временные представления древнего человека, наложившие отпечаток на понимание возрастов жизни, существенно отличались от присущих современному человеку. Главная и во многом парадоксальная особенность этих представлений состоит в том, что с позиций современного сознания можно назвать пониманием времени... как «вневременного» или «квазивременного» (Р. Дж. Коллингвуд, 1980). Событие, произошедшее раньше, и событие, совершающееся сейчас, в определенных условиях могут восприниматься архаическим сознанием как явления одного плана, протекающие в одной временной длительности. «Мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, — пишет Дж. Уитроу, — что при своем первом сознательном осмыслении времени человек инстинктивно пытался превзойти или устранить время» (Дж. Уитроу, 1964).

Философ и социолог И. С. Кон называет эту особенность архаического ума «расплывчатостью мифологического сознания», в условиях которой человек не может отделить собственное «Я» от своих бесчисленных предков. Томас Манн в уже цитировавшемся романе «Иосиф и его братья» исключительно тонко передает эту особенность древнего сознания. Старый раб Елиезер рассказывает с мельчайшими подробностями, «как случай из собственной жизни, как собственную», историю о том, как Ицхак сватал в жены Ревеку. На самом деле это был не он, а другой Елиезер, его предок, выполнявший в доме те же самые функции. «Иосиф слушал с удовольствием, не ослаблявшимся никакими недоумениями по поводу грамматической формы

рассказа Елиезера, ничуть не смущаясь тем, что „Я" старика не имело достаточно четких границ, а было как бы открыто сзади, слилось с прошлым, лежавшим за пределами его индивидуальности, и вбирало в себя переживания, вспоминать и воссоздать которые следовало бы, собственно, если смотреть на вещи при солнечном свете, в форме третьего лица, а не первого» (Т.Манн, 1968).

Мифологическое мироощущение выражается не только в повествовании о деяниях богов и героев, за которыми скрыто фактически представление о мире, управляемом волей богов и духов, но и в действиях, в ритуале, как совокупности обрядов, масок, танцев, татуировок, инициации и т. д. Все «происходящее» с мифологическими персонажами приобретает для древнего человека характер парадигмы, прецедента и образца для подражания. Мифы утверждают принятую в первобытном обществе определенную систему ценностей, поддерживая и санкционируя определенные нормы поведения. Это своеобразный «язык» общества, посредством которого регулируются отношения в первобытной общине. Все возрастные представления в таком типе общества подчинены ритуалу, как совокупности обычаев, находящих свое осознание в мифе. При этом возрастные категории выступают в функции «языка», позволяющего сохранять традиции общества.

Такое представление о времени кажется современному человеку неупорядоченным, хаотичным, но в нем есть своя гармония, своя логика и своя эстетика. Хотя древний человек (как, впрочем, в известном смысле и современный) живет одновременно в нескольких временных измерениях (сакральное время, время празднества, время жертвоприношения, время воспроизведения мифа, связанное с возвращением «изначального» времени, наконец, фиксируемое в индивидуальном опыте собственной жизни и т.д.), течение этих разнообразных хроносов в целом подвержено определенной закономерности и может быть охарактеризовано как преобладание идеи обратимости (циклического времени) над необратимостью (линейное время). Это свойственно многим (практически всем) древним цивилизациям и некоторым современным традиционным культурам, сохранившим атрибуты архаического уклада. Специально исследовавший этот вопрос советский ученый А. Я. Гуревич отмечает, что в основе систем ценностей, на которых строились древние культуры, лежит идея вечно длящегося настоящего, неразрывно связанного с прошлым (А. Я. Гуревич, 1981). Традиционное древнекитайское восприятие времени — циклическая последовательность эр, династий царствований, имеющих литургический порядок и подчиненных строгому ритму, как, например, 60-летний циклический

календарь Востока. Выразителем древнеиндийского понимания времени был символ колеса космического порядка, которое вечно движется, постоянно возобновляя круговорот рождения и смерти. Аналогичные представления находим мы и у древних египтян.

Известный американский этнограф Колин М. Тернбул, изучавший происхождение африканских народов и в том числе их возрастные представления в древности, фиксирует возрастную систему, которая может быть иллюстрацией принципиальной схемы циклического типа возрастной системы вообще (см. табл. 1).

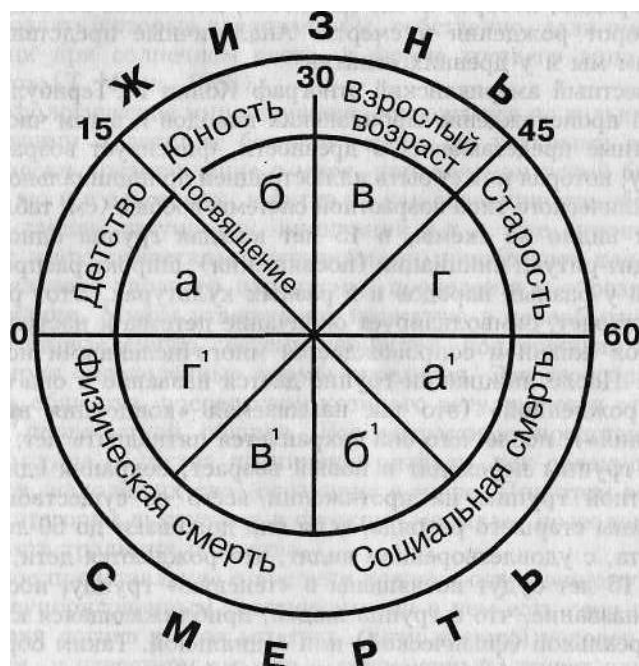
Как видно из схемы, в 15 лет каждая группа одногодок проходит ритуал инициации (посвящения), широко распространенный у разных народов и в разных культурах. Этот ритуал олицетворяет, символизирует окончание детства и наступление взрослой жизни и сопровождается многочисленными испытаниями. После инициации группе дается название и она считается «рожденной» (это так называемая «концепция второго рождения»), после чего она сохраняется пятнадцать лет; затем члены группы переходят в новый возраст, сохраняя единство возрастной группы на протяжении всего ее существования. Мужчины старшего разряда, если они доживают до 60-летнего возраста, с удовлетворением видят, что рождаются дети, которые в 15 лет будут посвящены в «теневую» группу, носящую то же название, что и группа людей, приближающаяся к смерти — реальной (физической) или социальной. Таким образом, сохраняется преемственность поколений (между группами), имеющими свой собственный характер и возрождающимися под тем же названием через каждые 60 лет. Время, как мы видим, движется здесь по кругу.

Надо сказать, что такая система возрастных групп — не только удобный метод возрастного разделения труда: она создает при помощи торжественных и периодических обрядов инициации крепкие духовные узы, связывающие для общего дела большие группы людей, порождает особые чувства «лояльности», на ней зиждется распределение власти, она заставляет молодых людей действовать коллективно для защиты земли, скота, урожая, распределяет «социальные роли» по возрастам, т. е. в конечном счете создает духовную общность людей.

Господство возрастных систем циклического типа в древности вместе с тем не означает, что наряду с ними и параллельно не формируются и первоначальные представления о линейном типе возрастной системы (необратимость времени). Такова, например, одна из дошедших до нас древнекитайских классификаций возрастов жизни

(см. табл. 2). Бросается в глаза отсутствие единого основания в выделении возрастов, метафизический и даже метафорический характер названия отдельных стадий («познание собственных заблуждений»). Характерно и отсутствие стадии детства, которая непосредственно включена в молодость. Показательна тождественность двух последних стадий («желанный возраст» и «старость»), что свидетельствует о том, что 70 лет — редкая продолжительность жизни для того времени и достижение этого возраста было «желанным».

Таблица 1 Циклический тип возрастной системы

Здесь ясно проявляется концепция второго рождения. Каждая группа после инициации сохраняется пятнадцать лет. Она может быть разделена на две подгруппы, но, как и в линейной системе, сохраняет свои отличительные черты на протяжении всего существования.

Таблица 2 Древнекитайская классификация возрастов жизни

1. Молодость	до 20 лет
2. Возраст вступления в брак	до 30 лет
3. Возраст выполнения общественных обязанностей	до 40 лет
4. Познание собственных заблуждений	до 50 лет
5. Последний период творческой жизни	до 60 лет
6. Желанный возраст	до 70 лет
7. Старость	от 70 лет

Гораздо более развернутый и подробный вариант линейного типа возрастной системы рассматривает Колин М. Тернбул на примере одного из африканских племен, сохранивших первобытные обычаи (см. табл. 3).

Каждая возрастная группа делится на несколько подгрупп в соответствии с годом инициации мальчиков. Когда при первой инициации открывается прием в группу, все остальные группы продвигаются на один разряд или уровень. Иногда группа остается «открытой» даже в течение четырех лет, после чего она закрывается на тот период, пока живут представители этого возрастного разряда, и в нее никто не принимается. На первоначальном уровне каждая подгруппа сохраняет свою индивидуальность, у нее может быть даже свой район деятельности. При переходе от юности к взрослому состоянию подгруппы исчезают, вся группа приобретает единую форму (обычно старшей подгруппы) и сохраняет ее до конца жизни членов группы. После смерти последнего члена группы название и отличительные черты ее исчезают навсегда.

То, что циклический и линейный тип возрастной системы сосуществовали в древнем сознании, хорошо показывает еще один вариант возрастной системы. Это, так называемый, ступенчатый тип возрастной системы, вобравший в себя многие черты как циклического, так и линейного представления о времени (см. табл. 4).

Видно, что эта система заимствовала и скомбинировала многие элементы линейной и циклической систем. Примером такого рода системы может служить система возрастных групп масаев (Африка), изображенная на этом рисунке. При ступенчатой системе возрастные группы не делятся постоянно, а объединяются на короткие периоды, когда они охватывают всю молодежь данного разряда или уровня. Каждая группа делится на две части: правой и левой руки. На рисунке показано, что первыми в группу вступают парни правой руки и какое-то время находятся в разряде воинов (моранов) вместе с предшествующей группой. Эта группа движется вперед, хотя подгруппа левой руки, которая следует за ней, еще не прошла инициации. Затем вся группа в целом — правой и левой руки — некоторое время находится в разряде моранов со следующей за ней группой. Таким путем члены каждой подгруппы в течение короткого периода живут вместе с соседними группами — старшей и младшей по возрасту.

Таблица 3. Линейный тип возрастной системы

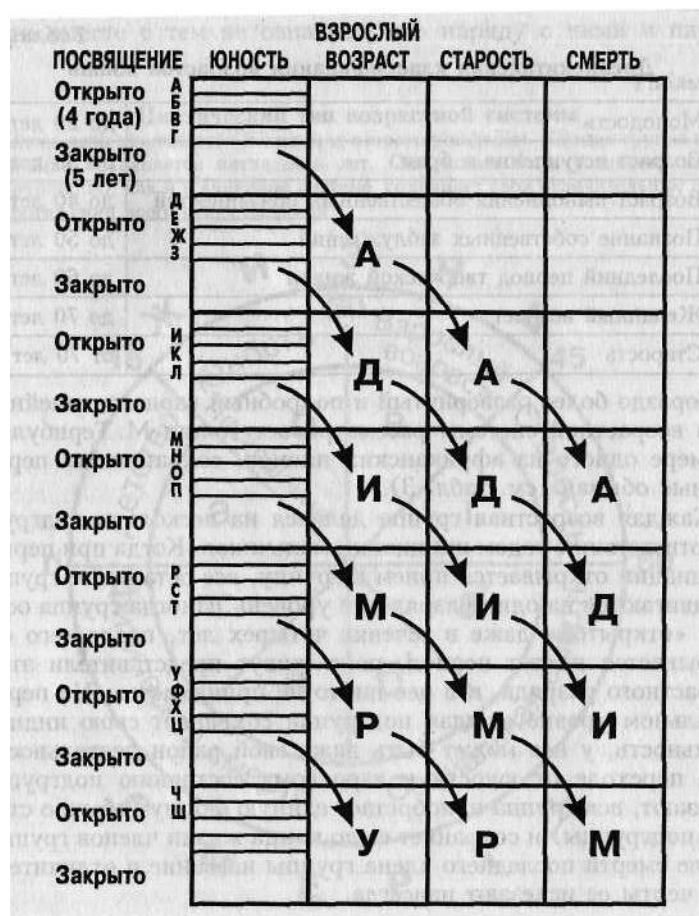
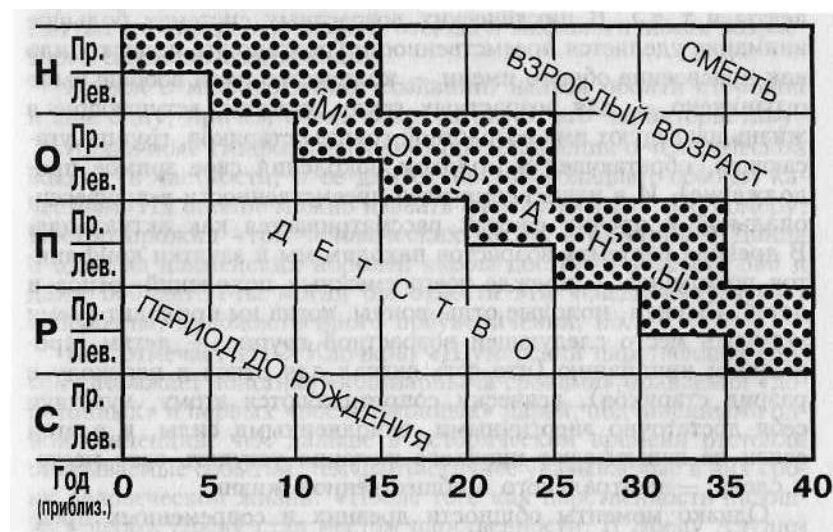

Таблица 4. Ступенчатый тип возрастной системы

Мы остановились столь подробно на характеристике циклической, линейной и ступенчатой возрастных систем потому, что в трансформированном виде организующая идея (циклическости, линейности, ступенчатости) так или иначе присутствует во всех известных в истории возрастных системах. Ее можно узнать и в современных, гораздо более сложных и детализированных возрастных системах. В описанных системах — как в простой, но достаточно показательной модели — мы можем увидеть эскиз многих более

поздних отношений, характеризующих возрастные группы. Так, в древних инициациях мы видим прообраз многих советских обрядов социализации подрастающего поколения, символизирующих их социальную зрелость (например, вручение паспорта, посвящения в молодые рабочие, в студенты и т.д.). В циклических возрастных системах большое внимание уделяется преемственности (реально это происходило как присвоение общего имени — количество имен вообще было ограничено — для возрастных групп, скажем, вступающие в жизнь наследуют имя возрастной группы стариков, группы угасающей, обретающей в молодом поколении свое зримое продолжение). И в наше время идея преемственности в профессиональной и прочих сферах рассматривается как актуальная. В древних системах возрастов находим мы и зачатки конфликтов поколений — прежде всего смежных поколений, отцов и детей. Скажем, молодые отцы-воины, когда им приходит время уступить место следующей возрастной группе — детям, прошедшим инициацию (что есть сигнал для отцов к переходу в разряд стариков), всячески сопротивляются этому, чувствуя себя достаточно энергичными, исполненными силы, и в этой связи не испытывают никакого желания уступать свое место, к слову — центрального в общественной жизни.

Однако моменты общности древних и современных представлений не должны вводить в заблуждение. Система возрастных представлений древнего человека достаточно специфична сама по себе и всецело подчинена единому основанию — мифологическому сознанию. Уже древние люди обратили внимание на социально значимый характер возрастных этапов жизни человека и выработали свою, особенную форму пониманий стадий жизни на основании целостного образа мира, воплощенного в мифе, являющегося образцом для подражания и тем самым способом воспроизводства общественной жизни, ее своеобразным ритмом. Древние люди понимали, что у ребенка, входящего в жизнь, нет какой-либо программы жизнедеятельности, он не приспособлен к жизни, как животные, и в силу этого находится в первые годы своей жизни в пограничном положении (между жизнью и смертью), ибо еще действует естественный отбор и выживают сильные, отсеиваются слабые и «лишние». Положение ребенка регулируется всецело жизнью общины, ее потребностями, и ребенок является деталью социального организма. Он включается в него сначала как часть маски женщины, ибо ритуал предписывает женщине определенный набор обрядов, направленных на попечение и воспитание ребенка. Затем он приобщается к определенной возрастной когорте, в составе которой проходит определенное обучение и воспитание, после чего должен выдержать обряд инициации, чтобы получить право на родовое

имя (без которого он всю жизнь остается

ребенком), и т. п. Таким образом, все возрастные стадии жизни первобытного человека вплетены в ритуал и ему подчиняются. Ритуал же определен мифом, отсюда и мифологичность возрастного самосознания древних.

Говоря о мифологичном сознании, нельзя обойти стороной и еще одну, причем очень существенную, его характеристику.

Архаичные (мифологические) представления о человеческой жизни (в частности, о ее длительности) обладают особым качеством. Их вполне можно назвать фантастичными. По Гомеру, Нестор прожил «три человеческих века», а иллирийец Данда и один из лакмейских королей якобы достигли возраста 500 и даже 600 лет. Мы могли бы отнести эти «сведения» за счет гиперболы, художественного преувеличения, но...

Как отмечает И. С. Ключков, «Шумерский царственный список» поражает поистине «кошмарными сроками» правления «допотопных» и первых «послепотопных» царей, подчиненными одной тенденции: чем дальше в историческом времени отстояли описываемые события, тем фантастичнее указываемые в них сроки человеческой жизни: «После того как царственность низошла с небес, Эреду стал местом царственности. В Эреду Алулим 28 800 лет отправлял. Алалгар отправлял царство 36 000 лет. Два царя отправляли царство 64 800 лет. Эреду был оставлен, его царственность перенесена в Бадтибиру. В Бадтибуре Энмен-луанна отправлял царство 43 200 лет». Всего «до потопа» восемь царей царствовали в пяти городах 241 200 лет! «После потопа» продолжительность царствований резко падает, хотя и остается внушительной («В Кише Гаур 1200 лет отправлял царство»). И только начиная с восьмой «послепотопной» династии идут сравнительно правдоподобные сроки человеческой жизни (И. С. Ключков, 1983).

И. С. Ключков отмечает, что почти все числа правления шумерских царей кратны 360 (по древнему календарю Месопотамии в году было 360 дней); таким образом, оказывается, что «день равен году», и получить реальные сроки правления можно делением на 360, что математически дает правдоподобные результаты. Возможно, что такими «временными коэффициентами» древние ученые Междуречья зашифровывали степени сакральности тех или иных династий? Во всяком случае цифры здесь имеют явно выраженный символический характер (намеренное преувеличение призвано придать значимость, священность культу царей, превращая самые сроки их жизни в символ царской власти).

Аналогичные фантастически-символические указания продолжительности человеческой жизни мы находим и в других исторических источниках разных времен и народов. Так, в Библии необычайным долголетием отличаются ветхозаветные патриархи: Адам жил до 930 лет, а Ной — 950 (Бытие, V, 5; IX, 29). Как и в «Шумерском царственном списке», послепотопные патриархи жили меньше, чем допотопные: Авраам умер в возрасте «всего» 175 лет, немногим больше прожил Исаак — 180 лет (Бытие, XXV, 7; XXXV, 28). В Библии также говорится, что человеческий век до потопа составлял 120 лет и жили тогда «на земле исполины» (Бытие, VX, 3 — 4). Видимо, не без влияния Библии известный русский историк XVIII века В.Н.Татищев пишет в «Сказании о звере мамонте»: «Жизнь человека продолжалась более 900 лет, которому помогствовала по повсюду разная и благая от благих плодов пища и всегда равно пребывающая теплота даже до произведенного жестокого и праведного Божия за грехи потопом наказания».

Этот материал представляет для нас существенную ценность, но не как историческая справка, ибо в нем нет ни грана того, что называется «научными данными» (ни один ученый не поверит в возможность многовековой продолжительности человеческой жизни в прошлом, даже учитывая «райские условия» и «благую пищу»). Важно здесь другое. Уже на ранних ступенях общественного уклада возникло особое явление общественной мысли — возрастной символизм, который будет сопутствовать всей дальнейшей истории возрастов в античности, в средневековье и даже в наше время, сохраняясь и оберегаясь обыденным сознанием.

Возникает же возрастной символизм в недрах и на основе мифологического сознания, как своеобразной автономной символической формы культуры, особым образом моделирующей мир.

Подводя промежуточный итог рассмотрению истории возрастов жизни на первоначальных этапах общества — в пору первобытности и в первых рабовладельческих державах Востока, — надо отметить их особенность в сравнении с более поздними этапами, состоящую во вплетенности представлений о возрастной динамике развития человека в непосредственную жизнедеятельность (ритуал). Известный исследователь — филолог и историк культуры С. С. Аверинцев — обратил внимание на эту особенность древних цивилизаций в сравнении с древними греками. Он пишет: «Вся мысль египтян, вавилонян и иудеев в своих предельных достижениях не философия, ибо предмет этой мысли не „бытие“, а жизнь, не „сущность“, а существование, и оперирует оно не „категориями“, а нерасчлененными символами человеческого самоощущения — в мире, всем своим складом исключая техническо-методическую „правильность собственной философии. В

отличие от них, греки, если позволительно так выразиться, извлекли из жизненного потока явлений неподвижно-самотождественную „сущность" (будь то „вода" Фалеса или „число" Пифагора, „атом" Демокрита или „идея" Платона) и начали с этой „сущностью" интеллектуально манипулировать, положив тем самым начало философии. Они высвободили для автономного бытия теоретическое мышление, которое, разумеется, существовало и до них, но, так сказать, в химически связанном виде, всегда внутри чего-то иного. В их руках оно впервые превратилось из мышления-в-мире в мышление-о-мире» (С. С. Аверинцев, 1971).

Таким образом, в период до античности идея возрастов жизни фактически не имела своего теоретического анализа, не была предметом рефлексии. Начиная с древних греков открывается история теоретического освоения понятия о возрастах жизни.

ФИЛОСОФИЯ ВОЗРАСТА

Понятие о возрастах человеческой жизни в европейской традиции восходит к ионической философии VI века до н. э. В воззрениях представителей древней Ионии неразрывно сплелись мифология и философия, магия и стихийный материализм, медицинские и естественные знания. Значение идей ионических мыслителей для развития представлений о человеческих возрастах невозможно переоценить — в преобразованном виде мы находим их у различных философов Эллады (Платон), в эпоху эллинизма, в драматических спекуляциях Византийской империи и в знаменитой «Энеиде» Вергилия, в средневековых трактатах и даже во многих предрассудках современных обыденных представлений о возрастах жизни.

Две идеи древних ионических мыслителей оказались наиболее живучими и распространенными. Одна состояла в утверждении фундаментального единства природы, единства естественных и сверхъестественных сил, восходящая к народным верованиям языческих времен. Мир понимался как единая система, управляемая на основании одного строгого закона (космического детерминизма), обуславливающего все — от движения планет и сезонных изменений вегетативного цикла до судьбы человека. Отсюда понятно стремление выдающегося древнегреческого философа и математика Пифагора найти аналогию между возрастaми жизни и сменой времен года, которую мы видим в его классификации возрастов жизни — наиболее древней из известных нам среди ионических мыслителей (см. табл. 5). Пифагор сравнивал детство и юность («период становления») с весной, молодость — с летом и т.д. Продолжительность каждого возраста, по Пифагору, составляла ровно 20 лет. Для современного ума выделение

двадцатилетнего цикла скорее всего покажется непроходимым формализмом и выглядит более чем условно. Во времена Пифагора такой «формализм» был выражением совсем другой идеи, ничего общего с современным понятием формализма не имеющей. Мы имеем в виду другое фундаментальное положение ионической философии, своеобразно конкретизирующее идею всеобщей связи явлений, — установление символизма цифр. Цифры для Пифагора — не только математические знаки, но и неотъемлемый атрибут религиозных спекуляций, физического описания мира, магических обрядов и т. д.

Таблица 5 Классификация возрастов жизни по Пифагору

Период	Годы
1. Период становления	0 — 20 лет («весна»)
2. Молодой человек	20 — 40 лет («лето»)
3. Человек в расцвете сил	40 — 60 лет («осень»)
4. Старый и угасающий человек	60 — 80 лет («зима»)

Пифагор родился на острове Самос в эпоху тирании Поликрата, союзника египетского фараона Амасиса. Благодаря связям с Египтом Пифагор мог ознакомиться с основными интервалами струнных инструментов, а также с архитектурой и скульптурой Египта; в последней давались числовые отношения размеров деталей здания (или частей тела), выраженных в некоторых единицах (модулях). Таким образом, числа (у Пифагора целые) являлись «природой всех вещей».

Цифры позволяли древним грекам устанавливать в слитом в неразрывное целое мире определенные соответствия, которым приписывалось значение отнюдь не случайного совпадения, внешней аналогии, а существенной характеристики космического порядка. Особенно ярко это проявилось в классификации возрастов жизни, данной другим выдающимся древнегреческим философом и врачом с ионического острова Кос — Гиппократом (460 — 377 или 359 г. до н.э.). Авторство этой классификации приписывается еще афинскому законодателю Солону (VII-VI вв. до н.э.).

Таблица 6 Классификация возрастов жизни по Гиппократу

Период	Годы
Первый	0-7
Второй	7-14
Третий	14-21
Четвертый	21-28
Пятый	28-35
Шестой	35-42
Седьмой	42-49
Восьмой	49-56
Девятый	56-63
Десятый	63-70

В делении жизни на возрасты (см. табл. 6) Гиппократ исходил из древней науки о переломных («климактерических») годах, в центре которой находилась идея цифрового символизма. Согласно этим представлениям, каждые семь (по другому мнению — девять) лет происходит коренная перестройка человеческого организма, опасная для здоровья и жизни человека. Древние боялись возрастов 7, 14, 21... 63, 70, 77 лет (в другом варианте — 9, 18, 27... 63, 72, 81 год). Особый ужас, понятно, вселял в древние души возраст 63 года, когда оба цикла совпадают. С этими повериями, возможно, связано мнение Платона о 81 годе как пределе человеческой жизни. По свидетельству польского демографа Эдварда Россета, возраст 77 лет («две косы» или «два топорика», перерубающие человеческую жизнь) до сих пор наводит мистический ужас на многих поляков. Гиппократ в полном соответствии с этими представлениями делил жизнь человека на десять периодов по семь лет каждый. И надо сказать, что его, казалось бы, «нехитрая» классификация оказала огромное влияние на последующих мыслителей. Ее разделяли римский государственный деятель и писатель Плиний Младший, римский грамматик и эрудит Макробиус, арабский философ и врач Ибн Рушд (Аверроэс) из Кордовы. Даже в Библии находятся параллели этой глубоко языческой по своему происхождению идеи: Адам, как следует из Святого Писания, умер на 931 году жизни (т. е. 7×133). В более поздние времена, в XVII веке, делались попытки (Мартин Панса) объяснить семилетний цикл следствием влияния Сатурна на нашу земную жизнь. Лишь в конце того же века польскому ксендзу Каспару Нейману, собравшему соответствующий материал и призвавшему на помощь крупнейшего философа и математика того времени Готфрида Вильгельма Лейбница, при содействии Лондонского королевского общества и известного английского астронома и математика Эдмунда Галлея

удалось установить безосновательность положения о «переломных годах жизни», об их якобы смертоносном влиянии на жизнь человека.

Важно отметить, что «мир воспринимался и переживался древними греками не в категориях изменения и развития, а как пребывание в покое или вращение по великому кругу. События, происходящие в мире, не уникальны: сменяющие одна другую эпохи повторяются, и некогда существовавшие люди и явления вновь возвратятся по истечении великого года» — пифагорейской эры (А. Я. Гуревич. Представления о времени в средневековой Европе, с. 162—163.) Обратим внимание читателя на органическую близость, граничащую с непосредственным заимствованием, многих представлений древних греков о космическом и индивидуальном времени и упоминавшихся ранее представлений жителей Древнего Востока. В преобразованном виде здесь можно найти и идею циклического времени (векторное или линейное время играло для греков весьма служебную роль), и концепцию второго рождения, и элементы линейной возрастной динамики жизни (у Гиппократов). Вместе с тем элементы культурной преемственности здесь сильно замешаны на оригинальной и самобытной древнегреческой мифологии, на «астрономичности» (А.Ф.Лосев) античного сознания. Древний грек как бы созерцает совершенный, гармонический космос — «пластически слепленное целое, как бы некую общую статую или даже точнейшим образом настроенный и издающий определенного рода звуки инструмент» (А.Ф.Лосев, 1963). А.Ф.Лосев пишет о некоем «скульптурном стиле истории», замечая, что космос античного эллина — «материально-чувственный и живой космос, являющийся вечным круговоротом вещества, то возникающий из нерасчлененного хаоса и поражающий своей гармонией, симметрией, ритмическим устроением, возвышенным и спокойным величием, то идущий к гибели, расторгающий свою благоустроенность и вновь превращающий сам себя в хаос» (А.Ф.Лосев, 1963).

Философско-теоретические воззрения древних греков относительно возрастов жизни необходимо дополнить характеристикой существовавших в ту эпоху специфической организации возрастных групп.

Возрастная структура общества в античности, сохраняя осмысленные философски мифологические элементы, уже принципиально иная. Возраст для древних греков уже не является

элементом ритуала, и половозрастное разделение труда фиксируется у них не

мифологическими средствами. Миф еще сохраняет свои права, но уже вынесен непосредственно за скобки жизнедеятельности — буквально вынесен на театральные подмостки (Эсхил, Еврипид, Софокл), — на него смотрят со стороны, рассматривая иллюзорную жизнь богов и героев. Анализируя ее в своем сознании, древний грек не подчиняется слепой воле образца, а мысленно его перерабатывает, согласуясь с логикой жизни. Акцент все более смещается из области мифологии в область философии жизни.

Какова же была сама эта жизнь, взятая в плане ее возрастной динамики?

Прежде всего отметим, что как в первобытном обществе, так и в античной Греции центральное место в общественной жизни занимал человек. Положение детей было не столь плачевным, как в первобытном обществе, но все-таки «служебным» по отношению к цветущей породе. Известно, что в Древней Спарте фактически неизменным остался первобытный обычай уничтожения слабых и плохо развитых детей. Спарта была преимущественно военной державой, в ней почти все было подчинено задачам поддержания и развития военной мощи, основанной прежде всего на культе здорового мужского тела. Все мужчины в возрасте от 6 до 30 лет были четко организованы и контролировались членами «геруссии» (своего рода совета старейшин). С 6 до 18 лет молодые люди воспитывались, готовились к тяготам военной службы, а с 18 до 30 ее несли. Большую часть времени молодые спартанцы жили отдельно от семьи под руководством специальных наставников. С 30 лет спартаец, продолжая военную службу, получал полные гражданские права и возможность жить дома. После 60 лет он становился членом старшей возрастной группы, из которой и выбирались члены геруссии.

В соседних Афинах жизнь была не столь жестко регламентирована, а лишь одна возрастная группа — эфебы (с 18 до 20 лет) — была всецело занята вопросами военной подготовки.

Особо отметим изменение положения стариков, которые если и не играют в античной Греции центральную роль, то и не могут быть отнесены к периферии общественной жизни. Подчеркнутое отношение древних греков к мудрости, ассоциируемой со старостью (Эпикур), делает старика из дряхлого и непригодного к активной общественной жизни члена первобытного общества в фигуру существенную — старейшину, в функции которого входит управление страной, руководство воспитанием подрастающего поколения. В Древней Греции чтили своих долгожителей.

До наших времен дошли сведения о древних долгожителях Эллады преимущественно из среды людей знаменитых, прославившихся на каком-то общественном поприще. Так, поэт Симо-нид прожил до 90 лет, поэт Стесихор — 85; философ-атомист Демокрит — 104 года; стоик Зенон — 98 лет и стоик Кле-анф — на год больше.

В Риме отрочество считалось до 14 — 17 лет, до получения тоги взрослого; молодость — до 46 лет (римские граждане, достигнув 46, увольнялись с военной службы и переходили в старший разряд своей центурии), после чего начинался преклонный возраст; в 60 лет, по представлениям римлян, наступала старость.

У римлян совершеннолетие формально наступало с момента, когда, по приговору семейного совета, юноша снимал с себя детское одеяние и надевал мужскую тогу. Признаком совершеннолетия признавалось наступление половой зрелости, что в древности могло почитаться свидетельством в пользу пригодности юноши к военной службе. В императорском Риме мужское совершеннолетие устанавливалось в границах 14—17 лет. Относительно женщин, по свидетельству римских юристов, совершеннолетие наступало раньше, приблизительно к 12 годам. Впрочем, последний вопрос не имел практического значения, так как женщина в Риме всю жизнь находилась под «вечной» опекой отца, мужа, ближайших родственников.

И. С. Кон, анализируя особенности возрастного уклада в Древнем Риме, пишет: «В республиканском Риме основным механизмом воспитания детей, во всяком случае у верхушки общества, была семья. Сначала ребенка воспитывала мать, затем отец, часто с помощью специальных воспитателей из числа рабов. Позже, когда подросток начинал участвовать в общественной жизни, им обычно руководил личный друг или патрон семьи. Римский обряд инициации — вручение мужской одежды — также являлся в большей мере семейным делом. Такая система способствовала воспитанию индивидуализма и ориентировала молодого человека прежде всего на собственную семью» (И. С. Кон, 1967).

Вместе с тем именно в Древнем Риме возрастные понятия, I как нигде ранее, обнаруживают явственную тенденцию к обозначению общественных связей человека, выходящих за рамки чисто семейных отношений. Недаром они являются особым предметом Римского права. В своем социальном наполнении — как этапы социальной жизни — рассматриваются возрастные категории в трудах римских мыслителей. Так, например, латинское слово «*iuvenis*» (юноша) фигурирует у Тацита в разных значениях — им он

обозначает и 14-летнего подростка, и юношу в 18 лет, и мужчину 30 лет, и даже 36-летнего консулярия. Главное в семантике слова «iuvenis» у Тацита — представление о человеке, стоящем на пороге общественной деятельности, но не обладающем всей полнотой сил, прав и обязанностей самостоятельного гражданина. Этот главный смысл раскрывается в контекстах, вроде следующих: «...становясь юношами (iuvenis), которым вот-вот предстоит вступить на Форум» (Диалог об ораторах, 33, 4); «юноша (iuvenis) — это тот, кто готовится к выступлениям на Форуме и ораторской деятельности» (там же, 34, 1).

Другой видный представитель своей эпохи — римский юрист Ульпиан (III в. до н. э.) — составил первые в своем роде таблицы смертности, ставшие впоследствии одним из важнейших методов демографического исследования, которые представляют любопытный памятник античной культуры (см. табл. 7).

Таблица 7 Средняя продолжительность предстоящей жизни по Ульпиану

Возраст	Средняя продолжительность жизни	Возраст	Средняя продолжительность жизни
0-20	30	44-45	15
20-25	27	45-46	14
25-30	25	46-47	13
30-35	22	47-48	12
35-40	20	48-49	11
40-41	19	49-50	10
41-42	18	50-55	9
42-43	17	55-60	7
43-44	16	60 и старше	5

Из таблицы можно сделать вывод, что возраст 65 — 67 лет считался в Древнем Риме уже вполне нормальной продолжительностью жизни. К этому следует прибавить, что вообще в Древнем Риме старик становится довольно видной фигурой. О почитании стариков в Риме говорит хотя бы тот факт, что высшее государственное учреждение

называлось «сенат» (от слова «senes» — старик). Кстати, отсюда же пошло название «сенат» известного органа государственной власти в послепетровской России, которое к тому времени потеряло близкую связь с исходным этимологическим значением как «совет старейшин», а трактовалось как место заседания и отправления общественных обязанностей наиболее уважаемых и облеченных властью мужей вне зависимости от их возраста.

Одновременно старость была и предметом философских спекуляций римлян, среди которых выделяется трактат знаменитого оратора Цицерона «О старости», оказавший существенное влияние на судьбы изучения старости как особого возраста в последующие времена. Выдвинутый им тезис — старость есть болезнь — просуществовал вплоть до нашего времени, составляя во многом центральное звено трактовки этого возраста в средневековье, Возрождении и даже в Новое время. Опираясь на этот тезис, римский врач и естествоиспытатель Клавдий Гален (ок. 130 — ок. 200), непререкаемый авторитет в медицине вплоть до Возрождения, направление трудов которого справедливо назвать «натурфилосовским», дал множество полезных советов о гигиене старости, рассматривая возможности профилактики старости (как болезни) — гимнастика, массаж, занятость, ограничения в питании, опасность кровопускания и т. д. Таким образом старость уже в Древнем Риме становится предметом достаточно подробного и разностороннего осмысления и анализа.

Резюмируя рассмотрение возрастной проблематики в эпоху античности, отметим ее основные особенности. Древние греки сделали представления о возрастах жизни предметом философской спекуляции, впервые осмыслили их как особый предмет теоретического мышления. Они заложили в основание теоретического анализа возрастов идею космического детерминизма, фундаментального единства природы, развили и усовершенствовали возрастной символизм. Римляне сделали возрастные представления предметом своего права (юриспруденции), вскрыли неразрывную связь возрастных категорий с процессами общественной жизни. В реальной системе возрастного деления общества отмечается изменение роли стариков (при сохранении главной позиции за «зрелым человеком»), которые становятся объектом подчеркнутого уважения (как мудрецы). Здесь же следует сказать, что античность представляет собой относительно замкнутый и цельный фрагмент истории человечества, развитые в ней представления о возрастах жизни являются собой относительно замкнутый и самодостаточный концентр мировоззрения древних эллинов и римлян. В то же время указано на идеи, которые получают свое развитие в ходе

дальнейшего осмысления возрастных категорий жизни, сделан акцент на линии исторического развития, а не только на специфике собственно античного сознания.

Уникальной по сути дела была титаническая попытка антиков найти целостность картины жизни и составляющих ее стадий (возрастов) средствами философского анализа. Тем самым был намечен магистральный путь развития общественного сознания от мифологии через философию к спектру научных и гуманитарных воззрений нашего времени. Древние греки и римляне первыми увидели многие из этих аспектов рассмотрения возраста (медицинский, естественно-научный, юридический, экономический, этический и т.д.). И все же наиболее характерной чертой их мировоззрения была философичность. Пожалуй, никогда впоследствии в истории общества, каких бы высот ни достигала философия в ходе своего развития, она не была уже таким концентром понимания возрастов жизни. Отсюда и тот акцент, который мы сделали в описании возрастов жизни в античности.

Следующий наш шаг — в средние века.

МАГИЯ ВОЗРАСТА

Понятие «„возрастов жизни"» занимает значительное место в псевдонаучных трактатах средневековья, — пишет французский историк Ф. Ариес. — Их авторы употребляют терминологию, которая кажется часто вербальной: детство (*enfance*) и отрочество (*puerilite*), молодость (*jeunesse*) и юность (*adolescence*), старость (*vieillesse*) и сенильность (*senilite*). Каждое из этих слов призвано обозначить какой-то один, определенный период жизни» (Ph. Aries, 1960). Ф. Ариес прав, когда говорит, что эта терминология только кажется нам «чисто вербальной». Для людей средневековья понятия возрастов жизни играли роль «научных понятий», причем очень строгих, не менее существенных, чем понятия «веса», «меры» и т.д. Все дело в том, что понятие о «возрасте», «возрастах жизни», «возрастах человека» для средневековых мыслителей было неотъемлемой категорией восприятия мира, восходящего к системе физического описания и объяснения, разработанной в ионической философии VI века до н. э. и усвоенной компиляторами средневековья из византийских источников. Эта система объяснения, как уже отмечалось, базировалась на идее фундаментального единства мира — природного и сверхъестественного. В этой концепции мира одним из показателей подобной взаимосвязи и единства было совпадение чисел, их символизм. И возрасты жизни трактовались как один из показателей этих таинственных связей человека в мире. При этом ученые средних веков явно злоупотребляли

астральными аналогиями, и поэтому картина связи человека и мира у них носила поверхностный характер астрологического гороскопа, тесно связывалась с «семью планетами», знаками Зодиака и т.д. Такое понимание было вовсе не шарлатанством, а чисто логическим продолжением идеи космического детерминизма. Здесь важно ощутить особенность мировосприятия, стиль мышления человека средневековья и его особое ощущение жизни. В самом общем виде это можно определить как покорность судьбе, року, предначертанию, закрепившемуся в известной французской поговорке «c'est la vie!». Для человека средних веков жизнь была необходимой, циклической преемственностью, подчас смешной или же меланхолической, возрастов жизни, предначертаний, скорее, общим порядком и сущностью вещей, чем личным опытом каждого, так как очень небольшому количеству людей выпадало на долю прожить все эти возрасты в эпоху высокой смертности, которую, кстати, ученые объясняют, в частности, упадком врачебного искусства.

Тема возрастов жизни была необычайно популярна в средние века в народном искусстве, а также позднее в работах профессиональных живописцев, например, Тициана и Ван-Дейка. Любопытно, что живопись раннего средневековья изображала в распространенных картинах сюжет «ступеней жизни» ребенка как копию взрослого, уменьшенную в размерах, отличить которого скорее возможно по некоторой символической атрибутике, нежели как возрастной тип. Равно и представители других возрастов жизни распознавались прежде всего по некоторым атрибутам одежды и предметной среды (школяр с книжкой, возле старика стоит смерть с косой и т. д.).

Занятно и то, что при столь внимательном отношении к возрастам жизни они очень часто путаются: не делается различия между отрочеством и юностью, а, в свою очередь, эти два понятия легко подводятся под общее — детство. Средневековые школы и университеты не строились по возрастному принципу, и в одном классе находились школяры разного возраста. Поразительно и фактически абсолютное безразличие средневековья к биологическим факторам, в частности, к половому созреванию, которое никто не принимал за окончание детства. Детство было тесно связано с идеей зависимости и не кончалось, пока не кончалась зависимость от «сеньора». Поэтому «мальчиком» (*valet, garson*) мог быть назван человек практически в любом возрасте. Словом, на первом плане находились вопросы сословные, а о возрастном самосознании в нашем современном понимании этих слов применительно к средневековью можно говорить лишь условно.

Естественно, что при таком миропонимании говорить о какой-то жесткой реальной возрастной структуре общества не приходится. В отношении деревенских общин средневековой Европы бессмысленно, например, разделять «детство» и «молодость» — они слиты в «сплошности» общинного сознания, лишившего человека всякой индивидуальности, в том числе и возрастной. Здесь возрасты жизни существовали как фактор половозрастного разделения труда — не более. В городах с их ремесленными цехами существенен был лишь возраст, когда ребенок мог стать «подмастерьем» и достичь противоположного полюса «карьеры» — стать старейшиной. Здесь возрастная дифференциация более подробна, но также не существенна. Словом, ученые Византии и средневековой Европы дали наименования отрезкам жизни, многие из которых тогда практически для большинства населения не существовали. И детство, и отрочество, и молодость, да и старость — завоевания более поздних эпох развития человечества. Вот, кстати, почему Ф. Ариес и говорит о вербальности средневековой проблематики возрастов жизни.

Говоря о средних веках, нельзя не затронуть один мотив, который нашим современникам покажется экзотическим — и совершенно напрасно. Дело в том, что, говоря о людях средних веков, причем даже о таких их выдающихся мыслителях, какими были Фома Аквинский и Августин Блаженный, трудно скрыть, что они верили в бесов. Так, Августин утверждал, что Церера, Вакх, Пан, Приам, фавны, сатиры, наяды и ореады «все суть действительные бесы» (См.: Н.Сперанский, 1904). Чему же удивляться в таком случае, что простонародье со священным трепетом и вполне искренне верило в то, что на огне костра инквизиции горят «самые натуральные ведьмы». Короче, нельзя отрицать, что средние века были подвержены существенному влиянию мистического мировосприятия, которое затронуло и возрастную тематику, в частности такой известный вопрос, как взаимоотношения молодости и старости, попытки вернуть молодость, продлить жизнь. Поэтому расскажем об этом отдельно.

Справедливости ради надо сказать, что попытка установления связи между возрастами жизни и действием магических сил не составляет сугубую привелегию средневековья. Магическими манипуляциями с возрастом человек занимался с древних времен; интересуется магией и наш просвещенный век — нет-нет и всплывет какой-нибудь очередной «медиум», грозящий современникам открытием тайн бессмертия и долголетия. Впрочем, это очень старая история. Испокон веков не только о бессмертии и долголетии мечтал человек». Не продления жизни ищет, к примеру, легендарный Фауст — он жаждет продления молодости. Из древней греческой мифологии известна фигура несчастного Титона, которому по просьбе богини света Эо

даровали бессмертие, но не дали вечной молодости. Джонатан Свифт описал бессмертных жителей Лапуты: тот, кто рождался со знаком бессмертия на лбу, был заранее обречен на бесконечное прозябание в старческом возрасте.

История человечества, в том числе и самая дальняя, дает примеры многочисленных попыток найти «эликсир жизни», а точнее «эликсир вечной молодости», избавления от старческой немощи, недугов и страданий.

Уже в древнеиндийской медицине Аюрведе мы находим соображения, направленные на сохранение молодости, в которых много практической житейской мудрости, советов гигиенического характера.

В известном древнеегипетском папирусе Смита приведены советы более чем 400-летней давности, помещенные под многообещающим заголовком «Начальная книга превращения старых в молодых». Впрочем, рецепты разочаровывают любителей сильных средств, ибо это в основном косметические советы. В конце рукописи сам автор признается, что эти средства «излечивают плешь, пятна на коже и другие неприятные признаки старости» — не более.

В древнегреческой мифологии волшебница Медея обладала силой возвращать старикам молодость, разрезая их на куски и кипятя в котле с волшебными травами. Предания сохраняют воспоминания об одном из колхидских царей, который подвергся этой мучительной процедуре, причем с фатальным для себя исходом, хотя его операции предшествовал «эксперимент», в результате которого Медея якобы успешно омолодила козла. Источник этого предания — древнеегипетский миф о воскрешении и омоложении Озириса, а также греческие мистерии поэтического цикла Орфея. Идея омоложения после купания в волшебном котле, как известно, вдохновляла римского поэта Овидия и александрийского алхимика Зосимоса. Здесь же вспомним и мифическую птицу Феникс, также возвратившую себе юношескую свежесть, возродившись из пепла.

Мотив омоложения — излюбленный сюжет многих народных сказок, таких, например, как японская сказка «Веер молодости» или одна из сказок братьев Гримм «Кованный заново человек». Впрочем, в народных сказках мотив омоложения волшебными средствами часто сопровождается иронией — в одной японской сказке старуха переусердствовала, прикинув к «омолаживающему роднику», и превратилась в ребенка, о чем повествуется не без сарказма. Вспомним печальную судьбу царя из русской сказки о Коньке-Горбунке, который, как

известно, «бух в котел и там сварился».

Особенно оживляются попытки найти способ омоложения в средние века, понятно почему — это было отношением к старости как таковой: если в древнегреческой литературе старцы всегда изображаются прекрасными, то в средневековье их изображения безобразны. Отсюда столь страстное желание омоложения. И средневековые астрологи, алхимики, философы ищут «филосовский камень», который мог бы дать человеку богатство, силу и молодость.

Главнейшими алхимическими средствами для возвращения молодости считались золото, тело мумий, мясо гадюки и человеческая кровь. Объяснялось это так: золото, например, «тесно связано с солнцем» — источником тепла — и «поэтому» способствует сохранению жизненного тепла, и т. д. Знаменитый ученый средневековья Роджер Бэкон утверждает, что с помощью магии можно освободить человеческое тело от всех «неправильностей» и продлить жизнь на века. Особенно он рекомендовал чистое золото, ладан, жемчуг, розмариновое масло, костный мозг, сырое мясо гадюки и... дыхание молодых женщин.

Последнее было связано вот с чем.

Одним из неизменных «спутников» старости является потеря половой потенции, хотя описано немало случаев, когда люди в 120—150 лет сохраняли не только немалые умственные силы, но и силы физические, в том числе и половую потенцию. Так, знаменитый Томас Парр прожил 152 года трудовой, крестьянской жизнью. В 120 лет он вторично женился на вдове, с которой прожил 12 лет, и был бодр, так что, как говорят современники со слов вдовы, она не замечала его старости. Впрочем, исключения на то и исключения, чтобы явнее выделять правила. Вместе с тем человечество меньше всего готово согласиться с категоричностью некоторых законов жизни. Известно, что исторически, особенно в XIV — XVIII веках — во время бурной экспансии «черной магии», — прилагались многочисленные усилия к продлению половой потенции самыми различными способами, в том числе и такими, которые в наш просвещенный век мы назовем не иначе как варварскими, хотя и относятся они к временам более поздним и отмечены в колыбели западной Цивилизации — Европе. Одним из этих способов был вампиризм — поглощение крови молодых людей с целью омоложения. В дальнейшем, правда, этот «метод» из арсенала черной магии в XVI — XVII веках нашел свое

парадоксальное преломление в чисто научной идее переливания крови, о чем современная медицина предпочитает умалчивать, по известным соображениям гнушаясь своего малосимпатичного «предка». Не менее распространен был и сунамитизм — тоже магический прием, основанный на идее омолаживающего действия дыхания молодых девушек, содержащего якобы «жизненную силу во всей ее чистоте», о чем утверждал еще Роджер Бэкон. Стоит ли подробно говорить о том, сколь тщетны были эти усилия, направленные прежде всего на то, чтобы принять желаемое за действительное, к чему, впрочем, испокон веков и стремилась магия.

Вместе с тем навязчивость магических «методических рекомендаций» в средневековые поражает — они повсеместны. И все напоминают по сути «рецепт», принадлежащий врачу и философу М. Фичино (1433—1499): Если человек достиг 10х7 или 9х8-летнего возраста, дерево его тела становится все более и более сухим, поэтому, чтобы помолодеть, оно нуждается в жидкостях молодого тела. Он должен отыскать молодую, здоровую и красивую женщину и, прикинувшись к ее груди, пить ее молоко во время полнолуния; а затем он должен есть порошок укропа с сахаром, так как сахар препятствует свертыванию молока в кишечнике, а укроп — друг молока и открывает ему путь ко всем органам.

Впрочем, простота магической рецептуры оказалась сродни простоте последствий ее применения — она просто не давала никакого эффекта, даже если средства были достаточно сильные. Например: состоятельные старики ложились спать между двумя специально тренированными девственницами, и... никакого эффекта!

Экспансия магических средств продолжалась достаточно долго. И в XVI веке мы находим упоминание о некоем немецком враче Парацельсе, который искал «эликсир жизни», нашел его, постоянно пил и... умер в возрасте 48 лет! Другой немец, Кахаузен, раскопал в писаниях средневековых врачей имевший большое хождение в ту пору «рецепт царя Давида» об омоложении теплом, но искомого эффекта также не достиг.

Этот список можно продолжать довольно долго; Но своей цели мы уже достигли. Мы показали «блеск и нищету» магии возраста в средневековой Европе. Пора двинуться дальше.

НА ПУТИ К НАУКЕ О ВОЗРАСТЕ

Ренессанс был обращением к «светлой античности», несмотря на различия в трактовке этой эпохи развития человечества. Не столь уж важно, противопоставляем ли мы Возрождение

средним векам или пытаемся найти в них черты культурной преемственности — в конечном счете, если не абсолютизировать эти крайние точки зрения, они прекрасно уживаются (несомненно как то, что Ренессанс вызрел в недрах средневековья, так и то, что он существенно отличался от последнего). Чтобы выразить эти «преемственность — отличие», необходимо обратиться к сквозной для античности — средневековья — Возрождения, как непосредственно сменяющих друг друга исторических эпох, идее *quinta essentia* (пятой сущности). Древние греки и латиняне понимали под нею некий пятый, причем основной элемент — основную сущность вещей, одухотворяющую, приводящую в движение другие субстанции (воду, землю, воздух и огонь — первые четыре сущности), и трактовали ее как стихию, из которой рождается человек, подобно тому, как Вергилий в кораблекрушении Энея видел символ рождения человека среди бурь существования. Средневековые мыслители отдали дань этой аллегории (Фульгенциус), трактуя ее в духе схоластики и теологии («судьба», «рок», «провидение», «предначертание»). «Титаны Возрождения» называли «пятой сущностью» живого, эмпирического человека (Б. Пастернак. «Воздушные пути») — именно отсюда берет начало современное значение слова *квинтэссенция*, которым мы сегодня обозначаем нечто главное, самое важное, сущность вещей и явлений. С Возрождения этим самым главным предметом для человека становится он сам, в экзистенциальном интересе к своей жизни.

Перемены в понимании возрастов жизни, следующие из изменения отношения к жизни как таковой, начавшиеся в Возрождении и подхваченные Просвещением, коснулись главным образом детства, причем прежде всего в аспекте воспитания. Средневековье во многом забыло «пайдейю» (искусство воспитания у древних) и не видело в ней никакой проблемы. В то время как в более ранние эпохи развития человечества мир детей и мир взрослых существенно разделялись, в средневековье дети вступали в жизнь взрослых сразу, как только они могли обходиться без помощи матери или кормилицы (приблизительно около 7 лет). Дети сразу вливались во «взрослую семью», разделяя со всеми тяготы подневольного труда. Семья не была, как в античности, основной ячейкой воспитания; ее функции ограничивались продолжением жизни, ее воспроизводством (чисто физическим) в

новом поколении, передачей ей имущества и фамильного имени. Средневековое общество вовсе не связывало с детьми представления о своем будущем, которое считалось подверженным совсем иным закономерностям (судьба, рок и т.д.).

Если в семье и заботились, то прежде всего о старшем сыне, как прямом наследнике — не более.

Гуманисты Возрождения, открывшие мир и человека, вместе с тем оказались удивительно нечувствительными к педагогической проблематике. Провозглашая высокое предназначение человека, они, однако, мало заботились о его воспитании. И детство в эпоху Возрождения мало чем отличалось от детства времен «мрачного средневековья». Как это ни парадоксально, но мыслители Возрождения не оказали существенного влияния на развитие возрастного самосознания человека; в этом плане они существенно «проигрывают» реформаторам педагогики (просветителям), моралистам, боровшимся с «анархией» средневекового общества (и Возрождения) за крепкую семью и «новую» школу. Просвещение, непосредственно примыкающее к Возрождению, в корне изменило характер детства, поставив в качестве его духовных наставников семью и школу. Семье вновь вменяется в обязанности заботиться о попечении и воспитании детей. Школа лишает ребенка «свободы», запирая его в жесткий режим дисциплины (включая розги, плеть и карцер). Одним словом, мир детей выводится за рамки взрослого мира, отделяется от него барьерами семейного воспитания и школы.

Итак, Возрождение и Просвещение изменили прежде всего положение детей в обществе, но не принесли им счастья. Забота о просвещении была омрачена жестокостью наказаний, а порой и жестокостью дисциплины. Выделение мира детей в особый концентр создало зазор с миром взрослых, который ребенок должен преодолевать на пороге взрослой жизни, переходя от ее школьного понимания к реальному. Школа стала готовить к «настоящей» (т. е. взрослой) жизни. Школа стала и инструментом сословных распределений, сортируя детей по «классам и разрядам» в соответствии с их социальным происхождением. Любопытно, если в более ранние времена дети разных классов играли в одни и те же игры, то теперь сам характер игры дифференцируется в зависимости от сословия.

Далее изменение возрастного самосознания в истории, как следствие перемен в общественном производстве, изменение характера жизни и ее возрастных границ идут сразу по нескольким линиям.

Одну из наиболее любопытных линий фиксирует развитие литературы. Ее можно было бы

назвать новым открытием детства, которое осуществили романтики в начале XIX века.

В автобиографии «Поэзия и правда» Гёте вспоминает, что во времена его детства (середина XVII в.) не было детской литературы (специальных книг для детей, кроме, конечно, учебников), в то время как в начале XIX века таких книг стало немало.

Советские исследователи М. Эпштейн и К. Юкина в этой связи отмечают: «Для того чтобы мыслить о детстве, нужно вырасти из него, почувствовать бремя иного возраста. Само понятие детства как самоценной стадии духовного развития могло возникнуть только на почве сентиментально-романтического умозрения. Еще классицизм бесконечно чужд поэзии детства — его интересует всеобщее, образцовое в людях, и детство предстает как возрастное отклонение от нормы (не-зрелость), так же как сумасшествие — психическое отклонение от нормы (не-разумие). У просветителей намечается интерес к детству, но скорее прозаический, воспитательный, чем поэтический: в своих демократических устремлениях они стали писать не только для третьего сословия, выводя литературу за пределы аристократического, избранного круга, но и для детей (низших в возрастной иерархии), видя в них благодатную почву, на которой могут взойти достойные плоды разумности и добронравия» (М. Эпштейн, Е. Юкина, 1980).

Просветители первыми начали создавать литературу, преимущественно дидактического плана, для детей. Однако «только романтизм почувствовал детство не как служебно-подготовительную фазу возрастного развития, но как драгоценный мир в себе, глубина и прелесть которого притягивают людей. Все отношения между возрастами как бы перевернулись в романтической психологии и эстетике: если раньше детство воспринималось как недостаточная степень развития, то теперь, напротив, взрослость предстала как ущербная пора, утратившая непосредственность и чистоту детства» (там же). Романтический образ детства явно связан с христианской традицией; как отмечает С. С. Аверинцев, христианин видит себя ребенком (младенцем) — взрослый должен учиться у ребенка (см. об этом: С. С. Аверинцев, 1977). Итак, романтики открыли для мировой литературы детство как самостоятельную реальность, как мир в себе.

Вместе с тем для этих изменений существовали и основания отнюдь не романтического характера. Перемены затронули не только область литературы — в ней они лишь проявились, — но и область педагогики, политики, экономики. Развитое капиталистическое производство никогда не гнушалось детского труда, но по мере своего усложнения, интенсификации, введения новой техники экономика потребовала подготовки образованного и квалифицированного

рабочего, что в конечном счете должно было привести к необходимости более основательной подготовки будущих рабочих. Определенное развитие получило образование. Прогрессивные политики боролись за продление детства, запрещение детского труда. Все это не могло не сказаться на отношении к детству в самом широком общественном плане.

Описанное отношение капиталистического общества к детству достаточно показательным и может быть своеобразной «лакмусовой бумажкой» отношения буржуазного строя к возрастной проблематике вообще. С одной стороны, заинтересованность в квалифицированном рабочем и забота об образовании, с другой — эксплуатация детского труда (вспомним яркие образы Диккенса!); с одной стороны, превращение возраста в экономическую категорию, с другой — взлет романтического понимания детства и т. д.

Здесь надо отметить, что и возникновение возрастной и педагогической психологии во многом обязано парадоксам своего времени. Развитие капиталистического производства и его усложнение потребовало уже в конце XIX века существенно улучшить подготовку квалифицированных кадров, и отсюда возникла необходимость выделения наиболее талантливых и способных детей. Следствием этого и был социальный запрос к психологам — выработать соответствующую процедуру выявления одаренности. Так возникли знаменитые тесты французских психологов Бинэ и Симона, с которых, собственно, и берет начало научная детская психология.

Возвращаясь несколько назад во времени, необходимо отметить, что развитие производства стимулирует научные исследования, от результатов которых во многом зависит прогресс производства и, как следствие, получение прибылей, конкурентоспособность предприятия и т. д. В первую голову это касается естественных наук. Побочным результатом этих исследований были всевозможные физиологические концепции возраста, главным образом физиологические периодизации возрастного развития личности, рассматривающие это развитие преимущественно как развитие организма. Вот несколько примеров.

В XIX веке французские физиологи пользовались классификацией, делящей человеческую жизнь на четыре периода:

- 1) детство, которое у мальчиков заканчивается на 14-м или 15-м году, а у девочек — на 11-м;
- 2) юность, которая у мужчин заканчивается на 23/25 году жизни, у женщин — на 19/20-м;

- 3) зрелый возраст, который у обоих полов заканчивается в 55/60 лет;
- 4) старость, начинающаяся в 55/60 лет.

При этом один из виднейших французских физиологов XIX века Пьер-Жан-Мари Флуранс (1794 — 1867) пользовался другой классификацией (см. табл. 8), мало общего имеющей с вышеназванной.

Таблица 8 Классификация периодов жизни по Флурансу

№ п/п	Период	Годы
1	Первый период детства	0-9
2	Второй период детства	10-19
3	Первая молодость	20-29
4	Вторая молодость	30-39
5	Первый период зрелости	40-54
6	Второй период зрелости	54-69
7	Первый период старости	70-85
8	Второй период старости	после 85

А вот классификация немецкого физиолога, крупнейшего специалиста в области социальной гигиены Макса Рубнера (1854-1932):

1. Младенчество — до 7—9 месяцев
2. Раннее детство — до 7 лет
3. Позднее детство — до **13—14** лет
4. Юношеский возраст — 19 — 21 год
5. Зрелый возраст — 41—50 лет
6. Старость — после 50 лет
7. Почтенная старость — после 70 лет.

Еще одна классификация принадлежит немецкому патолого-гоанатому, создателю современной функциональной патологии Людвигу Ашофу (1866—1942). Он выделяет 10 периодов:

1. Период развития в лоне матери
2. Возрастная группа новорожденных — до 7-го дня жизни
3. Период младенчества — до 7-го месяца жизни

4. Период детства — до 7-го года жизни
5. Отроческие и девичьи годы — до 14-го года жизни
6. Годы созревания — до 25-го года жизни
7. Зрелый возраст — до 45-го года жизни
8. Начало старости — до 65-го года жизни
1. Старческий возраст — до 85-го года жизни

9. Сверх этого возраста — почтенная старость. Отметим, что Ашоф, во-первых, вводит период утробного развития и, во-вторых, старость сильно расширяет и детализирует (как и детство).

В целом эти периодизации, хотя и не лишены интереса, ничего принципиально нового в понимание возрастного деления человеческой жизни не приносят. Не сильно отличаясь от спекулятивных концепций более ранних времен, они лишь усиливают линию в понимании возраста, сводя возрастную динамику к соматической основе.

Более существенные изменения происходят в XIX веке не в плане возрастной периодизации жизни, а в плане понимания сути отдельных возрастов. Мы уже говорили об изменениях отношения к детству. Отметим также и перемены в отношении к старости.

Уже показано, что старость, как особый период развития человека, исторически эволюционировала. При этом и фактически, и в сознании наших предшественников старость начиналась достаточно рано и довольно тесно примыкала непосредственно к молодости (для юристов прошлого они были неразличимы). «Старикашки» Мольера — еще достаточно молоды, ибо старость понималась не как дряхлость, а скорее как старение, которое действительно начинается у человека гораздо раньше наступления старости: выпадение волос, ношение бороды, наконец, просто лысина (именно так обстоит дело в Тициановском концерте, представляющем возрасты жизни, где старик изображаем просто лысым!). И вообще, старость не слишком почиталась в совсем недалекие времена — с ней ассоциировались набожность и болтливость, аморфный покой и безжизненная книжность.

Несмотря на то что осмысление и исследование старости началось давно (по крайней мере со времен Гиппократы, Цицерона и Галена), оно было уже недостаточно интенсивным в Новое время. Однако изучение старости проходило под лозунгом Цицерона: старость есть болезнь. Поэтому в конце XIX века знаменитый французский врач, психиатр и психолог Шарко настаивал на необходимости преодоления пренебрежения по

отношению к старости и тем самым сделал Францию на долгие годы центром научной геронтологии. По этому пути — изжития предрассудков относительно человеческой , ! старости — пошел в России конца прошлого — начала нашего века И. И. Мечников, а после Октября А. А. Богомолец, А. С. Догель, М. С. Мильман, А. В. Нагорный, Н. Д. Стражес-ко и др.

Фактически мы можем говорить о принципиально новом открытии старости учеными конца прошлого — начала нашего века, главным в котором было установление точки зрения на старость как равноправный в ряду других человеческий возраст, не сводящийся к процессам распада, а самоцельный и особенный по своим характеристикам период.

Причин оживления интереса к старости было много и самых различных: и демографические (в конце XIX — начале XX века человечество стало «стареть», т.е. увеличилась доля стариков в обществе), и экономические (характер производства требует от рабочих квалификации и опыта, которые приходят с возрастом), и медицинские (преодоление ряда болезней, увеличивающих продолжительность жизни), и, наконец, религиозно-философские споры о возможности человеческого бессмертия, удивительным образом соединившиеся с прогрессом биологической науки, от которой стали ждать научных оснований вечной жизни.

Какой же вывод мы можем сделать из рассмотрения истории возрастов жизни в Новое время? Читатель, видимо, уже заметил, что нам все труднее оставаться в рамках какой-либо одной акцентуации. В осмысление проблем возраста все настоятельнее включаются педагогика и экономика, юриспруденция и эстетика. Пожалуй, правомерно сделать акцент на науке как ведущей форме общественного сознания XX века. Именно научные исследования проблемы возраста составляют суть и нашего времени.

Впрочем, и в наше время, в том числе и среди людей весьма образованных, встречаешься с мнением, что в истории «нет ничего реального, кроме исписанной бумаги» (М. Ланглуа и Ю. Сеньобос), что «единственной реальностью является настоящее» (Г. Рейхенбах) — одним словом, с той или иной формой нигилизма по отношению к истории. Впрочем, история действительно приносит пользу лишь тому, кто ее изучает. Люди, которые признают только настоящее, наличную данность — чаще всего это позитивисты, которых и в наше время гораздо больше, чем иногда думают, — считают

обращение к истории формальностью, «хорошо оплачиваемым любопытством», не более. Из многих заблуждений, которые неизменно сопутствуют научному поиску, этот наихудший. Одна из страшнейших человеческих болезней — расстройство памяти, приводящее к распаду личности, превращающая человека в существо «ниоткуда и в никуда». Игнорирование истории — аналогичная болезнь, дезориентирующая нас во времени. Какой же урок мы можем извлечь из нее, переходя к анализу современной возрастной динамики развития личности?

Прежде всего нужно констатировать, что даже беглое знакомство с историческим развитием возрастов жизни не оставляет никаких сомнений относительно социального происхождения и культурно-исторической детерминированности возрастных аспектов жизни человека. Не естественный закон внутри нас, не биологический ритм существования, а развертывающийся в истории процесс формирования фаз человеческой жизни — вот суть грамотного подхода к возрастам жизни.

Те процессы изменений возрастной динамики жизни человека, которые мы будем описывать как «современные», есть не что иное, как результат определенного исторического процесса и одновременно его момент (ибо развитие не завершилось!). И сегодня, в конце XX века, мы являемся свидетелями новых изменений, всесторонне понять и объяснить которые сможем, видимо, лишь в будущем, однако и сейчас мы не бессильны перед лицом новых фактов и явлений, так как есть бесценный опыт прошлого, благодаря которому только и можно зафиксировать и сами эти изменения. А они затрагивают в наше время весь спектр возрастов жизни. Существенные изменения происходят в мире детства — оно в XX веке имеет тенденцию к удлинению, так как все больше времени требуется человеку для всестороннего развития своих способностей, овладения теми человеческими качествами, которых требует социальная жизнь, производство, творчество. Одновременно детство интенсифицируется — напряженнее становится «программа» развития личности на разных этапах детства, уплотняется график общественного воспитания и народного образования. Существенно изменяется, а у некоторых развивающихся народов впервые появляется отрочество как особая стадия развития личности — ' переходный этап от детства к взрослости. Буквально на наших глазах изменяется юность, по-новому осмысливаются молодость и зрелость человека, которые расширяют свои возрастные границы, отвоевывая годы у старости. В свою очередь, старость также отодвигается во

времени. Еще более существенные изменения происходят внутри возрастного самосознания людей. Словом, история возрастов жизни не прекратилась, каждое новое поколение вписывает в нее новую страницу.

Глава третья

ПУТЬ ЛИЧНОСТИ

Проблематизируя предметную область психологии личности в одной из первых своих работ (А.В.Толстых, 1979), я поставил задачу определить личность как предмет возрастной психологии, т. е. изучить ее через призму анализа онтогенетического развития. При этом задача была сразу понята как изучение целостного онтогенеза личности — всего жизненного пути человека от рождения до смерти, от детства до старости. В то время такой подход был мало распространен, исследователи работали в основном с отдельными или смежными возрастами, причем преимущественно в рамках детской психологии. Переход к изучению личности в рамках того, что англоязычным термином обозначается как *life span psychology*, вынудило критически посмотреть на отдельные теоретические догматы возрастной психологии, которые до этого не представлялись проблемными. В результате пришлось прибегнуть к существенной ревизии изучаемой области, включая психологические представления о личности и об онтогенезе ее развития. Далее я подробно изложу, что рассматривалось, где обнаружились точки несогласия и что предлагается мною.

При этом я — помня свое обязательство говорить с каждым читателем, а не только с профессионально подготовленными — буду, может быть, избыточно подробен в изложении фактуры различных подходов, в чем-то использую ходы, характерные для учебников. Вряд ли в этом много греха: тот, кто лучше подготовлен и начитан, может пролистнуть страницы с известными им теориями и фактами. Долг вежливости заставляет помнить и о тех, для кого эта книга — может быть, первая психологическая книга в жизни.

В ПЛЕНУ ДВУХ ФАКТОРОВ

Традиционно считается, что все психологические теории личности и ее развития (в том числе и возрастного) тяготеют к двум полюсам — биогенетическому или социогенетическому — в зависимости от ответа на ключевой вопрос: об источниках развития личности, который они дают.

Один из зачинателей научной психологии и биогенетического направления в теории личности американец Стенли Холл, изучая детскую психологию, пришел к утверждению о невозможности понять возраст из совокупности его симптомов-признаков. С. Холл

достаточно последовательно обосновал необходимость поиска такого психологического подхода, который помог бы осмыслить возраст как нечто целостное, поддающееся единому психологическому объяснению. Сам С. Холл выдвинул в качестве такого основания идею биологического универсализма (обусловленность специфических психологических особенностей возраста причинами биологического характера). Тем самым он положил начало развитию биогенетического направления в изучении психологии возрастов.

Впрочем, у биогенетического направления в психологии есть своя предыстория.

Долгое время в психологии господствовала теория преформизма (предобразования) в понимании процесса развития человека. Суть этой теории, биологической по своему происхождению, заключалась в том, что якобы уже зародыш представляет собой наперед сложившийся организм с той самой структурой и формой, что и зрелый организм, но только в микроскопически уменьшенных размерах. Что будто бы уже в семени человека в миниатюре заключен весь будущий человек со всеми его органами, частями тела, а весь процесс развития сводится к количественному росту. Ребенок, с этой точки зрения, есть маленький взрослый, подросток — это ребенок «побольше» и т.д. Мы не станем подробно комментировать эту точку зрения — развитие эмбриологии разрушило теорию преформизма, и она фактически исчезла из научного оборота, сохранившись лишь в потаенных уголках обыденного мышления.

В 20 — 30-е годы нашего века широкое распространение получила среди психологов теория рекапитуляции (повторения). Ее теоретические принципы были заимствованы из эмбриологии, в которой Геккель и Мюллер сформулировали биогенетический закон: «онтогенезис повторяет филогенезис», т.е. развитие единичной жизни, индивидуума, повторяет развитие рода во всех формах проявления жизни. Это означало, что органическое развитие ребенка в утробный период повторяет развитие живых существ на Земле от первичной клетки до наиболее сложного существа — человека, а органическое развитие ребенка во внеутробный период повторяет все стадии культурно-исторического развития всего человечества. Очевидно, что принцип рекапитуляции противостоит теории преформизма, выдвигая положение, что ребенок есть качественно развивающееся существо, а вовсе не миниатюра взрослого.

Это была, безусловно, прогрессивная мысль, поскольку приводила к необходимости введения принципа развития (историзма) в изучение жизненного пути человека. Однако,

поскольку принципом объяснения в данном случае являлась биологическая обусловленность психической жизни, то попытки рассматривать психическое развитие в историческом контексте страдали явной натянутостью. Так, согласно Гетчесону, психическое развитие ребенка повторяет стадии первобытной дикости, кочевой жизни, пастушества, земледелия и торговли (например, отрочество в этой схеме соответствует периоду «земледелия» и отличается, по Гетчесону, «страстью к садоводству»!). Штерн проводил параллель между эпохой полового созревания и средневековым рыцарством. Циллер утверждал, что человек пробегает в своем развитии сначала ступень, представленную в сказке, затем эпоху Робинзона, патриархов, судей, царей и т.д., вплоть до эпохи Реформации, в которой он видит окончание развития.

Исторической заслугой биогенетического направления было внесение генетического подхода в изучение психики (рассмотрение ее в развитии), а слабость и ошибочность заключалась в сведении этого развития к биологическим механизмам. Поэтому биогенетический закон не получил, да и не мог получить серьезных фактических оправданий, учитывая капитальную ошибку, лежащую в его основании: этот закон не учитывал принципиальной разницы среды, в которой происходит развитие рода человеческого, и среды индивидуального развития, ставя между ними знак равенства (посредством универсализации биологического фактора), отвлекаясь тем самым от историко-культурных и социальных закономерностей психического развития человека.

Современные теории биогенетического направления отмечены установкой на «врожденные особенности» (наследственность) в понимании психического развития, его независимость от обучения и воспитания, которое выступает для биогенетиков лишь как «внешний фактор». Тем самым связь органического развития индивида с миром истории, культуры и общества оказывается чисто внешней, что приводит к упрощенно-механистическому пониманию развития личности, подчиненному якобы механизму инстинкта, изменений эндокринной системы, различным конституциональным особенностям организма.

Вульгарный биологизм в понимании процессов психического развития вызывает понятное чувство неудовлетворения у многих психологов, отмечающих определяющую роль социальной среды в развитии психики человека. К сожалению, критика биогенетического направления была сопряжена с утверждением «социогенетической

концепции», которая не менее ошибочна и ведет либо к умозрительным построениям в стиле философской метафизики, либо к вульгарно-социологическому объяснению процесса развития личности.

Примером умозрительной концепции «социологического направления» может служить теория психического развития, разработанная немецким психологом Э. Шпрангером, относящаяся к 20 — 30-м годам, которая в конце 60-х — начале 70-х годов вновь стала популярной на Западе.

Шпрангер отрицал естественно-научное объяснение психики (тесно связанное с биологией и физиологией высшей нервной деятельности) и создал теорию ее «духовного развития». Психическое развитие, по Шпрангеру, это развертывание индивидуальной психической жизни изнутри по направлению к большому внутреннему расчленению и повышению ценности психического единства. Духовное развитие Шпрангер определял как вращение души индивида в объективный нормативный дух или в «сверхиндивидуальные духовные связи». В детстве созревание открывает человеку области культуры, достигнутые тем слоем или классом общества, в котором он живет и в который внедряется данный «созревающий индивид». Только при участии в сверхиндивидуальной структуре объективного духа (общества) отдельная душа, по мнению Шпрангера, становится субъективным духом и вступает в сферу ценностного мировоззрения, структурируется применительно к сферам общественной жизни. Шпрангер выделил шесть типов жизненных форм, или культурных областей общества, участвуя в которых, дух

формируется в детстве, отрочестве и юности. Так, психический тип, по Шпрангеру, определялся отношением: (1) к ценностям познания (тип теоретика); (2) к экономическим ценностям (экономический, практический человек); (3) к ценностям власти (человек, обладающий властью); (4) к социальным ценностям (человек, ценящий социальное влияние и общение); (5) к эстетическим ценностям (эстетический человек); (6) к религиозно-нравственным ценностям (религиозный человек).

В этой классификации Шпрангер установил как бы вневременные формы и типы ценностей, имеющие, по его мнению, непреходящее значение в качестве основных человеческих установок. И хотя Шпрангер рассматривает развитие индивидуального духа в историческом аспекте, он понимает это развитие не как действительное развитие человека и общества, а лишь как развитие его духовной сферы.

На другом полюсе социогенетического направления находятся работы многих зарубежных и советских психологов 20 — 30-х годов (А. Б. Залкинда, С. С. Моложавого, А. С. Залужного и др.), главные положения которых сводятся к следующему: основной фактор развития человека — приспособление его к социальной среде, среда — фатальный фактор развития ребенка, отсюда изучение среды автоматически дает «изучение индивида», в этой среде развивающегося; сознание индивида растворяется в поведении, и поэтому его не надо принимать во внимание при исследовании и т. д. Верно подчеркивая роль социальной среды в развитии личности, данные психологи напрямую связывают средовые влияния с развитием психики, что безусловно упрощает истинное положение дел, а тезис о фатальном характере средовых влияний, к которым следует приспосабливаться, низводит личность до положения «винтика» социальной «машины», превращая его из субъекта исторического, социального и культурного действия в грубый сколок с наличной действительности. В этом, как это ни парадоксально, просматривается близость крайне социологизаторской позиции и крайне биологизаторской (крайности, как известно, сходятся): и в том, и в другом случае биологический (наследственность) или средовой (группа, коллектив, класс) факторы выдаются в качестве фатального (т.е. неизбежного и непременно определяющего) момента развития личности, которой уготована роль приспособляющегося к перипетиям судьбы пассивного существа.

Надо хотя бы кратко остановиться на логике понятия приспособления — одинаково популярного и у биогенетиков, и у социогенетиков. Все дело в том, что при использовании понятия приспособления фактически отпадает необходимость поиска и анализа истоков человеческой активности, так как последняя может быть сведена по логике приспособления к чисто рефлекторному балансу с окружающей средой, т. е. к чисто животной активности. Так, видные советские биологи А. Н. Северцев и В. А. Вагнер, исследуя процесс эволюции психики у животных, анализируют преобразование психических процессов как форму приспособления к среде посредством изменения поведения «без изменения их организации». Отмечая развитие наряду с наследственным приспособлением индивидуальной изменчивости поведения у животных, А. Н. Северцев, а вслед за ним и В. А. Вагнер усматривают специфику человеческой психики в соединении приспособительных актов с развитием пластичности организма, вследствие которой человек совершенствует свое поведение в искусственно созданной среде культуры и цивилизации. В итоге человек рассматривается лишь как вершина развития способности живых

существ к приспособлению.

Сочлененное с традицией анатомического, функционального анализа психического развития, понятие приспособления создает иллюзию созревания психических возрастных качеств личности внутри «биогенетического закона», вне зависимости от воспитания, деятельности человека, которые воспринимаются лишь как «внешний фактор».

Подведем итоги.

Двуединство внешнего и внутреннего, биологического и социального, наследственного и средового неразрывно связано с историей теоретических и экспериментальных исследований процесса развития личности человека. По сути это была борьба двух объяснительных принципов, двух точек зрения. Представители социогенетического направления справедливо критиковали биогенетиков за попытки сведения всей совокупности жиз-неизъявлений человека к проявлению наследственных задатков, попытки вывести сложные социальные и психологические феномены из органических изменений человеческой сомы. Биогенетики, в свою очередь, критиковали социогенетиков за сведение процесса психического развития человека к «средовым влияниям», что создавало представление о человеке как «тени» социального организма. Понятно, что обе эти точки зрения являются крайними полюсами объяснения. Но это не значит, что истина лежит где-то посередине — в признании биосоциальной природы человека. Природа у человека одна. Она по своей сущности есть «ансамбль всех общественных отношений». Поэтому смешение аргументации, идущей из области естественно-научной (биологии, физиологии) и социально-исторической, ведет к эклектике.

В острой дискуссии с теориями двух факторов, многочисленных научных баталиях с био- и социогенетиками в отечественной психологии утвердилось представление о предметной деятельности как основе саморазвития человека.

Основания деятельностного понимания процессов психического развития были заложены еще в довоенные 20 —30-е годы в работах С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева.

С. Л. Рубинштейн выделил и подробно охарактеризовал основные виды деятельности: игру, учение, труд и общение. Рассматривая жизненный путь личности, легко увидеть процесс сосуществования, взаимосвязи и последовательной смены этих видов деятельности. При этом принципиальным с точки зрения ряда психологов (А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова и их учеников) является рассмотрение основных видов деятельности в качестве

генетического принципа развития личности: от игры маленького ребенка через учебную деятельность детей и подростков к трудовой деятельности взрослого человека — таков магистральный путь развития современной личности. Общение при этом выполняет функцию средства осуществления отдельных видов деятельности (и игра, и учеба, и труд — все эти деятельности осуществляются в формах общения людей). Вместе с тем и само общение становится на разных этапах жизненного пути (например, в младенчестве) основным каналом личностного развития.

В то же время, подчеркивает А. Н. Леонтьев, отвергая чисто механическое, вульгарное понимание деятельностного подхода, «жизнь или деятельность в целом не складывается, однако, механически из отдельных видов деятельности. Одни виды деятельности являются ведущими и имеют большее значение для дальнейшего развития личности, другие — меньшее. Одни играют главную роль в развитии, другие — подчиненную. Поэтому нужно говорить о зависимости развития психики не от деятельности вообще, а от ведущей деятельности. В соответствии с этим можно сказать, что каждая стадия психического развития характеризуется определенным, ведущим на данном этапе отношением ребенка к действительности, определенным ведущим типом его деятельности. Признаком перехода от одной стадии к другой является изменение ведущего типа деятельности, ведущего отношения ребенка к действительности».

Эти фундаментальные положения психологической теории деятельности, первоначально разработанные лишь относительно детского развития, распространяются и на человеческую жизнь в целом. А это означает, что основным принципом рассмотрения изменений человека на отдельных этапах его жизненного пути является анализ ведущего типа деятельности. Для реализации в конкретном материале отдельных возрастов деятельностного объяснения развития человека, необходимы еще два понятия — о социальной ситуации развития и психологических новообразованиях личности.

Оба эти понятия в отечественной науке неразрывно связаны с именем Л. С. Выготского и его учеников (в первую очередь Л. И. Божович и Д. Б. Эльконина). Выступая против, с одной стороны, натурализма, грубого биологизаторства в понимании возрастных изменений личности, а с другой — против вульгарного социологизма, Л. С. Выготский разработал принцип единства социального и индивидуального, который и составляет основной смысл предложенного им понятия социальной ситуации развития, т. е. «системы отношений между ребенком данного возраста и социальной действительностью как „исходного момента" для всех динамических

изменений, происходящих в развитии в течение данного периода и определяющих целиком и полностью те формы и тот путь, которой проходит индивид, приобретающий новые и новые свойства личности». Этим термином Л. С. Выготский обозначал то особое сочетание внутренних процессов развития и внешних условий, которое является типичным для каждого возрастного этапа и обуславливает и динамику психического развития на протяжении соответствующего возрастного периода, и новые, качественно своеобразные психологические образования, возникающие к его концу. То есть данное понятие фиксирует ту конкретную (взятую в современном своеобразии общественных, культурных и индивидуальных факторов) ситуацию, в которой происходит указанный выше переход от одного типа ведущей деятельности к другому.

Что же касается понятия психологического новообразования, то в контексте понимания социальной ситуации развития личности и оно становится прозрачным: эти новообразования суть психологические качества, возникающие на отдельном возрастном этапе (в определенной социальной ситуации развития), которые, с психологической точки зрения, можно определить как новые потребности, мотивы, способности и т. д.

Таким образом, мы познакомились с содержанием главных понятий, которые необходимы для деятельностного объяснения процесса развития человека.

Развивающийся в процессе своей жизнедеятельности человек, познаваемый в своих субъективных определениях (потребности, субъективный образ, цели, мотивы, воображение, воля и т. д.), нуждается для своего раскрытия в идее и логике саморазвития. Любая попытка абстрактного (чисто внешнего) утверждения исходной активности саморазвития человека при более тщательном и конкретном выявлении «внешних факторов», влияние которых якобы содержательно определяет каждый шаг становления его личности, с неизбежностью оборачивается тем или иным видом «сведения» сложного к простому. Только реальная предметная деятельность человека по присвоению общественно выработанных способов действия может быть основой для понимания саморазвития человека в процессе преобразования его жизнедеятельности. В этом основной смысл деятельностного подхода для описания процессов возрастной динамики жизни человека.

Мы рассмотрим три альтернативных объяснения процесса психического развития личности. Одна группа теорий всецело сводит это развитие к его биологическим механизмам, другая — к определяющим влияниям социальной среды, а третья — теория деятельности — акцентирует ведущую роль человеческой активности.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЛИЧНОСТЬ?

Итак, я поставил задачу определить личность как предмет возрастной психологии, т. е. изучить личность через призму анализа ее онтогенетического развития.

При этом я исходил из методологии культурно-исторического подхода к исследованию высших психических функций индивида, разработанной Л. Выготским и его школой. Именно Л. С. Выготский при обращении к онтогенезу отказался от биологической или социокультурной предзаданности человеческой психики, отказался и от всегда внешней для субъекта «механики» включения его будущей духовности как в собственно телесную жизнь, так и в живую жизнь исторической культуры людей. Однако в сложнейших перипетиях исторического развития школы Выготского (идеологические гонения, полемика с оппонентами, поиск новых продуктивных подходов) его понимание онтогенетического развития индивида к середине семидесятых годов было изрядно выхолощено, а пресловутая «проблема соотношения биологического и социального» процветала в научном обороте.

Поскольку рассмотрение личности в таком чисто умозрительном контексте не представлялось плодотворным, рядом отечественных психологов, стремившихся к введению в психологию принципа историзма (К. А. Абульханова-Славская, В. В. Давыдов и др.), была выдвинута в качестве конструктивного принципа задача рассмотрения личности в ее движении и становлении, что знаменовало значительный шаг в направлении теории развития. Одним из следствий осознания этого обстоятельства явилось выдвижение на передний план психологических исследований возрастной и педагогической психологии как науки о возникновении, становлении, развитии и распаде личности (имеются в виду исследования процессов развития психики ребенка в научных школах М. И. Лисиной, В. В. Давыдова, Д. Б. Эльконина и др.). Таким образом, возрастная и педагогическая психология фактически определялась как ориентир в построении общей теории психологии на основе принципа развития.

При этом (согласно современным методологическим представлениями) развитие характеризуется: своим объектом, который не может быть прямо заимствован из эмпирии, а специально конструируется, хотя и не безотносительно к эмпирии; затем — его структурой (системой внутренних связей и отношений, задающих целостность объекта всего развития); механизмом развития (тем, что обычно обозначается как исходное противоречие); формой организации процесса, которая, по определению, исторически

изменчива; его направленностью (прогресс, регресс, совершенствование); его динамикой (эволюция, революция, инволюция, кризис, распад); условиями, предпосылками и результативными приобретениями (в процессе развития) .

Только содержательно определив все эти моменты, можно получить реальную возможность теоретически воспроизвести процесс развития и избежать его подмены другим (просто изменением, количественным ростом, структурой дифференциации и пр.).

Как мы уже отмечали, в современной психологии рассматривается по преимуществу лишь движение и становление, ибо из поля зрения исследователей выпадает конституирующий момент принципа развития (содержать внутри себя в неразвернутом виде свое становление и движение). Таковой является восходящая к культурно-исторической концепции Л. С. Выготского фундаментальная теория генетически преемственных типов воспроизводящей деятельности (А.Н.Леонтьев и др.). Напомним кратко смысл этой теории. Согласно А. Н. Леонтьеву, «личностью не рождаются, личностью становятся», и это есть довольно поздний результат (продукт) как филогенетического, так и онтогенетического развития человека. Развитие личности не совпадает с биологической эволюцией человека, с его морфофизиологическими изменениями — это процесс конкретно-исторический, имеющий социальную природу. Общее развитие личности в онтогенезе протекает в форме обучения и воспитания (в широком смысле слова), т. е. как реальное общественное взаимодействие людей, которые в своей коллективно-распределенной деятельности воспроизводят и присваивают исторически сложившиеся способности, способы поведения и мышления и на этой основе развивают их дальше.

Исходя из этих общих положений и формулируется теория генетически преемственных типов воспроизводящей деятельности, которая конкретизирована в настоящее время лишь относительно детских возрастов: в каждом периоде детства выделяется характерный тип воспроизводящей деятельности, который называется ведущим, поскольку он обуславливает главные психологические изменения личности на данной стадии ее развития. Это положение выдвигается представителями данной теории с оговоркой, так как по сути дела речь идет не об изменениях личности, а об этапах психологического развития, о таких «характеристиках психического развития, которые подготавливают возникновение личности», но сама личность, по их мнению, формируется позже (приблизительно к концу юношеского возраста). К тому же «личность возникает не у

всех людей» (В. В. Давыдов) .

Таким образом, мы имеем дело с концепцией, которая рассматривает личностное развитие как процесс персонификации общественно выработанных способов деятельности (способностей), как оформление личности из безличных (социально-организованных) процессов обучения и воспитания (собственно формирование личности).

Зафиксирую и ту логическую трудность, которая здесь возникает и на которую обращают внимание: термин «личность» используется фактически для обозначения довольно позднего продукта онтогенеза человека, а характеристики психического развития оцениваются как личностные лишь по отношению к этому продукту. То есть «неличность» снимается в личности, что есть становление, а не развитие, которое предполагает ряд дополнительных определений. Говоря, что «личностью не рождаются», тем самым делают ответственное заявление: личность не есть нечто присущее индивиду, прирожденное ему, а есть нечто внешнее, присваиваемое им. Однако в таком случае напрашивается вопрос — в чем же причина, толкающая индивида на этот путь присвоения, если она не «внутри» него, если цель развития личности отчуждена от индивида? Другими словами, в чем заключается движущая сила превращения человека в личность?

Согласно психологической теории деятельности, развитие личности есть освоение культуры через обучение и воспитание (присвоение всеобщих способов действия). При этом рассматривая (вслед за теорией деятельности) процесс формирования личности как процесс присвоения, универсализируя тем самым принцип ведущей деятельности, мы не только отказываемся (вполне сознательно) от идеи спонтанности развития человека в личность, но и (неосознанно) теряем субъекта процесса становления личности, превращая его в объект изменений по логике предметности. Для того чтобы удержать вместе идею развития и идею рекапитуляции (повторения в онтогенезе сознания исторических форм сознания и культуры), необходимо ввести понятие самоопределения, т. е. понять личность как то, что в исходном пункте своего развития «имеет» все моменты своего дальнейшего движения и становления. Сделать это можно через рассмотрение способа наследования человеком личности, выраженного в понятии исходного тождества родовой и индивидуальной жизни.

Таким образом, согласно теории деятельности, личностью не рождаются. И тогда возникает ильенковский вопрос: с чего начинается личность? Мой ответ — с рождения,

ибо личность и есть то, что наследует человек в момент своего рождения. Рождаясь, человек не только вносит в мир унаследованную от родителей психофизиологическую организацию и тем самым вступает в процесс физического взаимодействия со средой; он не только наследует определенное социальное происхождение и положение — вступая во взаимодействие с социумом; он наследует личность и поэтому вступает в историческую реальность (Ф.Т.Михайлов, 1981). Нигде более, нежели в момент рождения, человек не близок так к своим жизненным целям (правда, в их абстрактно-всеобщем определении), нигде более он не отвечает так своей родовой возможности безграничного развития. «Личностью не рождаются» — в том обыденном смысле слова, в каком «личность» равна по смыслу «индивидуальности» — обособившееся, довлеющее себе самосознание. «Личностью рождаются» — в том смысле, в каком родившийся ^ индивид потенциально равен роду.

Тожественность ребенка бытию, его непосредственное единство с родом являются исходным пунктом личностного развития (как диалектики формирования и самоопределения). Ведь конечной целью развития личности является восстановление единства с родом, определение себя как субъекта родовой жизни — исторической, культурной, социальной. Таким образом, ребенок по сути дела обладает тем, к чему с таким трудом

стремится взрослый, — непосредственной личностью, но лишь как универсальной возможностью всеобщего развития — он в принципе может все (равен бытию), но еще ничего не сделал. И в силу того, что он еще ничего не сделал, — он личность, если можно так сказать, «чистая личность» (в логическом смысле, но не в локковском смысле *tabula rasa*).

Сознание этого момента принципиально. Согласно принципу развития, то, что развивается, должно уже в начале содержать в себе моменты своего становления и движения. Таким образом, ребенок есть «чистая личность», которая в своем становлении и движении реализует себя в единстве многообразия как индивидуальность, как единичное, как развивающаяся личность. В ходе дальнейшего анализа такое «двойное» определение личности («чистая личность» и «развитая личность») станет более понятным, поскольку развитие личности мыслится не как линейное движение, накопление, рост, а как процесс качественного изменения, в котором тождество индивида и рода опосредовано в

своей динамике моментом обособления, развития через противоположность.

Я считаю принципиальной идущую от гегелевской философии идею изначально неразчлененного, простого тождества индивида и рода у ребенка, видя в нем исходное (наиболее простое — в логическом смысле) понятие личности. Это дает возможность впоследствии избежать выведения личности из безличной предметности и тем самым не свести личность к некоторой сумме предметных отношений, через которые она развивается, но к которым не сводится. Так задается и направление развития личности — восстановление тождества с родовыми определениями, т. е. становление субъекта исторической, культурной и социальной деятельности. Все остальные метаморфозы личности в соответствии с этим рассматриваются как моменты такого развития, включая и те, которые связаны с обособлением индивидуальной деятельности от родовой (развитие тождества через различие).

Однако важна не только изначальная тождественность индивида и рода, важен и переход к состоянию обособления, ибо, как мы увидим в дальнейшем, обособление и есть тот универсальный механизм присвоения всеобщих способов деятельности, который рассматривается теорией генетически преемственных типов деятельности в качестве основы личностных изменений. Понятно, если не связать эти два момента воедино (изначальное тождество и обособление), то они предстанут перед нами как вещи разные и само их взаимное стремление потеряет всякий логический смысл: изначальное тождество индивида и рода окажется пустой абстракцией, а обособление окажется подчиненным той предметности, которая господствует на различных этапах жизненного пути индивида в форме его ведущей деятельности.

Итак, сделаю вывод: первоначально развитие личности есть переход от простого, неразделенного тождества индивида и рода («личности») к обособлению как выделению единичности, простого «Я» («индивида»).

ГРАНИ ВОЗРАСТА

Современная психология рассматривает факт существования возрастных кризисов как закономерный и необходимый. Как замечал Л. С. Выготский: «Если бы даже критические возрасты не были открыты чисто эмпирическим путем, понятие о них следовало бы ввести в схему развития на основе теоретического анализа».

Действительно, диалектический взгляд на развитие предполагает введение понятия диалектического скачка, «снятие» старого содержания развития на новом витке — переход в новое качество, в «свое другое» (Гегель). Именно в «свое другое», поскольку речь идет об едином процессе развития личности, в котором периоды стабильности (их называют литическими) перемежаются скачкообразными переходами, «революционными» изменениями. Для пояснения мысли приведем такой образ: возрастные особенности, сформировавшиеся на предшествующей стадии развития и хорошие для своего времени, должны отмереть, отгореть, как ступени в ракете, которые вывели космический корабль на орбиту — и теперь должны, как говорят космонавты, «отстрелиться», освободить от тяжести тело космического корабля. В этом, скажем, забегая вперед, заключается основной положительный смысл возрастного кризиса.

Итак, существование особых периодов развития личности — возрастных кризисов — факт неоспоримый, который был открыт чисто эмпирически и, добавим, — достаточно давно. (Уже Гиппократ пишет о существовании так называемых «климактерических годов», по сути тех же «возрастных кризисов».) Однако традиционно возрастные кризисы принимали за «аномалии» развития, «болезни роста», никак не связанные с внутренними закономерностями развития личности. Л. С. Выготский первым предпринял попытку систематизации и теоретического истолкования кризисных моментов развития личности.

Кризисные периоды развития личности не случайно вначале были открыты эмпирически, простым наблюдением, ибо слишком они «бросаются в глаза». Именно «на наших глазах» очаровательный двухлетка превращается в практически неуправляемое, строптивое и непослушное существо трех лет, а, скажем, подросток в очень короткое время трансформируется из маленького человечка, «смотрящего в рот» взрослому, ища его одобрения и копируя поведение, в нигилиста, противопоставляющего себя «миру взрослых». Словом, в довольно короткий срок происходит разительное изменение личности, которое нельзя не заметить. Плавное течение развития сменяется острым кризисом.

Кризис назревает исподволь и, как правило, застает врасплох наблюдателя, ибо трудно различить его на начальных стадиях. Впервые зримо проявляется он в пору своего апогея. Ребенок в такие моменты времени становится «трудновоспитуемым», почти невменяемым, неподатливым любым педагогическим воздействиям. И если в литические

периоды развитие личности в целом «предвосхищаемо» и в чем-то единоподобно, то возрастные кризисы отличаются широкой вариативностью, индивидуальными проявлениями. Еще одна важная черта кризиса — господство «негативного характера» развития, преобладание разрушительной работы над созидательной; разрушаются важные новообразования предшествующего кризису этапа развития, теряются интересы к формам деятельности, которые еще недавно составляли основной смысл и поглощали внимание, и т. д.

Исторически и, как подчеркивает Л. С. Выготский, «в случайном порядке» сначала был обнаружен кризис семи лет, затем кризис трехлетнего возраста и кризис тринадцати лет. В дальнейшем был открыт кризис новорожденности, и наконец, сегодня исследователи говорят о различных кризисах молодости, зрелого возраста и даже старости. Таким образом, возрастной кризис — некая универсальная характеристика возрастного развития человека, характеризующая сломы этого развития, переломные моменты — моменты, в которые чаще всего происходит существенная перестройка личности. Однако критические возрасты по-прежнему чаще открываются эмпирически и описываются на основании наблюдений. В таблице 9 представлен один из вариантов социологического выявления кризисных точек возрастного развития человека, демонстрирующий их наличие на всех возрастных этапах человеческого развития — от младенчества до старости. Из таблицы видны если не все, то многие принципиальные узлы перестройки личности, связанные с некоторыми фактами ее социального бытия.

Выделение критических возрастов существенно дополняет и конкретизирует картину возрастной динамики развития личности. Кризис психического развития — определенный водораздел между стабильными возрастными фазами развития личности и одновременно механизм их смены. Он выражает скачкообразный характер развития личности, фиксируя момент скачка, перехода на новый уровень психического развития, в новый возраст. В нем с наибольшей силой аккумулированы процессы отмирания старого и возникновения пространства формирования нового. В этом смысле, подчеркивает Л. С. Выготский, развитие не прекращает ни на минуту своей созидательной миссии, конструктивной работы, поскольку разрушение психологических новообразований в кризисный период подвержено закону необходимости смены одних черт и свойств личности другими, отвечающими ее новому положению в мире. И негативные тенденции развития — разрушения — есть не что иное, как обратная, теневая

сторона позитивной работы: эти две стороны неразрывно связаны между собой.

Таблица 9

Критические точки возраста (Материалы опроса 85 экспертов-социологов по дельфийской системе с целью унификации понятия возраста — Т. М. Ярошенко, 1977)

Возрастные точки	Характеристика
1 год	Начало овладения речью, ходьба, поступление в ясли
3 года	Важный этап социализации ребенка: переход из яслей в сад
7 лет	Начало обучения в школе
12 лет	Начало подросткового периода
14 лет	Правовая ответственность
15 лет	Окончание 8-летней школы, вступление в комсомол
16 лет	Совершеннолетие (получение паспорта, приписка в армию, возможность поступления на работу, увеличение правовой ответственности)
18 лет	Призыв в армию, право голосования, право вступления в брак, адаптация к послешкольной жизни
20 лет	Окончание службы в армии, начало трудового пути
22 и 23 года	Окончание вуза, вступление на путь самостоятельной деятельности, бракосочетание
24 и 25 лет	Модальный возраст рождения у женщин первого ребенка, приобретение профессионализма, начало профессиональной карьеры
30 лет	Ярко выраженная дата подведения итогов и четких задач, изменения в психологии

35 лет	Человек перестает считаться молодым, достигает статуса, по которому можно судить о дальнейшем продвижении; возраст, после которого изменения в ориентации человека, путях его развития маловероятны
40 лет	Стабилизация профессионального статуса
45 лет	Завершение в большинстве случаев существенного качественного изменения в сфере производства, предел роста семьи
50 лет	«Юбилей»
55 лет	Выход на пенсию женщин
60 лет	Выход на пенсию мужчин
70 лет	Средняя продолжительность жизни современного человека в развитом обществе
Примечание: Отдельные эксперты выделяли в качестве критических	

Более того, кризис не только неизбежная и необходимая, но, если можно так выразиться, «желательная» форма развития. Ибо установлено, если кризис протекает вяло, невыразительно, это может привести к задержкам в психическом развитии и отозваться в дальнейшем на всем ходе становления личности. Если же в определенный момент времени (скажем, в трехлетнем возрасте) кризис не наступает — это означает, что развитие психики идет замедленно и предшествующая форма деятельности не освоена в полном объеме ребенком, не отработана им и тем самым мешает переходу к новой, высшей форме деятельности, мешает и появлению новых психологических образований, без которых жизнедеятельность ребенка на новой ступени его развития затрудняется или вовсе становится невозможной.

Возрастные кризисы неразрывно связаны с литическими периодами развития личности, внутри которых они созревают и часто по времени «наступают на них». Как уже было сказано, начало кризиса трудно заметить и точно определить. В частности, потому, что последняя фаза литического развития возраста совпадает с предкритической фазой самого кризиса, его началом, а начало другого литического периода развития слито с посткритической фазой кризиса. Наблюдению, как правило, поддается лишь центральная часть — собственно критическая. Отсюда трудности хронологического выделения

литических и критических фаз развития, которые могут частично совпадать во времени (от нескольких месяцев до полугода и даже года).

ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ

«Жизнь человека от рождения до смерти сама по себе есть j некоторый волнообразно протекающий процесс... и всякий жизненный процесс как таковой есть процесс периодический» (Н. Я. Парна). Первая задача, которая возникает перед исследователем развивающегося явления, состоит в определении основных периодов этого развития. В этом плане важнейшей проблемой возрастной психологии является периодизация онтогенеза личности — определение реальных периодов развития личности, выделение главных характерологических черт каждого из периодов, изучение механизма перехода от одного периода к другому и т. д.

Проблема периодизации — старая, но неизменно актуальная проблема возрастной психологии; и сегодня в ней существуют много неразрешенных вопросов, различие точек зрения, свои существенные завоевания и «белые пятна». Для того чтобы у читателя возникло «объемное» видение проблемы периодизации жизненного пути личности, познакомим его с рядом наиболее фундаментальных периодизаций психического развития человека, чтобы затем на этой основе сформулировать принципы и структуру той периодизации, которая может послужить в качестве рабочей схемы нашего дальнейшего движения.

Однако, прежде чем перейти к реализации этой установки анализа, выделим две его плоскости, соответствующие двум главным задачам — проблемам современного психологического учения о периодизации.

Во-первых, всякая периодизация имеет дело не только с хронологией (выделением отдельных стадий развития), но и с необходимостью обоснования принципов выделения данных этапов. Известный советский историк и социальный психолог Б. Ф. Поршнев отмечал, что «периодизация мотивируется не поисками равномерного распределения учебного и научно-исследовательского материала пусть в неравные хронологические ящики, а качественными переломами в ходе того или иного развития» (Б. Поршнев, 1974).

Принцип и есть альфа и омега всякой периодизации, ибо здесь определяется то, что представляется исследователю принципиальным для выделения отдельных стадий

развития личности, определяется тот угол зрения, под которым видятся все и всяческие изменения, происходящие в ходе онтогенеза. Двигаясь в этой плоскости, выясняя принципы различных периодизаций онтогенеза личности, мы довольно быстро обнаружим их различие и множественность. Следовательно, анализируя этот важнейший вопрос, нужно отнестись к нему критически, отыскивая в отдельных подходах «рациональное зерно», но не универсализируя его (т. е. не превращая отдельные принципы «во все и вся определяющие и объясняющие»). Такова первая трудность, сопряженная с вопросом периодизации.

Другая заключается в своеобразной «неравномерности» современных периодизаций. Имеется в виду тот факт, что сегодня периодизация возрастного развития детей развернута несравненно более детально и функционально, нежели периодизация развития взрослых. При этом целый ряд интереснейших схем детского развития не продолжены по отношению к дальнейшим этапам развития личности (что, конечно же, является их недостатком, с точки зрения наших задач).

С учетом этих двух замечаний мы можем перейти к непосредственному изложению ряда периодизаций жизненного пути личности.

Л. С. Выготский выделил три группы периодизаций, исходя из заложенных в них теоретических оснований: 1) периодизации, составленные путем расчленения развития человека по стадиям на основе ступенчатого построения других процессов, так или иначе связанных с этим развитием; 2) периодизации, построенные на основании одного признака развития, выполняющего роль условного критерия; 3) периодизации, связанные с попыткой подойти к выделению сущностных особенностей самого личностного развития человека.

К первой группе периодизации относятся указанные попытки соотнести онтогенез личности с ее филогенезом, когда проводятся параллели между эпохами развития личности и эпохами исторического развития человечества (Гетчесон, Штерн, Циллер и т. д.) и которые, как было показано, в целом не выдерживают критики. С другой стороны, к этой же группе относятся и периодизации, заслуживающие более высокой оценки. В их основу положено деление развития личности в соответствии с существенными моментами ее социализации, такими как, например, ступени общественного воспитания и образования, связанные с особенностями системы народного образования, принятой в данной отдельной стране.

Такова, например, периодизация Р. Заззо, французского психолога, рассматривающего детское развитие в связи с организационными особенностями французской и американской систем обучения и воспитания и выделяющего шесть периодов по три года, каждый из которых заканчивается соответственно в 3, 6, 9, 12, 15 и 18 лет. Достоинство этой схемы в том, что она учитывает фундаментальное значение ступеней социализации ребенка, соответствующих основным социальным и педагогическим институтам (скажем, ясли, детский сад, начальная школа и т. д.), а главный недостаток состоит в том, что здесь детское развитие ставится в прямую зависимость от социально-педагогической доктрины, любое изменение которой (в условиях одной страны или разных стран, не говоря уже о различных культурах) делает необходимым и изменение периодизации. По сути, речь идет не о психологических, а о педагогических возрастах.

Вторую группу составляют схемы типа периодизаций знаменитого австрийского психиатра, психолога и философа З. Фрейда и нашего психолога П. П. Блонского. И в том, и в другом случае в основание периодизации кладется один признак-симптом, который выступает с разной степенью условности в виде критерия периодизации. Для З. Фрейда таким признаком было представление о преобразовании и перемещении по разным эрогенным зонам сексуальной энергии, в соответствии с которым он выделяет следующие стадии: оральная, анальная, фаллическая, латентная и генитальная, соответствующие бесполому, нейтрально полному, двуполому и половому детству и заканчивающиеся с наступлением половой зрелости. Последующие изменения личности в системе общественных отношений, по Фрейду, не приводят к изменению типа личности и поэтому могут не учитываться.

П. П. Блонский положил в основу своей периодизации признак дентиции (состояние зубов), выделяя беззубое, молочнo-зубое, постояннозубое детство, дополняя его характеристиками веса, конституции, среды и поведения.

Эти и некоторые другие периодизации страдают явным натурализмом, так как фактически сводят психическое развитие личности к созреванию организма.

Наконец, третья группа периодизации — наиболее продуктивная — связана с поисками сущностных особенностей детского развития. При этом их авторы зачастую используют и опору на внешние процессы развития личности (ту же воспитательно-образовательную систему), и признаки развития (фиксируемые, в частности, как

новообразования личности), но не универсализируют их, в отличие от вышеуказанных авторов, не делают принципом объяснения.

Из зарубежных концепций выделим четыре — наиболее фундаментальных и влиятельных в мире — периодизации: немецкого психолога Шарлотты Бюлер, американских психологов Э. Эриксона и Дж. Биррена, а также англичанки Д. Б. Бромлей.

Шарлотта Бюлер разработала интенциональную теорию развития человека, согласно которой выборы, осуществляемые человеком на жизненном пути для достижения своих целей, им самим не осознаются. Он (человек) подвластен интенции (намерению), им самим не осознаваемой.

Ш. Бюлер выделяет пять стадий жизненного цикла.

Первая продолжается от рождения и до 15-летнего возраста и характеризуется неясностью целей, нерасчлененностью будущего. В этот период человек живет настоящим, развивая физические и умственные способности.

Второй период (15 — 20 лет) — время осознания (подростком, юношей) своих потребностей, интересов и целей. Решаются глобальные задачи по выбору профессии, смысла жизни и партнера (спутника).

Третий период (20 — 40/45 лет) — расцвет жизни, четкость и ясность целей позволяют быть счастливыми в профессиональной и личной жизни.

Четвертый период (45 — 65 лет) — подводятся итоги, цели ставятся исключительно в соответствии с достигнутым статусом.

И пятый период (65 — 70 лет) — начинается осмысление собственной жизни как целого. Здесь выясняется, кто оказался успешен, а кто нет в достижении своих жизненных ценностей.

Периодизация Эрика Эриксона, безусловно, наиболее внушительна и наиболее психологична. Э. Эриксон исходит из эпигенетического принципа (развития на основе различных новообразований), абсолютизируя при этом прерывность развития. Согласно его взглядам, при переходе на каждую новую ступень развития новообразования предыдущей стадии не исчезают и не преобразуются, а сохраняются неизменными, включаясь в новую системную организацию личности и синхронизируясь с вновь возникающими новообразованиями. Его основной тезис можно сформулировать так: новообразования ведут к развитию личности. Составленная на этой основе пе-

периодизационная схема (см. табл. 10) получается очень детальной и полипараметрической. Направление развитию личности, по Э. Эриксону, задает идея противостояния индивида усложняющимся социальным требованиям, предполагающая постоянный выбор между двумя противоположными отношениями к миру и к себе. Этот выбор и определяет ход развития на данной стадии. Переход от одной стадии к другой фактически задается извне (социально), а возникновение психических новообразований лишь фиксирует этот переход с психологической точки зрения.

У периодизации Эриксона есть множество чисто психологических достоинств, не говоря уже о ее огромной популярности. Мы считаем продуктивным выделение и характеристику новообразований (заметим, что в этом пункте у Эриксона немало совпадений с соответствующими характеристиками возрастных новообразований, выделяемых советскими психологами), попытку вскрыть внутренние противоречия развития личности («полярности»), ориентацию не на биологические, а на социальные институты развития личности. И все же мы не можем целиком принять эту схему, поскольку не разделяем идею приспособления к противостоящей человеку социальной среде, ибо, как было показано выше, исходим не из идеи принципиальной адаптации как универсального принципа развития личности, а из положения о присвоении индивидом всеобщих способов действия, что разводит разделяемую нами и предложенную Эриксоном системы объяснения психического развития на полярные позиции.

Все другие схемы психического развития в зарубежной литературе значительно уступают периодизации Э. Эриксона и по полноте охвата возрастов и по чисто психологической ориентированности. Более того, на наш взгляд, идеи Эриксона в плане возрастной психологии и психологии личности недостаточно оценены, в частности в отечественной науке, поэтому в дальнейшем мы отдельно и подробно остановимся на изложении и наших комментариях по поводу его основных идей.

Приведем еще две схемы, в том числе и для иллюстрации состояния генетических исследований в целом.

Справедливости ради надо отметить, что обе эти схемы разработаны до Э. Эриксона и хронологически предшествуют его работам. Чем же они примечательны?

Периодизация Джеймса Биррена (см. табл. II) интересна попыткой соединить метрические (длительность, измеряемая с момента рождения) и топологические

(качественные) характеристики — однонаправленность, одномерность, необратимость развития. Здесь полнее, нежели у Эриксона, учитывается продолжительность фаз развития личности. Обратим внимание на попытку Дж. Биррена показать некую закономерность «возрастания продолжительности» фаз: если первая («младенчество») охватывает всего два года, то, например, шестая («зрелость») — уже целых тридцать лет, что можно расценивать как существенное эмпирическое наблюдение (J. E. Birren, 1964).

Таблица 10. Этапы жизни По Эрику Эриксону

VIII								ИНТЕГРАТИВНОСТЬ — БЕЗЫСХОДНОСТЬ
VII							ГЕНЕРАТИВНОСТЬ — СТАГНАЦИЯ	
VI						ИНТИМНОСТЬ — ИЗОЛЯЦИЯ		
V	Временная перспектива — временная спутанность	Уверенность в себе — самоосознание	Рольное экспериментирование — рольная фиксация	Ученичество — неспособность работать	ИДЕНТИЧНОСТЬ — СПУТАННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	Сексуальная поляризация — бисексуальная спутанность	Лидерство и ведомость — спутанность авторитетов	Идеологическая определенность — спутанность ценностей
IV				СОЗИДАНИЕ — ЧУВСТВО НЕПОЛНОЦЕННОСТИ	Деловая идентификация — чувство бесполезности			
III			ИНИЦИАТИВА — ЧУВСТВО ВИНЫ		Антиципация ролей — подавление рольного экспериментирования			
II		АВТОНОМИЯ — СТЫД, СОМНЕНИЕ			Стремление к самоутверждению — неуверенность в себе			
I	ДОВЕРИЕ — НЕДОВЕРИЕ				Взаимное признание — аутичная изоляция			
	1	2	3	4	5	6	7	8

Периодизация англичанки Дианы Бромлей (D. B. Bromley, 1966) примечательна выделением цикла эмбриогенеза, что является, в известном смысле, «рекордом» охвата фаз жизни (хотя исторически эта идея не оригинальна). Бромлей разделила онтогенез на пять циклов: I — эмбриогенез (от зачатия до рождения), в котором четыре стадии: 1) зигота, 2) эмбрион, 3) зародыш, 4) рождение; II -- детство: 1) младенчество (0 — 1,5), 2) дошкольный возраст (1,5—5), 3) раннее школьное детство (5—11/13); III — юность: 1) старшее школьное детство, или ранняя юность (11/13—15), 2) поздняя юность (15 — 21), краткая характеристика которой — переход от зависимости к независимости; IV — взрослость: 1) ранняя взрослость (21 — 25 — включение во все виды социальной активности, семья, работа), 2) средняя взрослость (25 — 40) — интеллектуальный и профессиональный пик, 3) поздняя взрослость (40 — 45) — уход

детей из семьи, 4) предпенсионный возраст (55 — 65) — пик социальных достижений; V — старение: 1) старый возраст (65-70), 2) дряхлость (70 -...).

Фазы	Года
Младенчество	2
Дошкольный возраст	2-5
Детство	5-12
Отрочество	12-17
Ранняя зрелость	17-25
Зрелость	25-50
Поздняя зрелость	50-75
Старость	после 75

И периодизация Дж. Биррена, и периодизация Д. Б. Бромлей достаточно несовершенны — можно при желании предъявить к ним ряд более или менее существенных претензий. Однако мы не станем этого делать, поскольку в наши цели не входит ни подробный анализ, ни обстоятельная критика систем периодизации психического развития человека.

Л. С. Выготский подошел к проблеме периодизации психического развития с позиций культурно-исторического (конкретно-исторического) подхода к возрастным изменениям личности. По Л. С. Выготскому, периоды онтогенетического развития человека неразрывно связаны с конкретно-исторической ситуацией его развития (социальной ситуацией развития). Л. С. Выготский определял развитие как «непрерывный процесс самодвижения, характеризующийся в первую очередь непрерывным возникновением и образованием нового, не бывшего на прежних ступенях» (Л.С.Выготский, 1972).

Отсюда главным критерием разделения периодов развития Л. С. Выготский считает появление психологических новообразований, которые связывает с определенной социальной ситуацией развития, вызывающей эти новообразования психики в жизни. При этом в схеме Л. С. Выготского, как ни в какой иной, акцентируется значение и указывается хронологическое место возрастных кризисов развития. В итоге его схема, вполне современная для детской психологии и сегодня, выглядит следующим образом (см. табл. 12).

Таблица 12 Периодизация детского развития по Л. Г. Выготскому

Возраст	Название периода или кризиса	Стадия периода и фазы кризиса
0 — 2 мес.	Кризис новорожденности	а) предкритическая; б)

		критическая; в) посткритическая
2 мес. — 1 год	Младенчество	1) раннее младенчество; 2) позднее младенчество
1 год	Кризис 1-го года	а), б), в)
1 — 3 года	Раннее детство	
3 года ____	Кризис 3 лет	а), б), в)
3 — 7 лет	Дошкольный возраст	1), 2)
7 лет	Кризис 7 лет	а), б), в)
8-12 лет	Школьный возраст	1), 2)
13 лет	Кризис 13 лет	а), б), в)
14-17 лет	Пубертатный период	1), 2)
17 лет	Кризис 17 лет	а), б), в)

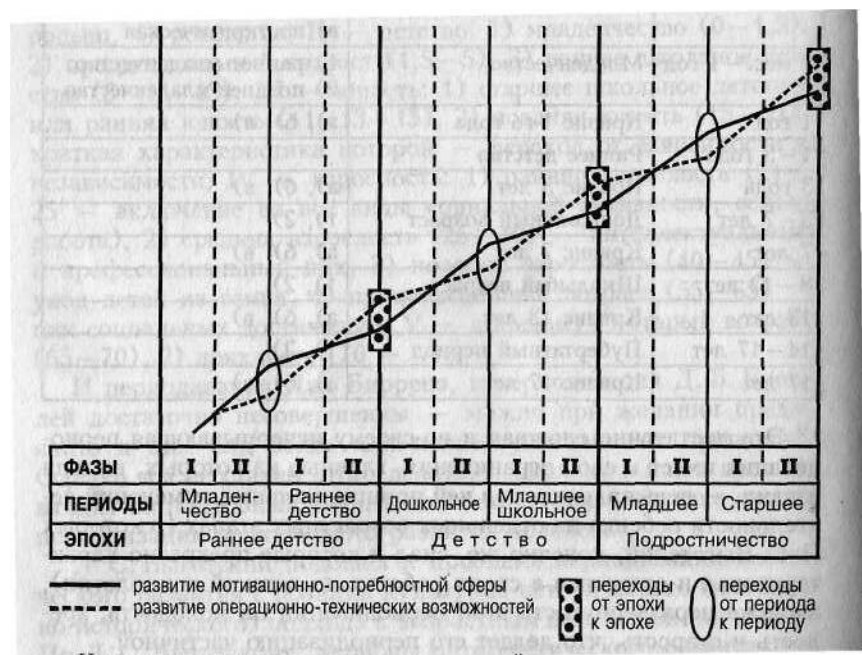
Эта достаточно сложная и по-своему исчерпывающая периодизация имеет и свои ограничения, главные из которых, на наш взгляд, — невыявленность в ней принципиальных изменений деятельности ребенка на отдельных возрастных этапах (о которых Л. С. Выготский, конечно же, знал и которые прекрасно характеризовал и описывал в своих работах по детской психологии), а также неразвернутость этой периодизации на молодость, зрелость и старость, что делает его периодизацию частичной.

Д. Б. Эльконин развил принципы Л. С. Выготского и предложил более детализированную психологическую схему детского развития, основанную на принципе ведущей деятельности.

К этому времени (началу 70-х годов) принцип ведущей деятельности, как, впрочем, и вся теория генетически преемственных типов деятельности, были разработаны в трудах А. Н. Леонтьева и его сотрудников. Статья Д. Б. Эльконина (1971) во многом восполнила пробел в этой теории, связанный с отсутствием периодизационной схемы и, с другой стороны, в чем-то придала данной теории заверченный вид и удобную для практической работы форму. В своей периодизации (см. табл. 13) Д. Б. Эльконин делит детство на этапы, в каждом из которых

выделяет два периода, в соответствии с ведущими типами деятельности, развивающей по преимуществу то мотивационно-по-требностную, то операционально-техническую сферу личности. Переход от одной эпохи к другой происходит при возникновении несоответствия между операционально-техническими возможностями ребенка и задачами и мотивами, на основе которых они формировались на предшествующей ступени развития. Данный подход в последнее десятилетие развития советской психологии фактически являлся схемой подавляющего большинства работ по детской психологии, и на ее основе получено множество ценных материалов, характеризующих детское развитие. Вместе с тем у периодизации Д. Б. Эльконина тот же существенный недостаток, что и у схемы Л. С. Выготского: она развернута и обоснована лишь относительно детских возрастов.

Таблица 13 Периодизация психического развития в детстве по Д. Б. Эльконину

На рисунке отчетливо выражен спиральный, характер детского развития, преодолевающий разрыв между развитием двух сфер — мотивационно-потребностной и операционально-технической. Кризисы психического развития, согласно этой схеме, относятся соответственно к 3, 12, 17 годам.

Ставя, вслед за Д. Б. Эльconiным, в качестве краеугольного камня диалектику двух основных — по Марксу — видов человеческой деятельности, а именно производства (деятельного отношения людей к вещам) и общения (деятельного отношения людей друг к другу), Д. И.

Фельдштейн (1996) предлагает свою модель периодизации социального развития личности.

Определяя личность как интегрированную социальную сущность индивида, Д. И. Фельдштейн в качестве источников процесса развития личности указывает задаваемую систему воспитания и внутреннее самодвижение деятельности. Последнее и позволяет ему в качестве основы своей модели периодизации развития личности взять схему Д. Б. Эльконина. Однако самого по себе анализа диалектики смены двух взаимосвязанных сторон деятельности, определяемых «отношением к миру вещей» и «отношением к миру людей», выделения ведущих форм деятельности оказывается для Д. И. Фельдштейна недостаточно для построения модели периодизации развития личности. Им вводятся представления о социализации и индивидуализации личности, связанное с ними представление о формирующейся позиции «Я» и ряд других. Изменение социальной позиции личности Д. И. Фельдштейн рассматривает как одну из важнейших закономерностей социального развития.

Схему развития личности в онтогенезе Д. И. Фельдштейн представляет в виде градуированной спиралеобразной вертикали. Разные уровни социального развития личности связываются с разными ступенями жизни — стадиями, периодами, этапами, фазами.

Наиболее крупными ступенями развития личности в период от рождения до зрелости выступают две фазы — фаза собственно детства (от 0 до 10 лет), когда становление личности происходит на уровне еще не развитого самосознания, и фаза подростничества (от 10 до 17 лет), когда происходит активное формирование самосознания растущего человека, выступающего в социальной позиции общественно ответственного субъекта.

Внутри указанных фаз Д. И. Фельдштейн различает два типа рубежей межуровневого социального развития личности, которые условно называет промежуточными и узловыми. Узловые рубежи представляют собой качественные сдвиги, которые возникают в связи с переходом к новому этапу развития. Этот рубеж обозначается формулой «я и общество» и связывается с актуализацией деятельности по усвоению норм человеческих взаимоотношений, с активной позицией ребенка по отношению к другим людям, стремлением проявить себя, получить признание окружающих. Промежуточные рубежи фиксируют переход ребенка из одного периода в другой. Они обозначаются формулой «<я в обществе» и связываются, соответственно, с актуализацией предметно-практической стороны деятельности, в процессе которой ребенок осваивает социальный опыт, вырабатывает способы обращения с предметами, оценивает себя, примеряя к окружающему.

Промежуточные и узловые рубежи неоднократно сменяют друг друга, наполняясь на каждой стадии онтогенеза новым содержанием.

«Таким образом, — пишет Д. И. Фельдштейн, — членение онтогенеза на различные ступени, подразделяемые и объединяемые промежуточными и узловыми рубежами, представляет собой закономерный процесс, где реализация потребности ребенка в приобщении себя к обществу («я в обществе») складывается и разворачивается на основе размежевания, разделения его «я» от других людей («я и общество»), что ставит растущего человека каждый раз в новую социальную позицию. Именно определение этой позиции, своего места в «мире людей», осуществляемое в деятельности взаимоотношений, дает импульс к развитию возможностей ребенка, его потенций, которые реализуются через предметно-практическую деятельность, через присвоение «мира вещей», т. е. развитие личности представляет собой единый процесс социализации, когда ребенок осваивает социальный опыт, и индивидуализации, когда он выражает собственную позицию, противопоставляет себя другим, проявляет самостоятельность путем установления все более широких отношений, где он сам себя проверяет, вырабатывая дистанцию развития действительности и выходя за пределы заданной деятельности».

Настаивая на принципиальном различии понятия «психическое развитие» и «развитие личности», А.В.Петровский (1984) предлагает свою гипотетическую модель возрастной периодизации развития личности. Он рассматривает личность как социальное, системное качество человека, субъекта системы человеческих отношений. По существу, модель периодизации развития личности, предлагаемая А. В. Петровским, являет собой последовательную трехчленную схему вхождения человека в новую, относительно стабильную социальную общность. Эти три фазы становления индивида как личности в данной общности суть адаптация, индивидуализация и интеграция. В качестве источника развития личности выступает постулируемое автором противоречие между потребностью личности в персонализации (наличие такой потребности также является одним из исходных постулатов) и объективной заинтересованностью данной общности, референтной для индивида, принимать лишь те проявления его индивидуальности, которые соответствуют задачам, нормам и условиям функционирования и развития этой общности.

Вначале эта трехфазная схема накладывается на этапы формирования личности в детском возрасте, сложившиеся в конкретно-исторических условиях воспитания

подростающего поколения в нашей стране: ранний детский (преддошкольный) возраст (0 — 3), детсадовское детство (3 — 7), младший школьный возраст (7—11), средний школьный возраст (11 — 15), старший школьный возраст (15 — 17). Приведем для примера описание фаз раннего детства: «Фазы развития в преддошкольном возрасте фиксируют следующие результаты: первая — адаптацию на уровне освоения простейших навыков, овладения языком как средством приобщения к социуму, при первоначальном неумении выделить свое «я» из окружающих явлений; вторая — индивидуализацию, противопоставление себя окружающим: «моя мама», «я мамина», «мои игрушки» и т. д., демонстрацию в поведении своих отличий от окружающих; третья — интеграцию, позволяющую управлять своим поведением, считаться с окружающими, подчиняться требованиям взрослых и т.д.». Переход на новую возрастную ступень есть определенно и переход в новую группу, общность. А. В. Петровский считает важным подчеркнуть, что этот переход не определяется внутренними психологическими закономерностями, а детерминирован извне социальными причинами. При этом если переход к новому периоду не подготовлен успешным протеканием фазы интеграции предыдущего периода, то возникают условия для кризиса развития личности, так как адаптация в новой группе, на новом возрастном этапе оказывается затрудненной.

Следующий этап экстраполяции трехчленной схемы предполагает уже ее наложение на самую общую картину становления социально зрелой личности. В результате получается многоступенчатая модель периодизации, в которой выделяются эры, эпохи, периоды и фазы формирования личности. А. В. Петровский детально анализирует только первую эру — «эру восхождения к социальной зрелости», охватывающую весь дошкольный и школьный возраст и выходящую за рамки ранней школьной юности. В пределах этой эры, в соответствии с трехчленной схемой, выделяются три эпохи: детство (адаптация), отрочество (индивидуализация) и юность (интеграция). Эпохи, в свою очередь, подразделяются также на трехчленные периоды развития личности, а эти периоды, как было показано выше, — на фазы.

Использование этой модели периодизации личности, выстроенной с позиции социальной психологии, позволяет автору описать многие из имеющихся в психологии феноменов, фактов, закономерностей формирования детской личности. По мнению автора, она оказывается достаточно эвристичной для выдвижения новых исследовательских задач и гипотез.

Мы познакомились с основными периодизационными схемами развития личности, которые известны в психологии. Современное состояние разработки проблемы не позволяет решить вопрос о правоте того или иного исследователя однозначно. Да и наивно было бы этим заниматься, выступая в ложной позиции третейского суда. Теоретический диспут продолжается и вряд ли будет окончен в ближайшее время. Вместе с тем мы считали, что тот, кто заинтересуется проблематикой возрастной психологии, вправе ожидать объективного изложения имеющихся точек зрения, чтобы иметь возможность сравнивать аргументацию и выбирать самому объекты симпатий и антипатий.

ЛИЧНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Я обещал отдельно вернуться к обсуждению теории Эрика Эриксона, как наименее известной отечественному читателю и, возможно, самой глубокой и интересной с позиции основной темы нашей книги — личность и поколения.

Эрик Эриксон долгое время был знаком поколениям советских психологов и интересующейся психологией публике под пресловутой рубрикой «критика современных буржуазных теорий». Именно так, в предвзятом пересказе с неременной уничижительной разборкой, советский читатель имел возможность познакомиться с идеями крупнейшего ученого XX века. Для цензуры Эриксон, несомненно, являлся ярким представителем того «направления» в научной литературе, которое получило емкое название «спецхран», знакомиться с содержанием коего можно было только самым доверенным, только самым проверенным, только «критикам идей». А среди последних нередко встречались персонажи, разделявшие «методологию» одного сталинского философа-академика, прославившегося высказыванием: «Я не могу читать Гегеля, я могу только его критиковать!»

Впрочем, оставим эти прелести «зоологической» эпохи в нашем общении с современной западной научной классикой своему времени и порадуемся возможности встретиться не только с мыслителями прошлого, но и с современниками, встретиться без дурных посредников, не в пересказе, а в полноте авторского текста.

Думаю, что разворошу не ложную интригу, задавшись вопросом: почему труды Эриксона шли к нашему читателю дольше всего и труднее всего? Именно так: уже давно опубликовано практически все, что было ранее запрещено. Сегодня в России сочинения Солженицына купить легче, чем Горького, продавщицы книжных магазинов легко оперируют

именем Хосе Ор-теги-и-Гасета, а труды многострадального Фрейда (в коих после клейма пансексуализма, которым его наградили упомянутые выше «критики», массы могли ожидать в текстах едва ли не образцы порнографии) пылятся на книжных развалах, являя собой такое сугубо капиталистическое явление, как перепроизводство товара. В этой ситуации, когда издано практически все и — никто не забыт и ничто не забыто (вплоть до последнего полуграмотного эмигранта и начинающего «антисоветчика»), Эриксон на русском языке практически не существует (отдельные статьи, препринты и прочая мелкота — не в счет). Почему? Пожалуй, не ошибусь, если предположу, что разгадка этой «тайны» весьма проста и ее позволяет извлечь самый примитивный из подходов — комплексный. Здесь всего понемножку и все одновременно: конечно, Эриксон не Фрейд (не та слава, в том числе и скандальная); личность его (Эриксона) хотя и известна в ученых кругах, но не легендарна; политически нейтрален — ни вашим, ни нашим; область занятий (психология жизненного цикла человека) для отечественной психологии традиционно периферийная и малоизученная (все ограничивалось детской психологией); нет ни одного влиятельного соотечественника (ученого или издателя), который бы захотел сделать Эриксону то, что называется на языке шоу-бизнеса *promotion*; к тому же немного «объелись» их классикой, вспомнили, что «может собственных Невтонов и быстрых разумом Платонов российская земля рождать». В общем, как уже сказано, комплексный подход ясно указывает, что причина непоявления Эриксона на своем законном месте на полке переводной психологической классики прозаическая — не судьба. С судьбой нельзя бороться, но можно поспорить — Эрик Эриксон живой и нужный персонаж нынешнего психологического театра. Без него не обойдешься. Попытаюсь это показать. Не могу обойтись без сжатого биографического фрагмента.

XX век — век жестокий и прагматичный — склонен к весьма жесткому редактированию классических сюжетов: будучи внебрачным сыном матери-еврейки и неизвестного отца-датчанина, маленький Эрик (родился 15 июня 1902 г.) вряд ли мог рассчитывать на мелодраматический сценарий своей жизни в жанре авантюрного романа (как, например, Филдингов Том Джонс-найденых). Скорее, был обречен на борьбу за выживание в непростой истории Германии начала века, отмеченной революциями и войнами. Забегая вперед и справедливости ради заметим, что идея *happy end*'а также является придумкой нашего века и жизненный путь маленького бастарда окончился куда счастливее версии английского повесы-эсквайра, упомянутого выше Тома Джонса, а именно: всемирным признанием в номинации

выдающихся психологов современности.

Выжить малютке Эрику помог некто Хомбургер (про которого в анналах упоминается лишь то, что был он педиатром и евреем), женившийся на его матери и усыновивший мальчика. Именно с этой фамилией — Хомбургер — Эрик прожил первые тридцать лет своей жизни.

Первую четверть своей жизни Эрик вовсе не планировал стать профессиональным психологом. В двадцать пять лет — в возрасте весьма зрелом — мы находим его художником, специализирующим на детских портретах. Случайное знакомство с Анной Фрейд, которая заинтересовала его детским психоанализом, решило судьбу ученого. Он начинает работать преподавателем рисования в детской школе Анны Фрейд, а с 1927 г. Эрик Хомбургер участвует в семинарах венской школы.

В 1933 г. молодой человек получил диплом школы Венского психоаналитического общества. Некоторое время занимался проблемами детского психоанализа под руководством Анны Фрейд. В 1933 г. Эрик эмигрировал в США. Он поступил как сотни тысяч европейских евреев, спасающихся от преследований нацистов. Однако у Эрика были весьма непростые отношения к своему этническому и религиозному происхождению, и переезд в Америку оказывается отмеченным характерным поступком (особенно для человека, большую часть своей жизни занимавшегося проблемой идентичности): он меняет фамилию. Память о неизвестном отце, видимо, обусловила нордическое звучание — Эриксон, хотя психологически более интересно, что за основу фамилии взято собственное имя (Эрик Эриксон — буквально: Эрик сын Эрика, т. е. сын самого себя), и это явно не случайность, а, похоже, разборчивая подпись под гамбургским счетом всей предыдущей жизни. Впрочем, в этом вопросе, судя по творческому наследию Эриксона и особенно по его автобиографическим рассказам, на протяжении всей жизни он остро и даже противоречиво ощущал, с одной стороны, свои еврейские и нордические корни, а с другой — он без колебаний принял христианское вероисповедание и подчеркнуто относился к христианской этике. Ниже нам еще придется убедиться в том, что поиск личностью своей идентичности — процесс весьма непростой и неоднозначный. Кстати, особая эмоциональная заряженность текстов Эриксона, а порой и их пристрастность свидетельствуют о том, что проблема поиска человеком своей психосоциальной идентичности была для него не только теоретической научной задачей, но и, говоря более близким нам психологическим языком, «задачей на смысл», несла моменты глубоко личностные.

Судя по всему у Эриксона в Штатах не возникало проблем со своей профессиональной

идентичностью (что, заметим в скобках, одна из главных проблем эмигрантов): он — психолог, детский психолог, психоаналитик фрейдовской школы, благо последняя в тогдашней Америке была весьма модна. Это подтверждается послужным списком престижных университетов и интересных проектов, с которыми связано имя Эрика Эриксона.

Итак, он занимался психоаналитической практикой. Преподавал в университетах. В 30-х годах был связан с Гарвардской психологической клиникой (исследования по игровому анализу). В 1937 г. перешел в Йельский институт человеческих отношений, изучал (вместе с антропологом Микелем) индейские резервации племени сиу в Южной Дакоте и племени юроков, обитающих на берегах реки Кламани, впадающей в Тихий океан. Собранный в этих исследованиях материал послужит в дальнейшем Эриксону базой для неоднократного обсуждения вопроса о детерминации индивидуальной идентичности исторической идентичностью своей социальной группы, других проблем коллективной и этнической идентичности.

Во время войны (1940—1945) провел ряд исследований по заказу Пентагона — изучал психологию подводников, особые заболевания военных (в терминологии тех лет — «военный невроз»). Отметим особо, что именно в этих исследованиях была впервые выдвинута идея идентичности. В военные годы Эриксон опубликовал и аналитическую статью о роли образа Гитлера для немецкой молодежи.

После войны Эриксон занимается в основном психологией и психотерапией детского и юношеского возраста. Он сотрудничает с Институтом человеческого развития университета Беркли (Калифорния) и в 50-х — с Центром Остин Риггс в Беркшире. В 1950 г. публикует книгу «Детство и общество» («Childhood & Society»), ставшую психологическим бестселлером, с которой начинается пересмотр Эриксоном некоторых установок классического фрейдизма и оформление учения об идентичности. Эта книга на долгие годы стала одним из самых распространенных и выбираемым учебником по детской психологии среди американского студенчества.

В 1958 г. выходит из печати книга Эриксона «Молодой Лютер» («Young Man Luther»), ставшая первым опытом применения психоисторического метода и датой рождения созданной им психоистории, продолженной книгой «Истина Ганди» («Gandhi's Truth», 1969) и другими работами. Книга о Ганди принесла Эриксону приз Пулитцера и Национальную премию США — награды, более чем престижные.

Факты, изложенные в предыдущем абзаце, стоит кратко прокомментировать. Не

следует путать психоисторию с психобиографией — методом психологического анализа биографий и личностей конкретных лиц и соответствующим ему жанром жизнеописаний, уделяющим особое внимание психическим факторам жизни людей. Особую роль в становлении психобиографии сыграли осуществленные Фрейдом «патографические исследования» жизни и личности Леонардо да Винчи, Вуд-ро Вильсона, Федора Михайловича Достоевского и др. Вслед за Фрейдом в русской школе психоанализа аналогичные исследования личности и творчества Александра Сергеевича Пушкина и Николая Васильевича Гоголя осуществил профессор Ермаков. Под влиянием «патографических исследований» основатель психоистории Эриксон и провел свои психобиографические (психоисторические) исследования жизни и личности Мартина Лютера, Махатмы Ганди, Максима Горького, Франциска Ассизского и др.

С 1960 г. — профессор Гарвардского университета — читает авторский курс «цикл человеческой жизни» в Гарварде.

С середины семидесятых годов — почетный профессор Гарвардского университета.

Умер Эрик Эриксон 12 мая 1994 в Гарвиче, Массачусетс, о чем «New York Times» сообщила в некрологе 13 мая 1994 г.

Я не пожалел нескольких страниц для краткого изложения жизни одного из величайших психологов нашего века не только потому, что некоторые факты публикую впервые, но и потому, что учение Эриксона очень лично и близко к его жизненному пути.

Однако перейдем к собственно учению. Выше (в параграфе о периодизациях психического развития) я уже затрагивал этот вопрос. Теперь некоторые уточнения и подробности.

«Официально», т.е. по принятой в советские времена системе маркирования персоналий принадлежностью к научному направлению («позитивист», «экзистенциалист» и т.д.) и «заслуживаемому» рангу («великий», «выдающийся», «известный» и пр.), Эриксон классифицировался как «представитель социологического направления в неофрейдизме» — без приличествующей классике приставочки в виде определяющего прилагательного. Надо сказать, что наше «западоведение» Эриксона особо не жаловало — в официальные советские who is who (энциклопедии, словари и пр.) он не попадал, а был предметом всевозможных «разборов» — диссертационных, «статейных»,

«монографических» и т.д., где опять же преимущественно упоминался в ряду других «представителей».

К Эриксону эта глуповатая манера разложить все по полочкам, расставить по порядку и снабдить разъяснительным ярлычком подходит еще хуже, чем к другим. Конечно, трудно скрыть то, что он начинал свой научный путь во фрейдовской школе, впитал и сохранил до конца своей творческой деятельности психоаналитическую терминологию, многие ключевые принципы теоретической и клинической работы. Бесспорно, многое скажет понимающему читателю указание на принадлежность к эго-психологии и внимание к социологическому методу. Однако при этом в стороне останутся другие ипостаси эриксо-новской личности и присущего ему исследовательского стиля: Эриксон-этнограф, Эриксон-историк, Эриксон-биограф, Эриксон-литератор, Эриксон-политолог etc.

В этом месиве ярлыков и определений не может потеряться факт генетической близости Эриксона к фрейдизму и неопределенности, который звучит весьма тривиально после упоминания об уроках, взятых им в венской психоаналитической школе. Безусловно также влияние Анны Фрейд на образ мыслей молодого Эриксона, ибо именно она, в отличие от энтузиастов социологизированного фрейдизма Карен Хорни, Эрика Фромма и Гарри Салливена, пролагает путь модификации классического фрейдизма не за счет введения новых теоретических конструктов и постулатов вместо наиболее сомнительных, но за счет уточнения структурных аспектов ортодоксального фрейдизма, в частности, путем придания «Я» более автономного отношения к «ОНО». Здесь, конечно, имеется в виду прежде всего «Я и механизмы защиты» Анны Фрейд, из которой возникла вся последующая эго-психология.

Эго-психологи сосредоточились на анализе строения личности (на материале детского психоанализа и исследованиях личностного, с акцентом на вопросы развития и адаптации личности, автономии, свободы и особенности функционирования «Я», взаимодействия «Я» и влечений), и именно в этом направлении проходит решение вопросов об общих механизмах психического развития ребенка. Помимо самой Анны Фрейд и Эрика Эриксона, заслуживает упоминания в этом контексте Гейнц Гартман. Впрочем, для читавшего работы Анны Фрейд, Эриксона и Гартмана ясна не только их генетическая близость, но и бросающиеся в глаза различия. Другими словами, и этот ярлычок нам мало

что дает для понимания фигуры Эрика Эриксона и особенностей его работ, хотя постепенно, в том числе и благодаря примериваемым определениям, вырисовывается контекст — научный и человеческий, в котором восприятие Эриксона наиболее адекватно.

Однако есть резон сократить рассказ и перейти к изложению сердцевины того, что является в работах Эриксона самым сокровенным и собственно и является его вкладом в мировую психологию. Здесь просто: мы говорим Эриксон — слышится: идентичность. Пора объяснить, что значит этот иноязычный термин.

Идентичность, просто говоря, это тождественность человека самому себе. Однако простота такого определения лукавая и даже «хуже воровства» (по известной русской пословице), ибо «эта тождественность самому себе» для человека — первый вопрос и главная загадка, не только пределы, но и сами координаты и параметры обсуждения которых обыкновенно не даны человеку сами по себе. Ищет он то, что на языке гегелевской тарабарщины называется «дух-в-себе-и-для-себя», прежде всего через призму личного опыта взросления и становления развитым человеком (личностью), помноженного на индивидуальный интеллектуальный коэффициент и открытость интуитивному постижению знаний.

Говоря строже, понятие идентичности обозначает твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «Я» независимо от изменений «Я» и ситуации; способность личное-, ти к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития. Идентичность — это прежде всего показатель зрелой (взрослой) личности, истоки и тайны организации которой скрыты однако на предшествующих стадиях онтогенеза.

Становление идентичности Эриксон описывает как развивающуюся конфигурацию, которая постепенно складывается в детстве путем последовательных «я»-синтезов и перекристаллизации. Это конфигурация, в которой интегрируется конституционная предрасположенность, особенности либидных потребностей, предпочитаемые способности, важные идентификации, действенные защитные механизмы, успешные сублимации и осуществляющиеся роли.

Эриксон построил оригинальную схему развития человека на протяжении всей жизни, положив в основу «эпигенетический принцип» (отсюда его периодизация жизненного пути и

получила название «эпигенетической»). Термин «эпигенез» заимствован из биологии (в которую его ввел еще в 1651 г. знаменитый английский врач Харви Уильям Гарвей). Эпигенез — это учение о зародышевом развитии организма как процессе, осуществляемом путем последовательных новообразований в противовес признанию в половых клетках и зачатках зародыша изначального многообразия структур. Переноса данный принцип на психологию жизненного пути человека, Эриксон выступает против всевозможного рода разновидностей идеи преформизма в психологии, против грубости рефлекторной теории поведения, а также любых других фаталистских, механистических схем. При этом Эриксон весьма изящно уходит от тупиковой логики теории «двух факторов» (биологического и социального), включая взросление в фундаментальный биологический контекст.

Согласно Эриксону, человек на протяжении жизни переживает ряд психосоциальных кризисов. Сам по себе этот подход не оригинален и не отличается от взглядов, господствующих в том числе и в отечественной психологии (Лев Семенович Выготский, Даниил Борисович Эльконин и др.). Более того, если вы наложите периодизацию возрастов по Эриксону, то вы с удивлением заметите, что она буквально совпадает с десятком подобных схем (по датировкам кризисных годов, например). Однако не стоит заблуждаться — перед нами абсолютно оригинальная исследовательская разработка.

Надо обратить внимание читателя на таблицу 10 (см. гл. 3), в которую Эриксон свел определенные им этапы жизни. Над таблицей он работал более 20 лет, публикуя ее трижды и каждый раз внося существенные изменения. Итак, Эриксон выделяет восемь стадий развития идентичности, на каждой из которых человек делает (должен сделать!) выбор между двумя альтернативными фазами решения возрастных и ситуативных задач развития. Характер выбора сказывается на всей последующей жизни в смысле ее успешности и неуспешности.

На первой стадии, которую он в соответствии со своими фрейдистскими основами называет орально-сенсорной (или инкорпоративной, и еще — вбирающей), младенец решает фундаментальный вопрос всей своей последующей жизни — доверяет он окружающему его миру или не доверяет. Естественно, решается этот вопрос о базовом доверии к миру не в дискурсивно-логическом плане, а в общении ребенка со взрослым и в контакте со средой своего обитания через впитывание звуков, цветов, света, тепла и холода, пищи, улыбок и жестов, etc. В полном согласии с идеями отечественной психологии (например, Майи Ивановны

Лисиной и др.) и устоявшейся точкой зрения в других психологических теориях и направлениях, Эриксон указывает на ключевую роль матери в положительном решении задачи возраста (формировании базового доверия к миру). Оригинальность его подхода состоит в том, что критерием сформированного доверия к миру он считает способность ребенка спокойно переносить исчезновение матери из поля зрения.

Прогрессирующая автономность младенца (прежде всего способность передвигаться ползком, а позже — шагом, и развитие речи, манипулятивных способностей и пр.) позволяет ребенку перейти к решению второй жизненной задачи — обретению самостоятельности (альтернативный/негативный вариант — неуверенность в себе, стыдливость, непрерывные сомнения) [18 мес. — 4 года]. Если взрослые сверхтребовательны к ребенку или, напротив, спешат сделать за него то, что ему под силу сделать самому, то у него развиваются стыдливость и нерешительность. Когда ребенка ругают за запачканные штаны или разбитую чашку, это также вклад в развитие чувства стыда и неуверенности в себе. В этом возрасте ребенок интериоризирует то, что удачно названо Эриксоном «глазами мира», т.е. то, что видят в нем люди.

Третья стадия [4 года — 6 лет] называется Эриксоном ло-комоторно-генитальной, или эдиповой. Здесь решается альтернатива между инициативой и чувством вины. В этом возрасте расширяется пространство жизнедеятельности ребенка, он начинает сам себе ставить цели, придумывать занятия, проявлять изобретательность в речи, фантазировать. Это возраст игры, антиципации ролей, овладения реальностью посредством экспериментирования и планирования. В пространстве ребенка появляется все больше людей. Уже не только отец и мать, но и другие взрослые являются предметом идентификации ребенком себя со взрослыми, как основы становления новой ступени идентичности.

Четвертая стадия [6 — 11 лет] связана с овладения ребенком различными умениями, в том числе и умением учиться. Ребенок активно овладевает символами культуры. Этот возраст —

оптимальное время для учения: готовность к тяготам дисциплины, усвоению знаний, стремление делать все хорошо, заряженность на дух соревнования. Здесь формируется чувство умелости, компетентности, а при негативном протекании возраста — неполноценности. Овладевая основами знаний, дети начинают идентифицировать себя с представителями отдельных профессий, для них важным становится общественное одобрение их деятельности.

Пятая стадия [11—20 лет] — ключевая для приобретения чувства идентичности. В это время подросток колеблется между положительным полюсом идентификации «Я» и

отрицательным полюсом путаницы ролей. Перед подростком стоит задача объединения всего, что он знает о себе самом как сыне/дочери, школьнике, спортсмене, друге и пр. Все это он должен объединить в единое целое, осмыслить, связать с прошлым и спроецировать на будущее. При удачном протекании кризиса подросткового возраста у юношей и девушек формируется чувство идентичности, при неблагоприятном — диффузная идентичность, сопряженная с мучительными сомнениями относительно себя, своего места в группе, в обществе, с неясностью жизненной перспективы.

Здесь Эриксон вводит совершенно оригинальный термин — «психический мораторий», обозначающий кризисный период между юностью и взрослостью, в течение которого в личности происходят многомерные сложные процессы обретения взрослой идентичности и нового отношения к миру. Согласно Эрик-сону, психический мораторий может, при определенных условиях, принимать затяжной характер и длиться годами, что особенно характерно для наиболее одаренных людей. Непреодоленный кризис влечет состояние «диффузии идентичности», которая составляет основу специфической патологии юношеского возраста. В предельных случаях психический мораторий и «диффузия идентичности» сами по себе предполагают целесообразность применения соответствующих психотерапевтических мер.

Шестая стадия [21—25 лет], по Эриксону, знаменует переход к решению уже собственно взрослых задач на базе сформировавшейся психосоциальной идентичности. Молодые люди вступают в дружеские отношения, в брак, появляются дети. Решается глобальный вопрос о принципиальном выборе между широким полем установления дружеских и семейных связей с перспективой на воспитание нового поколения и изоляционизмом, свойственным людям со спутанной идентичностью и другими, еще более ранними ошибками в линии развития.

Седьмая стадия [25 — 50/60 лет], занимающая львиную долю человеческой жизни, связана с противоречием между способностью человека к развитию, которую он получает на основании благоприобретенного на предыдущих стадиях, и личностным застоем, медленным регрессом личности в процессе обыденной жизни. Наградой за овладение способностью к саморазвитию является формирование человеческой индивидуальности, неповторимости. Подымаясь над уровнем идентичности, человек обретает редкостную способность быть самим собой.

Восьмая стадия [свыше 60 лет] завершает жизненный путь, и здесь, пожиная плоды прожитой жизни, человек либо обретает покой и уравновешенность, как следствие

целостности своей личности, либо оказывается обречен на безысходное отчаяние, как итог путаной жизни.

Отдельного разговора заслуживает обсуждение Эриксоном проблемы, которую без натяжки можно считать абсолютно неразработанной в отечественной психологии, — темы связи индивидуального жизненного цикла с циклом поколений и вообще проблемы динамики поколений. Понятие идентичности, помимо личной тождественности (неизменность в пространстве), подразумевает также и целостность (преемственность личности во времени), а следовательно, идентичность мыслится не только как персональная, но и как групповая (расовая, общественная, половая и т. д.).

Вообще, Эриксон замечательно разнолик. Один перечень «объектов», попадавших в зону его внимания, впечатляющ. При этом ничто упомянутое выше отнюдь не отменяется! Дети и подростки, индейцы и подводники, студенты и хиппи, Лютер, Ганди и Гитлер, невротики и демонстранты, евреи и протестанты, феминистки и коммунисты и, как говорится, прочие и прочие. Заметим, что у Эриксона вовсе не наблюдался грех всеядности — были кругозор и универсальность при доминирующей проблематике (всепоглощающий интерес к человеческой идентичности в ее разнообразии).

За Эриксоном прочно закрепилась характеристика властителя умов университетской молодежи — качество редкое в профессорской среде. При этом следует учитывать, что пик преподавательской активности Эриксона падает на шестидесятые — семидесятые годы, с их неотъемлемым акцентом на год 1968, знаменовавший собой существенный сдвиг в молодежном самосознании (и в отношении к молодежи взрослого сообщества), если не смену парадигмы взросления современного человека. Через хиппизм, бунты, увлечение наркотиками и «свободным» сексом, через Битлз, Вудсток, Джанис Джоплин и Джимми

Хендрикса, через крайности негативизма молодежь прорывалась в новое пространство своего развития. Когда к концу семидесятых этот бурный поток молодежных страстей поуспокоился и был канализирован поумневшим обществом в виде молодежной субкультуры, моды и прочего, стало ясно, насколько глобальное потрясение пережило общество. На этом фоне сказанное об Эриксоне — фаворите студенчества — получает совершенно особое звучание, ничего общего не имеющее с образом милашки-профессора. Именно своей чувствительностью к истории дня, конкретной исторической психологии окружающих нас людей, с их сегодняшними страстями и интересами, умением озвучивать

спрямленные фрейдовские мантры фактологией и фразеологией свежих газет Эриксон пришелся по душе бунтующему студенчеству.

Последнее хотелось бы уточнить, чтобы у читателя не возникло упрощенное представление о том, как профессор Эриксон соединяет теорию и практику, историю и современность. То, что он делал, вовсе не было попыткой осовременить фрейдизм или, уж тем более, популяризировать свои научные взгляды. Осмысливая происходящее, Эриксон поступал как ученый, вводя в научный оборот, скажем, такой термин, как «историческая актуальность», обозначающий способность личности к максимальному соучастию в социокультурных процессах при минимальном ущербе для собственной личности и деятельности ее «защитных механизмов». Историческая актуальность преодолевает (и исключает) примитивистские представления о некой тотальной необходимости постоянной или эпизодической жертвенности людей (и людьми) во имя общественного прогресса «любой ценой». Ощущая мучительность поиска окружающей молодежью нравственных опор своей жизни, он творчески переработал знаменитый кантовский категорический императив («Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы другие относились к тебе»), превратив его в американской манере в «золотое правило поведения»: «Поступай по отношению к другому так, чтобы это могло придать новые силы другому и тебе». Естественно, что человек, который на таком уровне способен участвовать в бестолковщине выяснений отношений по оси «отцы» и «дети», заслуживает уважение и первых, и вторых.

Кстати, о современности. В терминах теории идентичности Эриксона весьма удобно и поучительно говорить о некоторых актуальных проблемах наших соотечественников. Когда серьезные аналитики, политологи и «колумнисты» (каждый второй из которых неудавшийся и переквалифицировавшийся психолог) пишут о кризисе ценностей целых поколений, о потере нравственных и прочих ориентиров для масс и отдельных личностей, то не лучше ли было бы назвать это кризисом идентичности, посетовать на то, что для множества людей эта идентичность замутнена и заменена смешением авторитетов, низвержение которых — за грехи подлинные и мнимые — приводит личность к саморазрушению. В терминах Эриксона можно было бы выразиться и круче и обсудить расползание в нашем обществе «массовой патологии идентичности». То есть неприятного психосоциального синдрома, который характеризуется наличием массовой неудовлетворенности людей, сопровождаемой чувствами тревоги, страха, изоляции,

опустошенности, утратой способности к эмоциональному общению с другими людьми. В предельных случаях патология идентичности провоцирует выбор в качестве единственного способа самоутверждения индивида и масс людей настойчивое стремление «стать ничем», самоубийственной логики «чем хуже — тем лучше».

ФОРМА ЛИЧНОСТИ И КОНФИГУРАЦИЯ ВОЗРАСТА

Проявляя на предшествующих страницах неутомимость в изложении различных подходов и точек зрения других авторов, автор данной книги вправе уделить немного времени тому, что было заявлено в начале этой главы как авторская позиция, или некоторые оригинальные идеи, рожденные полемикой с известными подходами. Читатель уже познакомился и имел возможность составить мнение об отличии взглядов автора на личность и онтогенез ее развития от классических образцов теории деятельности (А. Н. Леонтьева и др.). Теперь время высказать еще одну идею, тем более что она напрямую связана с только что изложенными взглядами Эрика Эриксона.

Впрочем, когда я впервые сформулировал для себя идею формы личности, я, к своему стыду, не знал ни Эрика Эриксона, ни его теории.

Однако, вне зависимости от этих биографических подробностей, для понимания моей авторской позиции особое значение имеет специально разработанное представление о форме личности как особом предмете изучения онтогенеза личности. Двигаясь в поле сокращающихся возможностей, обретая определенность (в процессе обособления), индивид фактически отказывается от всего богатства возможных путей своего развития и самоопределения во имя того единственного, который он реализует. Личностное развитие ассоциативно напоминает сравнение нервной системы с воронкой (Шеррингтон), обращенной широким открытым отверстием к миру и узким отверстием к действию. Мир вливается в человека через широкое отверстие воронки тысячью зовов, влечений, раздражений, ничтожная часть их осуществляется и как бы вытекает наружу через узкое отверстие. Оставшаяся, неосуществленная жизнь (мир возможностей) и составляет контур формы личности — тех определений, которые оказались присвоенными индивидом, составив реальное пространство его личностного развития.

В процессе формирования и самоопределения форма личности как бы сжимается,

оставляя индивиду все меньше возможностей для изменений. Уже в школьном детстве начинается обособление индивида как мыслящего существа, движение к субъективности мыслящего человека (субъективной всеобщности). В подростковом возрасте субъективность формируется как субъективно осознаваемое отношение — противоречие мечты и существования. Обособление достигает здесь особой силы — оно есть полный разлад индивида и мира, когда человек уже ушел от золотой поры детства, единства с бытием, но не обрел еще удовлетворяющей его формы деятельности как способности (способа) восстановить это единство. Подросток лишь на пути к переходу из лона семьи через школу к гражданской, общественной жизни.

Для того чтобы оформить этот переход, подросток должен стать юношей, т. е. искать себе удовлетворения в родовой жизни. Юноша окончательно отходит от чисто детской гармонии с миром и от простого подросткового противопоставления своих идеалов реальности; он начинает действовать во имя своих идеалов. Однако процесс реализации идеалов требует от него прямо обратного — отказа от идеи преобразования мира по меркам идеала, так как мир, в который входит юноша, уже сложился и требует для своего преобразования понимания механизмов, действуя через которые возможно хотя бы частичное его изменение. Признание этого обстоятельства равно требованию специализации, профессионального освоения выбранной деятельности. И тем самым обособление достигает своего апогея, ибо требует погружения в частности, как закономерного результата требования действовать в согласии с порядком и логикой вещей. Здесь и решается — вернется или не вернется человек к исходному тождеству с родом, к единству с миром: сделать это взрослому человеку, который, по понятию, есть доведенное до предела обособление индивида (до узкой специализации), несравненно труднее, нежели ребенку, ибо он (взрослый) перегружен предметным содержанием своей деятельности, которая позволяет вести практическую жизнь, но никак внешним образом (не говоря уже о внутреннем) не гармонизирована с родовой жизнью. Многие люди не выдерживают этого состояния и впадают в «ипохондрию». Такой ход развития личности наиболее естественен. Как мы видим, на стадии взрослого человека личность оборачивается по сути дела прогрессирующим обособлением, отдалением от родовой жизни. Это противоречие сущности и существования (в форме личности) у взрослого человека выражается уже как развитое противоречие субстанционально всеобщего и непосредственно единичного.

Человек может заниматься любой практической деятельностью, объем и род этих занятий может быть самым различным, однако как личность он может развивать предметное содержание своей деятельности в любом ее конкретном выражении, осуществлять свои личные страсти и интересы. Исполнение практических устремлений удовлетворяет его, если они объективно возможны в той сфере, к которой они принадлежат, — внешней необходимости или свободного выбора.

Здесь с очевидностью проступает то, что можно назвать проблемой цели превращения человека в личность. Изначально направление развития личности есть движение в сторону установления разрушенного обособлением единства индивида и рода. Однако каркас формы личности (прогрессирующая определенность индивида), особенно после перехода к чисто практической жизни, погружения в определенную предметную сферу, не дает это сделать; предметы занятий могут меняться в своих специфических особенностях, но в них есть место некоторому всеобщему правилу, закономерности. Признавая предметное содержание действительности в ее частностях, человек возвышается над предметом, лишь когда в этих частностях для него выступает нечто всеобщее. Когда же его собственная деятельность достигает соответствия со своим делом (скажем, человек оформляется как профессионал), человек становится способным преобразовывать предмет своей деятельности, внося в него и момент своей индивидуальности (новое). Тем самым человек, реализуясь в предмете, угасает в нем; исчезает и интерес к предмету деятельности — наступает предметная смерть. Дальнейшее движение в предметной деятельности есть в основном количественный рост, ибо он уже не переходит в новое качество вследствие притупления деятельности своего физического организма — телесность «берет реванш у духовности» — человек становится стариком.

Я далек от признания фатальности и предопределенности личностного развития индивида. Более того, у человека в принципе есть возможность самотрансцендирования, выхода за пределы конечной определенности (формы личности), и эта воз-

можность заключается в процессе индивидуализации, обретения индивидом всеобщих родовых определений в виде опережающего или вновь задаваемого образца.

Оформление личности в индивидуальность и реализация ее в предмете своей практической деятельности — есть разное. Объективной основой этого различия является реальное несовпадение всеобщей и совместно-разделенной деятельности. Это различие

носит конкретно-исторический характер.

Наконец, в старости ум и эмоции направлены в прошлое (мудрость). Однако мудрость эта уже есть «безжизненная» слитность субъективной деятельности с миром; она не знает противоположностей, так же как и детство. В этом смысле старость и есть возврат к детству — к «чистой личности»; жизненный круг замыкается — дух возвращается к самому себе. Лишь физический организм — неразумная телесность — продолжает по привычке свою деятельность, лишенную уже, однако, характера процесса, и «движется к абстрактному отрицанию живой единичности — к смерти» (Гегель).

Такова в общих чертах возрастная динамика жизни человека, выраженная в понятиях формирования и самоопределения личности. Развитие личности, как мы видим, характеризуется особым объектом (формой личности), особой системой разнонаправленных процессов формирования и самоопределения, обособления и восстановления изначальной целостности индивида и рода, сокращения возможностей развития и самоопределения личности. Форма данного процесса исторически изменчива, впрочем, как и его направленность и динамика. Последние во многом зависят от самоидентификации личности как представителя определенного поколения.

Глава четвертая

ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ВОЗРАСТНЫХ КОГОРТ И ПОКОЛЕНИЙ

Известно тысячелетней давности пророчество безымянного египетского жреца: «Дети не слушают своих родителей. Видимо, конец света уже недалек».

Однако недалеким был именно жрец: ему явно не хватало ни жизненного опыта, ни чувства юмора, чтобы понять — «на дворе» опять рецидив конфликта поколений.

Хотя демографы и утверждают, что женщины рожают достаточно равномерно, однако человеческое воспроизводство потомства совсем не похоже на ленту гигантского конвейера, по которому — подобно вагончикам детской железной дороги — медленно текут люльки с младенцами; время от времени воображаемый кондуктор кричит: «Кто из поколения борцов и освободителей — слазь! Следующая остановка — поколение восстановителей и индустриализаторов!»

Читатель и строгие коллеги простят мне иронический настрой: уж больно темная и неизведанная эта тема — поколения, чтобы, углубляясь в нее, немного не покуражиться.

Впрочем, есть основание резко сменить тон на серьезный и озабоченный. Уж очень безрадостна сегодняшняя российская ситуация: в отношениях «отцов» и «детей» ныне мы больше видим отталкивание, а оно, как известно, производит энергию: огульная критика рождает встречную агрессивную реакцию, безразличие порождает индифферентность и душевную глухоту, насилие рождает желание встречного применения силы. Но этот факт, как и предшествующая ему идиллическая картинка, — только преддверие к разговору, который грозит быть и долгим, и нелегким — и для автора, и для читателя, ибо еще не до конца осознаны те проблемы, которые рождены возрастными различиями групп населения.

Смена поколений подобна визиту к зубному врачу: знаешь, что это неизбежно, но всегда не готов. Существование явно выраженных механизмов общности (подростковое «мы») и разобщенности (разграничение с «ними», т.е. с «отцами») обостряет и без того непростой процесс смены поколений, замены старого новым. Но такая смена исторически закономерна, объективна. И требует к себе ответственного отношения.

Начнем с более легкого — области видимого и даже бросающегося в глаза: истории противостояния «отцов» и «детей», оговорив, на всякий случай, что вовсе не сводим к этому противостоянию проблему поколений и даже не обязательно видим здесь проявление этой

проблемы.

Исторический опыт свидетельствует: в том или ином масштабе конфликт между родителями и детьми закономерен, неизбежен. В борьбе двух начал выкристаллизовывается нечто новое, обеспечивающее процесс общественного роста. На острой грани двух временных срезов рождается новое пространство развития. И формируется то, что мы называем новым временем.

Кто-то подсчитал, что за прошедшую историю вида Homo Sapiens сменилось приблизительно 1600 поколений. Это означает, что чуть более 1600 «колен» отделяют каждого из нас от «условного предка», от первых собственно человеческих особей. «Так мало!» — может воскликнуть кто-нибудь, привыкший считать историю рода человеческого на миллионы лет. Мало ли, много ли — это вся наша История, другой у Человека просто нет. «Но позвольте, — можете вы сказать, — значит, в эти считанные 1600 поколений вместились все: и сотни тысяч лет первобытного состояния, и ледниковый период, и Египет, Греция, Рим, вся средневековая и новая история?! Да ведь какая это, однако, крупная единица измерения — одно поколение!»

Что верно, то верно. Иногда буквально за одно поколение Жизнь человеческой общности претерпевает колоссальные революционные преобразования, делает большие качественные скачки; бывает и обратное: период активной деятельности определенного поколения совпадает с полосой кризиса в общественном развитии, с регрессивными переменами, последствия которых бывают катастрофичны для судьбы личности, общности, нации.

КОГОРТЫ И ПОКОЛЕНИЯ

Под поколением обычно понимают интервал времени между средним возрастом родителей и их детей. С этой точки зрения в возрастной структуре общества выделяют ряд поколений, измеряемых определенным числом лет. Еще знаменитый древний грек Геродот — «отец истории» — говорил, что «триста человеческих поколений составляют десять тысяч лет, потому что три поколения образуют столетие». Исаак Ньютон писал, что египтяне и греки определяли средний интервал между рождением прадеда и рождением правнука в столетие. Это составляет три поколения в столетие или длину поколения в 33 1/3 г

года. Данный интервал обычно измеряется по женской линии (вычисление среднего возраста матери при рождении ребенка в определенном году), и в наши дни в России он составляет около 27 лет.

Иногда понятие поколения употребляется как синоним возрастной когорты, т. е. людей, родившихся в одном году. Например, говорят о поколении 1906 г., что, конечно, менее строго. Нельзя отождествлять понятия «поколение» и «возрастная когорта». Если когортой исследователи (главным образом демографы) обозначают людей, родившихся в одном году, то в поколение объединяются люди нескольких возрастных когорт (скажем, поколение Великой Отечественной войны включает и тех, кому в 1941 г. было 17 лет, и тех, кому было 25, 30 и т.д.). Поэтому «поколение» более общее понятие, чем «когорта». Вместе с тем сопоставление жизненного пути двух или нескольких когорт — так называемый когортный анализ — очень существенный метод современной психологии и социологии. В этой связи советский социолог и социальный психолог И. С. Кон отмечает: «Нельзя, например, сравнивать уровень развития современных старшеклассников и их сверстников 1940-х или 1930-х гг., не учитывая влияния акселерации. Выбор профессии зависит в числе других обстоятельств от соотношения количества молодых людей, оканчивающих в данном году среднюю школу, и количества рабочих мест и вузовских вакансий. В 1950 г. число заканчивающих среднюю школу и число принимаемых на дневное отделение вузов составляло 1:1, т.е. каждый десятиклассник мог рассчитывать на поступление в вуз. В 1970 г. это соотношение выглядело уже как 4:1, т. е. поступал в вуз только каждый четвертый. Это могло отразиться на жизненных планах и ценностных ориентациях соответствующих когорт». К этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас сделаем еще несколько замечаний относительно понятия «поколение».

Понятие «поколение» имеет фундаментальный характер для всей возрастной психологии. Как отмечал психолог Б. Г. Ананьев, «жизненный путь человека — это история формирования, развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения». Различия между поколениями и в то же время преемственность поколений — вот тот реальный механизм взаимосвязи между индивидуальным временем развития личности и социально-историческим контекстом развития. На разных этапах общественного процесса, в разное историческое время по-разному происходит и развитие личности в детстве, и ее дальнейшее становление в жизни.

Трудное детство и отрочество военных и послевоенных лет (Великой Отечественной войны) и мирное детство и отрочество наших современников — вещи разные!

На стыке поколений, как правило, возникает множество проблем — это прежде всего проблема «отцов и детей», проблема преемственности духовной, культурной и т. д. В этой связи И. С. Кон отмечает: «Преемственность поколений всегда селективна (избирательна): одни знания, нормы и ценности усваиваются и передаются следующим поколениям, другие, не соответствующие изменившимся условиям, отвергаются или трансформируются. Преемственность не совсем одинакова в разных сферах деятельности. В сфере потребительских ориентации, досуга, художественных вкусов и некоторых других установок расхождения между старшими и младшими, как правило, больше, чем в том, что касается главных социальных Ценностей (политические взгляды, мировоззрение). Это объясняется не только разницей в темпах обновления соответствующих сфер культуры, но также тем, что мода, досуг, развлечения наиболее тесно связаны с возрастом. Различия между поколениями (привычка к определенному, усвоенному в годы собственной юности стилю поведения, музыке, танцам и т.д.) Усугубляются возрастными: юношеская жажда новизны контрастирует с присущей зрелому возрасту ориентацией на стабильность».

Для поколений, как и для отдельных возрастов, принципиальна социальная обусловленность происходящих в них явлений. Так, американский психолог У. Бронфенбреннер (1976) отмечает, что проблема «отцов и детей» существенно различается в современных СССР и США: система ценностей у американских подростков резко отличается от той, что принята в «обществе взрослых», в СССР такого разрыва нет, общество подростков здесь в чем-то главном скорее разделяет требования взрослых, чем противоречит им.

Отметим, что судьба целых возрастных когорт непосредственно зависит от судьбы поколения.

Связь возрастов жизни с судьбой поколения была остро осознана и ярко выражена такими мастерами слова, как Эрнест Хемингуэй, Эрих Мария Ремарк, Ричард Олдингтон, которые создали образы молодежи, прошедшей мясорубку Первой мировой войны и получившей, по меткому выражению американской писательницы Гертруды Стайн, название «потерянного поколения». Фактически лишенные молодости, разрушенной бессмысленной бойней империалистической войны, герои книг о «потерянном поколении»,

несмотря на свой незначительный по хронологическим понятиям возраст, по своему психологическому складу относятся к возрасту зрелому. Это умудренные жизненным опытом люди, которые уже в 20 — 30 лет слишком много пережили и далеко ушли от невинных забав юности. Для целого поколения людей молодость как особый период была вычеркнута из жизни.

Другой пример связи возрастного самосознания с судьбами поколения мы находим в истории русской революционно-освободительной борьбы против самодержавия. Известно, что декабристы в юности и молодости прошли сквозь испытания Отечественной войны 1812 г., разделили с народом тяготы военной кампании. Вернувшись с победой на Родину, юные, но уже умудренные опытом, обладающие мировоззрением зрелых людей, они вступили на Сенатскую площадь как мужчины, а не как мальчики.

Обращаясь к не столь отдаленным историческим временам, мы можем отметить еще один пример такой связи возрастной когорты с судьбой поколения — так называемое «демографическое эхо войны». Суть этого явления в следующем.

Известно, что в период Великой Отечественной войны, в связи с массовым призывом в армию, испытаниями военного времени, у нас в стране резко сократилась рождаемость: родившихся в 1943—1946 гг. было почти вдвое меньше, чем родившихся в 1939—1942 гг. В середине 50-х гг. это сказалось на начальной школе (снижение числа учащихся), затем, в конце 50-х, — на средней восьмилетней школе. В начале же 60-х гг. вся школа, наоборот, переживала бум в связи с широким наплывом детей, родившихся после войны. При этом в нашем обществе, которое, как известно, является обществом равных возможностей и в котором любому человеку предоставляются все условия для развития, возникла парадоксальная ситуация: дети, родившиеся во время войны и сразу после ее окончания (1941 — 1946), в силу своей малочисленности оказались в ином положении, чем их более старшие и более младшие сверстники. Они учились в малочисленных классах, в которых, естественно, у учителя гораздо больше возможностей для индивидуальной работы с каждым учащимся в отдельности; они поступали в вузы в весьма благоприятных обстоятельствах, когда конкурс был относительно небольшим и найти место в вузе мог почти каждый выпускник школы, и т. д. Кстати, в этих условиях основным критерием оценки работы школы был фактор успешного поступления ее выпускников в вузы.

В середине 60-х гг. «демографическое эхо войны» коснулось судеб 17 —18-летних. Их проблемы имеют особое значение, ибо это возраст окончания школы, поисков призвания, принятия важных решений о выборе профессии. 17 —18-летние — это молодые люди, начинающие свою трудовую жизнь. Колебания их численности затрагивают сферу не только образования, но и производства. От их численности зависят трудовые ресурсы страны... Сокращение численности учащихся в связи со спадом рождаемости в годы войны привело к уменьшению отсева, повысило процент окончивших школу. Это должно было уменьшить конкурс в вузах и техникумах, т. е. увеличить процент поступивших в вузы из числа принятых в 1-й класс школы. С другой стороны, это резко уменьшило процент выпускников, которые должны были работать сразу после окончания школы, укрепило в них вузовскую ориентацию, основанную на наивной вере не только в свои силы, но и в то, что вузы способны поглотить всех окончивших среднюю школу. Этот психологический феномен, предшествовавший демографической волне, укреплял инерцию ценностных ориентации школы, порожденную в предвоенные годы, когда она в значительной мере была ориентирована на подготовку учащихся для вузов... В условиях, когда численность выпускников сокращалась, укреплялось мнение, что мы располагаем достаточными ресурсами для перехода к одиннадцати летнему обучению. И такой переход, осуществленный в 1966 г., в свою очередь, осложнил ситуацию, поскольку означал одновременный двойной выпуск десятых и одиннадцатых классов в 1966 г.

Эти выписки из книги социолога, доктора философских наук, лауреата Международной премии академий наук социалистических стран за выдающиеся исследования в области общественных наук В. Н. Шубкина (1979), обстоятельно проанализировавшего суть социально-демографических проблем, связанных с «демографическим эхом войны», позволяют нам пунктирно зафиксировать данное явление. И хотя оно интересно и само по себе как предмет рассмотрения и можно было бы подробно остановиться на тех проблемах, которые возникают перед определенными возрастными когортами (теми же детьми 1947—1949 гг. рождения, окончившими школу в 1966 г.) в связи с социально-демографическим положением общества, мы ограничимся фиксацией наиболее общего вывода: возрастные особенности людей и присущие различным возрастным этапам становления личности проблемы связаны с судьбой поколения, которая, в свою очередь, неотрывна от исторических судеб страны.

Итак, понятие «поколение» устанавливает ту неразрывную связь между историей общества и судьбой отдельного индивида, которая существенно влияет на образ индивидуальной жизни человека.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Уже сам факт сосуществования в одном общественном организме нескольких поколений людей предполагает наличие между ними (поколениями) определенных, в том числе и принципиальных, различий. А известно, что там, где есть различие, есть и противоречие. Одним из таких противоречий является пресловутая проблема «отцов и детей».

Пресловутая она в силу того, что к ней с завидным постоянством обращаются, стараясь сбросить с себя ее навязчивую якобы неразрешимость, представители разных времен и народов. Американский социолог Л. Фойер пишет: «История всех до сих пор существовавших обществ является историей борьбы между поколениями. Старые и молодые, отцы и дети, зрелые мастера и молодые подмастерья, взрослые работодатели и молодые чернорабочие, старые профессора и молодые студенты со времени первобытного отцеубийства соперничали между собой за господство в обществе. Эта борьба продолжается непрерывно, временами скрытно, временами открыто; она никогда не кончалась явным триумфом молодых, ибо к тому времени, когда они побеждали, они уже становились людьми средних лет».

Еще Гуссерль уверял, что «человечность вообще есть отвечающее сущности человека бытие в совокупностях, обусловленных связями внутри поколений и социальными связями».

Это высказывание разительно отличается от идей феноменологической школы равно как Шелера (который, будучи социологом, в своих антропологических занятиях тем не менее обходил вниманием социальные связи человека), так и Хайдеггера (напротив, считавшего эти связи первичными, но в то же время видевшего в них главное препятствие на пути человека к своему «Я»). Гуссерль говорит здесь, что сущность человека следует искать не в изолированных индивидах, ибо связь человеческой личности с ее поколением и ее обществом отвечает этой сущности; если мы хотим познать ее сущность, мы должны познать сущность этих связей. Этим как бы сказано, что индивидуалистическая

антропология либо видит человека лишь в состоянии изоляции, т. е. в состоянии, не отвечающем его сущности, либо рассматривает его в состоянии связи. В самих проявлениях этой связи она усматривает разрушение подлинной сущности и, таким образом, имеет в виду совсем не ту фундаментальную связь, о которой говорит Гуссерль.

До К. Маннгейма исследователи видели в факте смены поколений не более чем проявление некоего общего закона исторической ритмики, что было вполне в русле социал-дарвинистских и биологизаторских взглядов.

К. Маннгейм (1928) впервые попытался рассмотреть конкретные поколения в их «историко-социальном пространстве», как часть «ограниченного исторического периода времени»: подрастающее поколение имеет всегда иной жизненный опыт, чем старшие поколения, так как он приобретается в иное историческое время.

В пятидесятых — шестидесятых годах в Германии была популярна социологическая концепция Г. Шельского (1957). По мнению Г. Шельского, молодой рабочий и служащий (но не старшеклассник) являются основными фигурами, определяющими лицо поколения.

По Э. Эриксону (1996), становление новой идентичности описывается как «развивающаяся конфигурация, которая постепенно складывается в детстве путем последовательных „я“-синтезов и перекристаллизации. Это такая конфигурация, в которую последовательно интегрируются конституционная предрасположенность, особенности либидных потребностей, предпочитаемые способности, важные идентификации, действенные защитные механизмы, успешные сублимации и осуществляющиеся роли».

В начале семидесятых годов Б. Буххофер, Й. Фридрикс и I • Людтке (1970) предприняли первую после К. Маннгейма (1928) попытку ревизии понятия «поколение», конкретизируя

Личность в системе возрастных когорт и поколений его посредством операциональных критериев. Отталикиваясь от модели К. Мангейма, они пришли к выводу, что для установления связи между возрастом и поколением, поколением и поколением, поколением и социальными преобразованиями возраст является комплексным критерием социальной структуры развитого индустриального общества; существует высокая степень корреляции между переменными возраста и социологическими переменными, таким образом возраст и возрастные различия могут стать ценными показателями для прогнозирования социального

поведения.

Нельзя не согласиться с К. Маннгеймом, когда он замечает, что «феномен поколений является одним из главных факторов, способствующих зарождению динамики исторического развития» в области культуры. Безусловно, прав был весьма популярный на Западе испанский философ Хосе Ортега-и-Гасет, 'который утверждал, что «поколение было основным понятием истории». Однако уже на втором шаге — и в этом принципиальная общность позиции — констатация наличия феномена поколений оборачивается утверждением их неодолимой враждебности. Тот же Хосе Ортега-и-Гасет в свое время выдвинул концепцию «поколенческого метода», рассматривая историю общества как результат борьбы поколений, сменяющих друг друга у руля управления социальной системой.

Не менее известный философ и социолог О. Ранк утверждает, что «социальный прогресс базируется в основном на противоположности между двумя поколениями». Здесь налицо попытка представить конфликт поколений как центральный в современном обществе, корнящийся в биологической природе человека. Эта идея, безусловно, монтируется с ключевыми положениями классического психоанализа и его современными модификациями. З. Фрейд писал: «...то, что началось в отношении отца, нашло завершение в отношении к группе». Неофрейдист Г. Маркузе продолжает эту мысль: «В эдиповой ситуации не личности, а поколения (соединенные генетически) стояли друг против друга... Через борьбу с отцом и матерью, как личностными целями любви и агрессии, более молодое поколение вступало в жизнь».

Впрочем, довольно цитировать. Будем разбираться. В чем правы названные теоретики? В одном: противоречия между поколениями — реальный мотив человеческой истории. Причем, добавили бы мы, противоречия эти особенно обостряются в периоды социальных кризисов, в моменты крушения «незыблемых» общественных идеалов. Все это так. Но будем последовательны: противоречия между поколениями наличествуют

одновременно как момент их преемственности. Одно без другого просто не существует. Иначе история, культура предстали бы как нескончаемая цепь деградации человеческого рода. Устанавливая новое, мы вынуждены отказываться от старого, понимая — отрицать, а положив чему-то предел — принимать эстафету, выводя старые дела на новый виток.

В свое время Гегель писал: «Старшее поколение, конечно, возлагает надежды на юношество, ибо оно должно продолжать строить мир и двигать науку. Но эти надежды возлагаются на юношество постольку, поскольку оно не остается таковым, каково оно есть, а возьмет на себя тяжелый труд духа» («дух» в терминологии Гегеля в целом соответствует нашему понятию «человек»). Развитие человеческой истории, материальной и духовной культуры, поступательное развитие общества, прогресс человеческого духа они, вышеназванные теоретики, поставили в зависимость от роста производительных сил общества, заметив, что производительные силы находятся в руках последующих, вступающих в жизнь поколений. Они утверждали, что сами личные отношения есть отношения индивидов, находящихся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, а не каких-то абстрактных индивидов. Отсюда следует, что развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении, и что различные поколения индивидов, вступающих в отношения друг с другом, связаны между собой, физическое существование позднейших поколений определяется их предшественниками, а эти позднейшие поколения наследуют накопленные предшествующими поколениями производительные силы и формы общения, что определяет их собственные взаимоотношения. Словом, мы видим, что происходит развитие и что история отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а определяется ею. Каждое поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности. Другими словами, поколение не может существовать иначе, как исходя из результатов деятельности своего предшественника. Используя их, оно продолжает его Деятельность. Но это продолжение есть в то же время обогащение предшествующей деятельности новыми результатами, новыми элементами, новыми формами, т. е. ее изменение, а значит, и усложнение. Осуществляется то, что советский философ ф. Т. Михайлов удачно назвал «способом наследования (воспроизведения в новых поколениях) именно человеческой] образа (или вида) жизнедеятельности».

Об этом же прекрасно писал Гегель в своих лекциях по истории философии: «Созданное каждым поколением в области науки и духовной деятельности есть

наследие, рост которого] является результатом сближения всех предшествующих поколений, святилище, в котором все человеческие поколения благодарно и радостно поместили бы все то, что им помогло пройти жизненный путь, что они обрели в глубинах природы и духа] Это наследование есть одновременно и получение наследства, вступление во владение этим наследством. Оно является душой каждого последующего поколения, его духовной субстанцией] ставшей чем-то привычным, его принципами, предрассудками богатствами; и вместе с тем это полученное наследство низводится получившим его поколением на степень подлежащего материала, видоизменяемого духом. Полученное, таким образом, изменяется, и обработанный материал именно потому, что он подвергается обработке, обогащается и вместе с тем сохраняется».

Таким образом, смена поколений есть прежде всего процесс обеспечения преемственности развития человеческого рода период его качественного обновления, становления нового типа деятельности людей в области производства и культуры.

Вообще-то, само деление общества на «воспитателей» «воспитуемых» порочно. Сама диспозиция, при которой одни знают, «как надо», а вся их задача состоит в том, чтобы обучить этому непосвященных, грубо вульгаризирует сложный и двусторонний процесс общественного воспитания подрастающего поколения. Блестящий парадокс английского поэта-романтика У. Вордсворта «Ребенок — отец мужчины» отнюдь не сводится к тому банальному смыслу, что, дескать, только став отцом мужчина становится «настоящим мужчиной». Суть на порядок сложнее: отношение «родители — дети» есть отношение взаимное, и ровно настолько, насколько родители вкладывают душу в ребенка, в той же мере и он одухотворяет их. По сути дела то, что мы привыкли называть воспитанием и пониманием как односторонне направленное действие, есть взаимодействие, совместная деятельность по изменению обстоятельств жизни и, как следствие, личностей, в этих обстоятельствах живущих и эти обстоятельства преобразующих.

Проблема «отцов и детей» является необходимым элементом картины мира. Можно даже сказать, что если бы ее не было, то следовало бы выдумать, т. е. если бы она не заявляла о себе фактами действительности, то эти факты следовало бы получить чисто теоретически.

Итак, смена поколений есть процесс осуществления преемственности в развитии человеческого рода, проявляющейся как различия между «отцами» и «детьми». Содержание

этого процесса — совместно-разделенная деятельность взрослых и детей по изменению условий жизни. В наше время, когда подготовка к жизни подрастающего поколения во многом отделена от реальной жизни, «дети» овладевают общественным опытом как некоторой данностью, суммой умений и навыков, при этом ничего не меняя в содержании знаний и практических умений. Прерогатива изменять содержание общественной деятельности в любом ее виде принадлежит взрослым, которые, особенно с возрастом, как правило, теряют вкус к преобразованиям, тяготеют к стабильности, привычным формам сознания и поведения. Из конфликтного по сути своей противостояния этих позиций: с одной стороны, искусственно отделенных от участия в активной социальной жизни представителей молодого поколения, несущих в себе жажду нового, жажду перемен, субъектом которых они являются, и, с другой, старшее поколение, несущее основной груз социальной ответственности и все напряжение деятельности, но уже лишенное острого ощущения динамизма жизни, необходимости постоянного обновления всех ее сторон. Такая диалектика взаимоотношений поколений являет собой вполне объективную основу для взаимного непонимания двух возрастных слоев общества, а в определенных условиях и для их открытой вражды. Как мы видим, противоречия между поколениями носят вполне рациональный характер, в них нет ничего «рокового», и они не нуждаются в изощренных гипотезах, вроде апелляции к доисторическому отцеубийству. Все гораздо проще и жизненнее.

В свое время сенатор Р. Кеннеди, потрясенный студенческими выступлениями молодежи США в конце 60-х гг., говорил: «Ров, существующий всегда между поколениями, в настоящее время углубился, мосты, переброшенные между поколениями, рушатся, мы чувствуем вокруг нас пугающую враждебность самых лучших и самых замечательных представителей нашей молодежи». Сенатор, безусловно, верил в концепцию конфликта поколений, но, будучи реальным политиком, был прежде всего заинтересован в объяснении конкретных процессов современной ему Америки. Бурные молодежные волнения и бунты в совокупности с пессимистической теорией давали мрачный прогноз.

Правда, до недавнего времени проблема «отцов и детей» у нас ассоциировалась разве что с одноименным романом И. С. Тургенева. Сегодня становится ясным, что проблеме этой тесно в интерьерах помещичьей усадьбы середины прошлого века: она приобретает во многом новое и порой неожиданное звучание.

До сих пор проблему «отцов и детей» мы рассматривали с, известной степенью обобщенности, необходимой как первый! шаг осознания проблемы. Однако наши цели ничего общего не имеют с фиксацией факта существования абстрактной проблемы. Для нас «отцы» и «дети» не абстракция, а конкретные люди, вовлеченные в процесс общественной жизни. Они являются теми главными действующими лицами нашего общественного воспитания, взаимодействие которых определяет если не все, то очень многое в складывающемся характере подрастающего поколения. Пора нам сделать «первую прикидку» и постараться дать первичные портреты современных «детей» и «отцов», чтобы перевести разговор в русло собственно психолого-педагогического рассмотрения. Вообще логика «хуже — лучше» — логика слабая, чреватая произволом позиции наблюдателя, позволяющая «послушному сознанию» оценивать действительность с точки зрения не критического самооправдания: что бы ни было, а мы всегда лучше. Если бы эта логика восторжествовала в общественном сознании, то нам бы ничего другого не оставалось, как признавать всю человеческую историю сплошной линией регресса. Доводя такой подход до карикатуры, до абсурда, мастер парадокса, английский писатель Г. Кит Честертон с неподражаемой иронией демонстрирует, во что превратилась бы в нашем сознании история человечества, если бы мы приняли позицию старческого брюзжания: «Помадки и коктейли современной девицы — протест против Прав Женщины, против стоячих воротничков и насильственной трезвости, которые, в свою очередь, не что иное, как протест против альбома с цитатами из Байрона и томных вальсов викторианской леди, восстающей против матери-пуританки, для которой вальс был дикой оргией, а Байрон — большевиком. Загляните, однако, за плечи упомянутой матери, и вы увидите ненавистную ей распушенность эпохи кавалеров, которая бросала вызов католическому укладу, сложившемуся как протест против уклада античного. Только сумасшедший может назвать все это прогрессом». К счастью, как уже было сказано на этих страницах, мы не «исповедуем» такую логику и не считаем конфликт поколений универсальным двигателем истории, иначе нам пришлось бы держать ответ за каждый пункт высмеянной Честертоном обывательской точки зрения на историю и смену поколений. То, что молодежь многое не устраивает в жизни предшествующих поколений, — очевидный факт, но из него никак не следует, что смысл деятельности каждого нового поколения состоит в поднятии бунта против сложившегося уклада жизни. Основным смыслом смены поколений и значение

проблемы «отцов и детей» состоит в обеспечении преемственности исторического развития человеческой общности. Но диалектика не позволяет нам опускаться до уровня обыденного сознания и понимать преемственность как простое повторение пройденного. Смена поколений — диалектическое единство и борьба различных возрастных слоев общества. Лично мне импонирует точка зрения кинорежиссера Ролана Быкова, который в одном из своих интервью, посвященном проблеме воспитания, сказал: «Вопрос этот всегда острый, всегда своеобразный. Каждое поколение по-своему уточняет его, и для каждого поколения не пропадает злободневность конфликта между детьми и родителями... Он (этот конфликт. — *А. Т.*) не только неизбежен, но и закономерен. Дети хотят поступать по-своему, родители желают, чтобы они действовали соответственно их понятиям о правильности поступков. Где же выход? Где золотая середина? Ее не существует в принципе! Она может быть лишь фактом, результатом борьбы. Борьба есть, была и будет. И должны дети не слушаться, и обязаны родители запрещать, признаем мы это или не признаем, и должны дети отстаивать свою точку зрения, и должны родители всерьез в иных вещах побеждать».

Итак, если суммировать все сказанное, необходимо сделать вывод об объективной природе проблемы «отцов и детей», которая, не вступая в противоречие (как это представляют буржуазные теоретики) с классовой природой общественно-исторического движения, существенно влияет на характер протекания и некоторые фундаментальные составные части социального и исторического прогресса. В классической диалектике есть понятие «переход в свое другое» (Гегель), фиксирующее, в частности, закономерности перемен, происходящих внутри одного форма-ционного единства, те изменения, которые происходят в характере общественной жизни на каждом новом витке ее развития.

ПОНЯТИЕ И ГЕНЕЗИС ПОКОЛЕНИЙ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА

Нынешнее поколение не хуже и не лучше предшествующих. Оно — другое. «Свое другое». Другое — при несомненной верности ключевым идеалам социализма и принципам нашего общественного строя. За этим поколением наше будущее — завтрашний день нашего развития. Поэтому принципиально важно, и прежде всего с точки зрения общественного воспитания, уже сегодня попытаться взглянуть в лица тех, кто идет нам на смену, кому мы должны передать эстафету нашего общего дела.

Исходя из классических философских, социологических и социально-психологических работ XX века по проблеме поколений (К. Mannheim, 1952; Т. Parsons, 1952; К. Levin, 1936; J. Ortega y Gasset, 1947; L. S. Feuer, 1969; S. Eisenstadt, 1956; G. Mendel, 1969, и др.), можно зафиксировать два признака выделения поколения: во-первых, то, что оно есть «особый вид одинакового размещения людей, близких по году рождения в историческо-социальном пространстве» (К. Mannheim, 1952), и, во-вторых, то обстоятельство, что поколения «возникают и существуют при совершенно специфических социальных условиях» (S. Eisenstadt, 1956).

Если первое положение вполне может быть отнесено к разряду очевидных, то формула «совершенно специфические социальные условия», примененная к проблеме поколений, явно требует разъяснений.

Начнем с вопроса — почему вообще возникают поколения?

Поколение — это всегда некая общность. Чтобы подойти к поколению именно как к общности, необходимо ответить на вопрос: что создает эту общность? Если это просто мерные порции населения близкого половозрастного (психофизиологического) развития — соседние возрастные когорты, то их социальное самоопределение будет связано с этапами общечеловеческого развития, и мы получим в результате хотя и емкие, но все же не исчерпывающие сути дела метафоры типа: поколение «Великой французской революции» или «поколение шестидесятников», «поколение перестройки» и т.п.

Но само понятие о поколении при этом окажется вообще не определенным: в разных эпохах, макроэпохах, при принципиально разных способах воспроизводства условий духовной и материальной жизни человека поколения отличаются друг от друга еще более разительно, оставаясь именно особыми общностями близких по возрастному психофизиологическому развитию людей. Остается нерешенным вопрос: объединяют ли их в эту общность только возрастные особенности или же сами эти особенности претерпевают сущностные изменения в зависимости как раз от социально-исторических условий включения близких по возрасту людей в поколенческую общность? Верным будет второй вариант ответа.

Например, в традиционном обществе (работы R. Benedict, 1934; M. Mead, 1950; C. Levi-Strauss, 1958, etc.) даже половозрастное различие у детей младшего возраста вообще не определяется. В младенчестве девочка и мальчик здесь «не имеют своего особого

лица», а в некоторых случаях и разных наименований в языке (несмотря на очевидный первичный половой признак), да и дети до четырех-пяти лет есть «просто дети», служащие скорее существенным ритуальным символом общественной роли сообщества взрослых женщин-матерей, чем выделенной, пусть и самым естественным способом — возрастом, частью общества. Как будет обосновано ниже, и представителей других, более зрелых возрастов еще нельзя определить как поколения традиционного общества. Возрастная когорта по своему положению и родоплеменной функции вырастает в культуре ритуала и определена им. Неукоснительное соблюдение правил жизни сообществом родовой общины тем самым превращает половозрастные, возрастные, психофизические особенности возраста в ритуальную маску — в общезначимый знак той роли, которую должны выполнять или могут выполнять люди данного возраста и пола в строгих рамках и правилах сохранения и воспроизведения ритуала совместно-разделенной жизнедеятельности. Возрастная когорта здесь — не что иное, как общая роль, играемая составляющими ее людьми в соответствии с коллективным представлением рода (Е. Durkheim, 1912) об общем сценарии и режиссуре одной и той же пьесы, сотнями лет исполняемой сменяющимися друг друга «премьерами» и «статистами». Они играют не себя, а роли в этой «постановке»: маленькие дети — одну, мальчики и девочки постарше — ритуально иную по отношению к маленьким детям, тем более — к юношам и девушкам перед обрядом инициации; взрослые женщины РІ ВОИНЫ — совсем другую, не говоря уже о старейшинах, колдунах и т. п.

В каждой такой общности возрастные особенности и кровно-родственные связи, как и сами отношения между индивидами (как и отношения самих этих общностей), определены родовым, веками сложившимся, тщательно и бережно воспроизводимым ритуалом.

Не вдаваясь далее в весьма специальный вопрос о природе ритуала и традиционного общества, отметим, что в разные культурно-исторические эпохи возникают вполне объяснимые «сдвиги» и в возрастном характере индивидуального развития (например, возрастные особенности в разных культурах сильно сдвинуты и даже совершенно различны, в том числе и по длительности периода детства — Д. Б. Эльконин, 1978). Однако, если возрастные особенности в различных культурах отличаются друг от друга, то вопрос тогда следует поставить иначе: что же можно назвать не просто

возрастной когортой, а некоей/социальной общностью — поколением? Что же определяет ее/если так можно сказать, изнутри?

Прежде всего следует заметить, что поколение как общность возникает достаточно поздно. О родовых общинах речь шла выше. Но и в традиционных обществах более развитого типа возрастные группы еще не определяют себя в качестве некоторой особой социально значимой общности. И это не только в азиатских деспотиях с характерным для них особым типом процесса разложения родовых и племенных общин, отличным от антично-европейского, но и вообще — при формировании земледельческих и скотоводческих народов, сохраняющих в своем мифологически осознаваемом и осуществляемом бытии традиционный уклад жизни. Их место и роль в общественных отношениях предопределены кастовым расслоением первоначальных родо-племенных общин, клановой и кастовой иерархией господства и подчинения. В каждом клане, в каждой касте — свои традиционно закрепленные функции у различных возрастов, представители которых не образуют социально значимую общность, хотя и объединяются в разных формах деятельности (в играх, в помощи взрослым и т.п.) на основе хранящей и воспроизводящей свои традиции возрастной субкультуры (М. Mead, 1950).

Поэтому здесь я оставляю до специального рассмотрения в других работах интереснейшую и не простую проблему возрастной периодизации и возрастной субкультуры в античности, заметив лишь, что даже в эллинистической культуре сохраняются традиционные место и роль людей разного возраста в общих усилиях воспроизводства социума, не выдвигающие проблем их объединения в социально значимую общность. То же положение сохраняется и в феодальном сословном обществе вплоть до позднего средневековья и эпохи ранних буржуазных революций. До этого времени придется оставить и возрастную периодизацию, и проблему социального самоопределения возрастных когорт — прежде всего потому, что появление объективной возможности реального самоопределения поколений как социально значимой общности связано с однозначно установленным рубежом в истории разрушения сословия как общности. Но прежде чем выделить интересующий нас рубеж разрушения сословий, следует обратить внимание на историческую природу самих сословий. Они возникают в человеческой истории отнюдь не из-за разделения людей «по происхождению» или даже

по роду деятельности. Иначе говоря, не потому, что феодалы образуют свои кланы от своего предка или предков, и не

потому, что крестьяне пахут землю, а горожане занимаются ремеслом, торговлей, церковники же отправляют культы и т. д. (хотя, как мы знаем, и кланы, и отдельные дворянские роды при всей их внутренней междоусобице образуют одно сословие, а крестьяне, горожане, священнослужители — другие).

Самоопределение сословия как социальной, экономической и культурной общности имеет свою историю — историю социально-государственного и правового закрепления прав наследования большими группами людей того места, которое занимают вид и способ их деятельности в общей структуре общественных отношений, с помощью которой идет непрерывный процесс восстановления целостности социума и, соответственно, характера разделения труда и собственности. Но осуществляется это закрепление прежде всего властной организацией зависимости одних групп от других, а следовательно, через систему личной зависимости. Не сословия порождают личностную зависимость, а личностная зависимость порождает сословия. И начался этот процесс еще в глубокой древности.

При развитии торговли и насильственных (военных) средств обеспечения расширенного воспроизводства земледелия, скотоводства и ремесла возникают крупные земледельческие народы, а на пересечении торговых путей Средиземноморья и на Ближнем Востоке, в Малой Азии и на греческом архипелаге тоже шло бурное разрушение того, что мы называем ритуальным обществом. В мировом масштабе возникает общество мифологическое, общество народов (а не родов). И именно в этом процессе, протекающем стремительно (по историческим масштабам), возникает иная зависимость, которая опосредована военной властью клановых субъектов крупного землевладения, с одной стороны, а с другой стороны — властью «постоянно временных» владельцев государственного аппарата — клана чиновников. Пока шел процесс разрушения родовой общины, слияния этих двух видов власти еще не было, и поэтому мы имеем право на такое их различие.

Это слияние начиналось, постоянно прерываясь и не доходя до завершения, и при крахе некоторых нестойких азиатских деспотий (а вместе с ним и кастового строя), где аппарат имперского управления от имени и по повелению символа единства земли — императора или иного деспота брал верх над всей иерархией собственников; и при

разрушении североевропейских (германских и др.) родов в борьбе с имперским Римом, захлебнувшимся в море раздоров и смут, не последней причиной которых было им же порожденное всевластие (на местах) чиновников; и при гибели самой Римской империи. В то же самое время в Европе на фоне мощных социальных сдвигов при «переселении народов» — их межконтинентальной миграции и варварских завоеваний — завершается слом тех немногих еще родовых отношений, ритуально-традиционные формы и мифологическое сознание которых в большей мере определяли личностную взаимозависимость (связь), чем личную зависимость от власти других, ни кровью, ни возрастом, ни хозяйством между собой прямо никак не связанных. Но окончательное социальное оформление единства властных функций владельцев земли и владельцев аппарата принуждения и насилия осуществляется в феодальной иерархии личных зависимостей.

Именно в феодальной властной структуре каждый вид деятельности начинает формировать себя не по своей специфике в системе общественного разделения труда, тем более — не по ритуалу или традиции, а по отношению к власти (Ф. Т. Михайлов).

Речь идет о самоопределении тех, кто попадал с рождения не только в общность, прикрепленную к тому или иному виду деятельности (результат общественного разделения труда), но и в личную зависимость от субъектов иерархизированных властных отношений. Иными словами, их судьба определялась не только тем, чем они заняты — сельским хозяйством или ремеслом, торговлей или управлением собственностью (прежде всего на землю и людей), войной или «пастырским служением» церкви, — но и отношением к власти: местом в иерархии личной зависимости всех от властных прав собственников земли. Иерархия этих прав и определяла теперь положение групп и индивидов в общественных связях и отношениях. Тогда и оформились общности сословного типа и, наконец, сами сословия. Сословие — это общность людей, объединенных местом и ролью в социальной иерархии их личной зависимости от власти собственников земли.

С развитием городского ремесла и межгосударственной торговли укрепляется социальная роль «третьего сословия», для субъектов которого личная зависимость от власти собственников земли подобна кандалам раба на галерах. Их объективные потребности и интересы, их претензии на ведущую социальную роль исторически перспективны и

обоснованы необходимостью: а) расширенного воспроизводства товарной массы, б) развития свободного рынка, в) осознания ведущими общественными группами суверенности индивидуальных прав на личную независимость от власти кланово-сословных собственников на землю, а вместе с ней — и на представительство высшей, а именно божественной справедливости — Божьего суда.

Тем самым третье сословие изнутри (в недрах своего сословного самоопределения) разрушает само основание сословной организации феодального социума. Вот здесь тот исторический рубеж, с которого, по моему мнению, и начинается становление и история поколений как особых социальных общностей.

Реформация, крестьянские войны и ранние буржуазные революции обрушили сваи, на которых было построено здание феодального социума, определявшего главные социальные общности людей иерархией личной зависимости. При этом земельная собственность, сохраняя себя как источник любого капитала, должна, казалось бы, сохранять и опосредование отношений общественных групп друг к другу через их отношение к земле. Тем самым сохранять и основание для их личной зависимости от владельцев земли, хотя бы в редуцированной, превращенной форме. В ряде случаев так и произошло. А именно там, где капитал не смог по тем или иным историческим причинам подчинить себе и «переварить» на своем основании земельную собственность — особенно государственную собственность на землю. Например, в России советского периода. Потому, кстати сказать, поколенческие общности «страны Советов» оказались столь размытыми, раздробленными и социально не оформленными. Но хотя при самовоспроизводстве капитала в промышленном и рыночном способе расширенного воссоздания общественного богатства земельная собственность не только сохранилась (правда, прежде всего в форме капитала), но и продолжала быть источником любого иного капитала, личная зависимость от ее владельцев исчезла окончательно.

Изменилась социальная структура воспроизводства самих человеческих отношений. Если до сих пор она строилась в рамках и по логике традиций, по характеру деятельности и сословным самоопределениям социальных групп, то при капитализме каждый человек принципиально может стать собственником капитала в любой его форме и образовывать вместе с другими новые социальные общности.

Как только рухнула личная зависимость, то оказалось, что человек вступает в

отношения с другим через общение, причем через такие его формы, в которых его оценивают не как представителя сословия, а как представителя определенного социального возраста. Этот возраст уже не определен строго психофизическим состоянием. Это возраст, в котором человек в социальной системе приобретает некоторые черты и качества, способности и потребности, необходимые для воспроизводства всей целостности данной системы.

Одновременно меняется вся педагогическая система, от культуры воспитания общество переходит к культуре образования; это и гимназия, и различного рода церковно-приходские школы (по-разному в разных странах), и различные профессиональные школы и т. д. Гимназия была прямо направлена на подготовку к университету — это еще сословное начало, и оно быстро разрушалось. Оказывается, можно было окончить гимназию и не поступать в университет, уходить, например, в торговлю или политическую (ту же революционную) деятельность и т. д.

Как только произошли эти перемены, оказалось, что возрастные границы достаточно неопределенны (прежде всего в детстве). В какой-то момент дети включались в социум образовательный, в социум подготовки к жизни — не жизни, а подготовки к жизни, — и тем самым они определяли себя уже по отношению к своему будущему, к своему прошлому, родителям, близким взрослым и т. д. И оказывалось, что домашние дети дошкольного возраста — это не поколение, это дети дошкольного возраста. Здесь действует возраст, но как только они попадают в систему социализации — они оказываются в системе, в которой возникает некая особая, социально оформленная и закрепленная общность.

Если в старых школах были сословные общности (даже тогда, когда они смешивались, все равно они друг от друга обособлялись), то в новых исторических условиях оказалось, что большую роль играют возрастные общности, что различия близких возрастов стерты. Здесь объединение людей, близких по возрасту, по отношению к тому, какое значение эта их близость, социально оформленная либо системой образования, либо другими системами социума (именно техногенного социума), имеет значение для отделения их от других, — как от тех, кому они себя предъявляют, в ком они нуждаются, так и от тех кто им себя предъявляет, кто в них нуждается. Только здесь появляется понятие поколения.

Таким образом, встреча и взаимодействие возрастных когорт происходят в социально

организованных формах трансляции культуры того или иного вида деятельности. Разделение деятельности по их предмету, способам и средствам, происходящее в более широких рамках общественного разделения труда, дополняется дифференциацией внутрипрофессиональных специализаций, к каждой из которых надо готовить подрастающие поколения.

Здесь уже смело можно употреблять это слово, этот термин. Ведь объединение представителей возрастных когорт в социально оформленные общности воспитанников семьи и дошкольных детских учреждений, начальных классов, а затем — неполной и полной средней общеобразовательной школы (что не только соответствует возрастным периодам индивидуального развития, но в значительной мере и определяет таковое) представляет теперь тот или иной «возраст» в качестве особой социальной группы поколения. Детей, подростков, юношей и девушек, «молодых людей», людей среднего возраста, пожилых и стариков мы практически отличаем друг от друга не столько по году рождения, сколько по социальной значимости (роли) их общности в структуре и динамике общественных отношений.

Исключения лишь подтверждают правила и в этом случае. Социальная дифференциация общества в целом и соответствующая ей социальная селекция среди представителей подрастающих поколений (разные по профилю и целям дошкольные учреждения, общеобразовательные, по уровню воспитания или обучения, профессиональные и вспомогательные школы и т.п.) создают внутри поколений своеобразные различия субкультур, чаще всего делающие затруднительным объединение их представителей (даже одного возраста) под одним именем. И все же именно социальное самоопределение возрастных когорт (особенно в периоды социальных потрясений) объединяет их представителей пусть в «разношерстную», неоднородную, не имеющую четких профессиональных и иных границ, но социально значимую общность — в поколение.

В годы стагнации социальных форм общественной жизни внутрипоколенческие различия могут оказаться роковыми для любой попытки объединения одновозрастных и близких по возрасту людей в одно поколение. Тогда приходится говорить о поколениях разных классов (поколение рабочего класса, например), профессиональных групп (поколение, скажем, актеров, художников, ученых) и т.п.

Исследователи, пытающиеся совместить возраст с функцией и с видом деятельности, не учитывают определенные отношения внутри общности людей, спаянных своим противостоянием другим общностям. И хотя они носят возрастной характер, это прежде всего отношения, определяемые тем, что сближает этих людей в их приятии или неприятии других групп. Таким образом нам удалось проследить совпадение исторических самоопределений и рефлексивно-теоретических определений личности и поколения. О его неслучайности и шла речь выше.

Глава пятая

ЛИЧНОСТЬ И ПОКОЛЕНИЕ ПЕРЕД ЛИЦОМ КАТАСТРОФЫ

Заявленная в заголовке тема безусловно нужна и важна при анализе проблематики личности, особенно если мы эту проблематику рассматриваем в исторической динамике поколений. Однако мне трудно скрыть — да и нужно ли? — что в данной главе будет изложено вполне самостоятельное исследование, проведенное под моим руководством целым исследовательским коллективом в рамках Федеральной комплексной программы «Дети Чернобыля» в 1993 — 1994 гг.¹ Правда, самое важное здесь иное: уже после формального завершения исследования мы попытались пропустить его результаты через призму когортного анализа, что в первом приближении должно было означать отказ от использования при анализе данных тех или иных возрастных интервалов, а выделение в качестве единицы исследования возрастной когорты (людей одного года рождения). Тем самым не только нарушалась традиция рассмотрения при социально-демографическом анализе произвольно выделяемых групп когорт (например, 30 — 39 лет, 40 — 49 лет и др.). При этом предметом поиска были возрастные сгустки (предположительно — поколенческие структуры), образующиеся в местах тождества (или поблизости) соседних возрастных когорт. Более подробно этот аспект исследования, его логику и использованные процедуры мы изложим ближе к концу главы, а прежде представим результаты наших чернобыльских исследований.

Задумывая программу исследования, мы исходили из того, что в середине восьмидесятых годов в СССР произошло два события, которые имели одинаковую силу воздействия на общество. М.С.Горбачев объявил курс на «перестройку», а в Чернобыле произошла авария на АЭС.

Сходство этих двух событий, случившихся практически одновременно, определяется в основном их глобальностью, а характер последствий соответствует силе их значимости. Как всякое масштабное событие, «перестройка» и «авария» имеют первичные и вторичные следствия. Первичные следствия наглядны и всем известны. Вторичные же более скрыты, протекают медленнее, но не менее значимы. Вторичные следствия касаются перемен

¹ В исследовании принял участие большой коллектив сотрудников Федерального института социологии образования (Е. Филипповская, М.Кузнецова, Е. Файпштейн, В. А. Пономарчук и др.) и Фонда «Общественное мнение» (Е. Петренко, А. Петрова, А. Ослов, Е. Галицкая, Л. Блехер). Особая моя признательность Анне Севсрияновне Петровой за любезное разрешение опубликовать в этой книге некоторые тексты, принадлежащие ей как автору.

жизненных ориентации людей, их взглядов на жизнь, труд, семью, здоровье и многое другое, что составляет мировоззрение человека и определяет его цели, планы, поступки, успешность адаптации к новым, быстро меняющимся обстоятельствам, условиям. Американским ученым Р. Митчеллом выделено два типа экологических проблем. Проблемы первого типа характеризуются пространственной и/или видовой «пропиской», локальны. Их причины достаточно очевидны для человека, а последствия явны, проявляются немедленно и, зачастую раздражая человека, не влияют отрицательно на его здоровье. Проблемы второго типа не столь конкретны, их причины, как правило, латентны, трудно определяемы, следствия этих проблем могут проявиться не сразу, а лишь через некоторое время и иметь резко негативные последствия для человека. В полной мере это же можно сказать о политических событиях, которые бывают рядовыми, локальными или же масштабными, надолго определяющими жизнь людей. Как экологические, так и общественно-политические события, имеющие длительные и глобальные последствия, обычно поначалу слабо затрагивают сознание широкой общественности, зато постепенно оказывают все более мощное и глубокое воздействие, приводят к выработке новых ценностей, установок, моральных норм, влекут за собой культурные изменения. Исследования показывают, что уровень политической зрелости личности тесно коррелирует с уровнем ответственности за природу, сознанием необходимости вести правильную хозяйственную деятельность. Чем выше интерес к политической жизни, тем выше готовность к защите окружающей среды. Здесь просматривается влияние переменной, которую Р. Инглхарт называет когнитивной мобилизацией. Имеется в виду определенный уровень подготовленности, развития необходимых навыков, интереса к проблеме, без которых невозможна мобилизация населения на определенные политические акции, в том числе и на защиту окружающей среды. Активность в защите окружающей среды подразумевает политический выбор в пользу курса на экологическую безопасность. Вероятно, не будет большой погрешности в предположении, что подобные закономерности наблюдаются не только на индивидуальном уровне, но и в масштабах отдельного социума. Исследователи последствий Чернобыльской катастрофы отмечают, что ее особенностью является ситуация пролонгированности. Люди попали в ситуацию «длящейся», или «непрерывной», катастрофы, которая имела видимое начало, но не имеет обозримого конца. Как проживание на загрязненной территории, так и отселение порождают цепь

новых проблем и стрессовых ситуаций. В то же время происходит определенное привыкание к «жизни в катастрофе», острота переживаний сглаживается, переходит на подпороговый уровень, возможно — в подсознание. Аналогично воздействие и социально-экономических, политических перемен, начатых в 1985 г. «перестройкой» и постоянно углубляющихся, расширяющихся, во многом не прогнозируемых, с каждым годом все сильнее вовлекающих людей, даже тех, кто стремится ни в чем не участвовать. Как активная адаптация к переменам, так и пассивное бездействие в равной мере влекут за собой стресс и вынуждают к смене привычного образа жизни, к переоценке ценностей.

ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Исследования Р. Инглхарта показали, что в развитых промышленных странах происходит постепенный сдвиг в разделяемых людьми ценностях и социальных приоритетах, включая позиции по экологическим, социальным, экономическим и политическим вопросам. «Материалистические» ценности, предполагающие в первую очередь экономическую и физическую безопасность, начинают вытесняться ценностями «постматериалистическими», в которых акцент переносится на качество жизни, улучшение социальной и естественной среды, на самовыражение и самореализацию. Хотя экономическое процветание способствует формированию постматериалистических ориентации, а экономический спад может вызвать обратный эффект, тем не менее здесь нет прямой зависимости. Ценностные предпочтения в основных чертах складываются в течение периода ранней социализации, поэтому социально-экономические условия детства, отрочества, юности разных поколений могут заметно определять то, какие ценности люди будут разделять в более зрелые годы: материалистические или постматериалистические. Как показывают зарубежные исследования, молодые когорты действительно проявляют гораздо большую склонность к постматериалистическим ценностям, чем когорты пожилых. Процесс ценностного изменения в обществе связан с межпоколенческой ротацией населения. Сдвиг в сторону постматериалистических ценностей является сильным фактором, влияние которого сказывается на росте обеспокоенности качеством окружающей среды и поддержке мероприятий по ее защите. Анализ данных позволил Р. Инглхарту продемонстрировать, что поляризация взглядов по оси материалистических — постматериалистических ценностей характерна не только для

стран Запада, но в различной форме обнаруживается в любом регионе мира. Согласно Р. Инглхарту, в молодых когортах, ранняя социализация которых протекала в относительно более безопасных экологических и исторических условиях, склонность к постматериалистическим ценностям выше, чем у людей старших поколений. Поколения, чьи ценностные предпочтения формируются в годы экономической стагнации и кризиса, имеют тенденцию склоняться к материалистическому выбору.

Характер межпоколенческих ценностных сдвигов населения России, вероятно, находится в соответствии с некоторыми особенностями экономического развития СССР. Однако наряду с экономико-социальным фактором межпоколенческого ценностного расслоения значительную роль играет и фактор политической социализации поколений, протекавшей в неодинаковых духовных и идеологических условиях. Исследования показывают, что на смену «материалистам», выросшим в нищенских условиях предвоенно-послевоенного времени и в обстановке нагнетания страха из-за угрозы войны, стали приходить поколения с другими ориентациями. Хрущевская «оттепель», некоторые попытки проведения реформ в экономике постепенно начали формировать личность с интересами, уже не столь жестко привязанными к материалистическим целям. Это были первые симптомы «постматериализма». Перечисленные факты заставляют со всей серьезностью исследовать именно культурные и ментальные изменения, происходящие в наше время под влиянием последствий экологической катастрофы и политико-экономических перемен. Особенно наглядно культурные сдвиги должны проявиться при сравнении системы ценностей разных поколений и возрастных когорт.

Поколения — номинальные группы, духовная общность которых в наибольшей степени формируется центральными событиями эпохи. Хотя критерии объединения людей в одно поколение подвижны, все же каждое поколение характеризуется общностью образа мыслей, поведения, ценностей. Объектом нашего исследования являются части поколений, «когорты событий» — группы, объединяющие индивидов, переживших одни и те же социальные события, процессы в те же самые периоды жизни. Предполагается, что лица, входящие в когорту, характеризуются некоторыми общими для них социальными и социально-психологическими показателями. Мы используем понятие когорты для выявления индикаторов социальных изменений и процессов, для изучения влияния социальных, культурно-исторических изменений на развитие личности, на механизмы ее

социализации и адаптации, а также для анализа различий в поведении тех или иных когорт (миграция, изменение института семьи, изменение отношения к труду и т. д.). Важнейшим механизмом, обеспечивающим когортные эффекты, внутрикогортную унификацию и подобие, влияние макросоциальных факторов и т.п., является выработка и усвоение представителями когорты специфических для нее норм и ценностей. Исходя из критериев, указанных выше, мы выделяем пять когорт и одну промежуточную группу, которые в совокупности составят объект нашего исследования.

Первая когорта — подростки-старшеклассники (14 — 17 лет). Их сознание, мировоззрение формировалось вместе с ходом общественно-экономических преобразований и уже на фоне случившейся Чернобыльской катастрофы. Они пришли в школу одновременно с началом «перестройки» и «аварии». Социализация, становление системы ценностей у этой когорты не завершены, находятся в процессе формирования, система моральных норм лабильна, подвержена воздействию социального окружения и процессов, происходящих в обществе. Велико влияние молодежной культуры тинейджеров. Экологические и социальные условия, возникшие после 1985 г., для них реальность, данность. Другой жизни они не знали, другой опыт жизни в «советском государстве», с его законами и устоями, моралью и традициями, — все это не более чем «история предков».

Промежуточная группа. Молодежь 18 — 25 лет. Эта группа не является когортой, поскольку находится на стадии ролевого перехода от старшеклассников-подростков к молодым взрослым.

Вторая когорта. Молодые взрослые (25 — 30 лет). «Авария» и «перестройка» произошли для них на рубеже между окончанием школы и вступлением во взрослую жизнь (армия, работа, брак). Социализация школьного периода пришлась на эпоху «застоя», экономической и политической стабильности, упадка «зрелого социализма». А оба глобальных события из-за длительности латентного этапа между их началом и нарастающими с течением времени последствиями дали этой когорте наилучший шанс к адаптации. Формирование личности представителей данной когорты и формирование нового общества, новой экономики, новой идеологии шли параллельно и не вступали в какие-либо существенные противоречия. В среде 25 — 30-летних происходило постепенное, эволюционное развитие новой для общества в целом системы ценностей, норм, установок.

Третья когорта. Люди в возрасте 30 — 40 лет. У этой когорты к моменту «перестройки» и «аварии» в целом сформировалась устойчивая система ценностей, а способность к адаптации в меняющихся условиях еще не притупилась. В то же время на момент свершения этих событий, как правило, представители данной когорты уже имели профессию, определились в долгосрочных жизненных планах, создали семью. Важно и то, что к этому времени они имели маленьких детей, для которых воздействие радиации особенно разрушительно. Самый активный репродуктивный период жизненного цикла совпал у нынешних 30 — 40-летних с пиком радиоактивной зараженности отдельных географических зон в стране и в то же время с отсутствием полноценной информации о радиоактивной опасности. Выполнение важнейшей задачи продления рода, увеличения семьи вошло у них в противоречие с объективной опасностью иметь больное потомство, вызвавшей отказ от рождения новых детей, страх за жизнь и здоровье уже родившихся. Последствия же «перестройки» сказались на том, что устойчивые, отработанные предыдущими поколениями и усвоенные данным поколением пути достижения успеха в трудовой сфере, в общественной деятельности довольно сильно видоизменились и даже вовсе утратили прежнюю значимость. Открылись новые возможности самореализации, повышения благосостояния, но ими могли воспользоваться далеко не все, кто ориентировался на прежние модели трудового и экономического поведения. Поэтому данная когорта является пограничной между людьми старого и нового времени, между теми, кому тяжело даются перемены, и новым поколением (до 30 лет), наилучшим образом адаптированным ко всем обстоятельствам «послеперестроечного» и «послеаварийного» периодов.

Четвертая когорта. Люди в возрасте 40 — 50 лет. Ко времени «аварии» пик репродуктивной активности представителей данной когорты остался в прошлом. Их дети достигли школьного возраста, который позволял родителям обсуждать с ними многие экологические и бытовые проблемы, вызванные «аварией», и политические, экономические проблемы, вызванные «перестройкой». С учетом важной роли семьи в социализации детей, в формировании у них системы ценностей эта когорта интересна для исследования как поколение родителей современных старшеклассников и молодежи, составляющих переходную группу (14 — 25 лет). Сравнение менталитета отцов и детей, соотношение в их ценностных системах материалистических и постматериалистических ценностей дает

материал, необходимый для понимания культурных сдвигов, происходящих в нашем обществе под действием последствий «аварии» и «перестройки».

Пятая когорта. Лица старше 50 лет, т. е. предпенсионного и пенсионного возраста. Это наиболее консервативная группа, чьи взгляды на мир в наименьшей степени подвержены влиянию жизненных перемен, но они также и менее других когорт влияют на формирование менталитета современных подростков. Им тяжелее других дается привыкание к новому укладу, поэтому они наиболее болезненно относятся к отселению с зараженных территорий, к иным условиям жизни, не хотят с этим мириться, преуменьшают опасность облучения, игнорируют гигиенические рекомендации специалистов. В то же время в силу возраста представители данной когорты менее других способны что-либо активно предпринимать, им чаще приходится уповать на защиту властей и помощь родственников. Чем старше представители этой когорты, тем большими чужаками оказываются они в своей стране, где поменялась под действием «аварии» окружающая среда (из полезной превратилась в опасную, вред-^нУю), где в результате «перестройки» изменились государственный строй, идеалы, экономическая и политическая обстановка, где люди стали говорить по-другому, одеваться иначе и Даже думать совсем не так, как еще 5 — 8 лет назад.

ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЙ «ДЕТИ ЧЕРНОБЫЛЯ»

Как я уже писал выше, в 1993 г. Федеральный институт социологии образования и Фонд «Общественное мнение» начал серию социологических исследований по программе «Дети Чернобыля».

Первое исследование мониторинга было экспериментально-поисковым, эвристическим. На начальном этапе необходимо было провести зондаж, чтобы получить общее представление о населении исследуемых территорий, о степени реальной актуальности для респондентов различных проблем, в том числе возникших непосредственно в результате аварии на Чернобыльской АЭС. Исследование было направлено также на поиск и уточнение показателей (индикаторов) тех явлений общественного сознания и настроения, которые были выбраны предметом долгосрочного исследования. На основе анализа полученных в первом исследовании результатов были не только уточнены задачи второго опроса мониторинга, но и усовершенствован сам

инструментарий.

Цель исследования — создание информационной базы для разработки и реализации на пострадавших территориях социальных программ, соответствующих социокультурным характеристикам жителей этих территорий и особенностям массового сознания различных поколений населения (их настроению, интересам, установкам, оценкам, мнениям, ожиданиям, намерениям) .

Предмет исследования — изменения систем ценностей, жизненных приоритетов, экономического, трудового, религиозного и экологического сознания современной молодежи, происходящие под действием экономических и социальных перемен в России, а также в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС. Оценка степени и направления социальных и культурных сдвигов осуществляется в наших исследованиях на основе сравнительного анализа возрастных когорт.

Объект исследования — подростки и взрослое население областей, пострадавших от радиационного загрязнения. Для выявления присущих им особенностей массового сознания в качестве сравниваемого объекта берется население чистых областей.

Задача исследования — получение данных для отслеживания и анализа динамики по следующим основным позициям: а) содержание массового сознания населения в целом и отдельных возрастных когорт (ценностные ориентации, нравственные критерии, потребности, взгляды, настроения); б) экологическое сознание. В настоящем исследовании особое внимание было уделено изучению экологического сознания и факторов, влияющих как на его формирование, так и на актуализацию его отдельных аспектов у различных групп населения (у разных возрастных когорт; у лиц, проживающих на зараженных территориях; у лиц с повышенной акцентуацией проблемы здоровья; у людей с разными идеологическими ориентирами — «западные» и «традиционно русские» ценности и др.).

Инструментарий исследования — поставленные задачи решались в комплексе с изучением социокультурного контекста, специфических социальных и экономических условий, сложившихся в исследуемых областях. Для этого была разработана система эмпирических индикаторов, объединенных в шесть блоков, которые описывают экономическую, социальную и социокультурную сферы жизни, фиксируя объективные условия жизнедеятельности людей, особенности массового сознания, реальное и прожективное поведение, изменения в ценностной структуре. Ниже дано развернутое

описание блоков эмпирических индикаторов.

Блок 1. Экологическое сознание:

- 1) оценка различных аспектов экологической ситуации в месте проживания;
- 2) реальное поведение как индикатор экологического сознания;
- 3) степень реальной и декларируемой обеспокоенности состоянием окружающей среды;
- 4) факторы, формирующие экологическое сознание.

Блок 2.

- 1) Информированность о состоянии окружающей среды:
- 2) интерес к экологическим материалам в средствах массовой информации;
- 3) оценка качества экологической информации (оперативность, достоверность, полнота);
- 4) доверие к основным источникам экологических сведений;
- 5) информированность о специальных программах помощи пострадавшим.

Блок 3. Здоровье:

- 1) оценка собственного здоровья и здоровья членов семьи;
- 2) оценка причин заболеваемости;
- 3) обыденные представления о факторах, негативно влияющих на здоровье;
- 4) распространенные методы уменьшения негативного воздействия вредоносных факторов;
- 5) социокультурные факторы, обуславливающие принятие или непринятие медицинских рекомендаций.

Блок 4. Миграция:

- 1) миграционные установки;
- 2) причины миграции;
- 3) предпочитаемые направления миграции.

Блок 5. Социально-экономическое положение (место респондента в стратификационной структуре общества) и социальное самочувствие:

- 1) уровень образования и социально-должностной статус;
- 2) имущественная обеспеченность, персональный и среднесемейный уровень доходов;

- 3) рейтинг наиболее беспокоящих проблем;
- 4) оценка своего материального и социального статусов;
- 5) ожидание личных экономических и экологических перемен на ближайшую перспективу (социальный оптимизм — пессимизм) .

Блок 6. Социокультурные установки и взгляды:

- 1) основные мировоззренческие ценности;
- 2) религиозность, включенность в православные обряды.

ВОЗРАСТНЫЕ КОГОРТЫ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

Анализ изменения ценностных ориентации в возрастных когортах показал, что динамика этих изменений наиболее наглядно вырисовывается при рассмотрении трех крупных возрастных групп респондентов: 18 — 30 лет, от 30 до 50 лет, старше 50 лет. На рубеже между указанными возрастными границами происходит наиболее заметная смена ценностных ориентации. Не удивительно, что три вечные ценности — семья, здоровье, достаток — представители различных поколений ставят в разном порядке:

Для 14-17-летних	1.Семья	2. Здоровье	3. Материальное благополучие
Для 18-30-летних	1. Материальное благополучие	2. Семья	3. Здоровье
Для них 31-49-лет-	1.Семья	2. Материальное благополучие	3. Здоровье
Для тех, кому 50 лет и свыше	1.Здоровье	2. Семья	3. Материальное благополучие

Для подавляющего большинства населения условием и источником материального благополучия является работа. Помимо этого труд позволяет людям удовлетворять такие потребности, как, например, общение, реализация творческих потенций, стремление к лидерству и т. д.

Опрос показал, что для всех возрастных групп главным критерием труда в настоящее время является уровень его оплаты. Сугубо возрастными особенностями можно объяснить

довольно высокую значимость для 18 —30-летних (значительная доля которых продолжает обучение) таких факторов, как «возможность развить свои способности» и «возможность самореализации», а для 30 —50-летних (в период, когда на первый план выходят семья и дети) «возможность иметь много свободного времени». Единственными критериями оценки труда, на которых сказались межпоколенческие различия, обусловленные не возрастными, а социальными факторами, оказались «престижность работы» (подростки — 31%, «молодые» — 17%, «средние» — 12%; «пожилые» — 8%) и «возможность принести пользу людям» (подростки — 19%, «молодые» — 11%, «средние» — 18%, «пожилые» — 33%). Если уходящие поколения высоко ценят (может быть, не столько искренне, сколько по укоренившейся идеологической традиции) те критерии работы, которые предполагают бескорыстное самоотречение на благо других, то у идущих им на смену поколений выше котируется та работа, которая пользуется повышенным спросом, имеет больший социальный вес в глазах окружающих. Ориентация на эти критерии оценки труда согласуется с комплексами ценностных представлений, присущих уходящему и новому поколениям. Для молодых все большую ценность приобретают такие понятия, как богатство, индивидуализм, личное достоинство, предприимчивость и свобода. Симптоматично, что возглавляет иерархию ценностей «личное Достоинство». У пожилых же этому понятию отводится 6-е место. Для старшего поколения гораздо важнее, чем для молодых, бескорыстие, благотворительность, дисциплина, законопослушание и трудолюбие. Интересно, что в нашем обществе, как показал опрос, наименьшим почтением пользуется законопослушание. Доля людей, отметивших это понятие как одно из наиболее важных лично для себя, очень мала во всех возрастных группах, хотя и увеличивается среди взрослых в каждой более старшей группе (подростки — 7%, «молодые» — 1%, «средние» - 4%, «пожилые» - 7%).

Материальное благополучие, достаток у людей всех возрастных когорт определяется прежде всего «таким количеством Денег, чтобы не надо было думать о них». У молодого поколения символами материального благополучия выступают прежде всего модная одежда, машина, зарубежные путешествия и собственный бизнес. В пожилых возрастных группах материальное благополучие значительно чаще связывается с наличием земельного участка (дачного, под картошку, под сад или огород) и вкусной едой. Последняя является и показателем материального благополучия для пожилых, как модная одежда — для

молодых.

Фантазия большинства опрошенных представителей разных поколений чаще всего ограничивается отдельной квартирой. Другие виды недвижимости называются значительно реже. Качество жизни людей определяется не только уровнем материального благосостояния, но и качеством социальной и естественной среды обитания людей. Критерии, по которым респонденты судят о качестве жизни в разных странах, косвенно свидетельствуют о шкале ценностей. По мнению большинства опрошенных, о качестве жизни в других странах можно судить по «уровню доходов на душу населения». Молодые когорты опрошенных хоть и незначительно, но все же больше внимания уделяют гражданским правам и свободам, которые можно причислить к постматериалистическим ценностям, — это невмешательство государства в частную жизнь граждан, равенство всех граждан перед законом. Пожилые люди, ставящие значимость здоровья на первое место, наряду с уровнем доходов учитывают (в большей мере, чем молодые) продолжительность жизни людей и уровень медицинского обслуживания.

Примечательно, что состояние природной среды, здоровую экологическую обстановку принимают во внимание как критерий качества жизни только 15% взрослых опрошенных (8-е ранговое место из 13 возможных). Причем в каждой возрастной группе этот аспект отмечают одинаковое число респондентов (подростки — 8%, «молодые» — 16%, «средние» — 16%, «пожилые» — 14%). Ответы респондентов на другие вопросы анкеты подтверждают довольно слабую озабоченность всего населения состоянием окружающей среды. По отношению к экологической обстановке нет заметных межпоколенческих различий. Определяющим фактором «экологической тревожности» выступает уровень образования респондентов. Однако следует отметить, что люди с высшим образованием в силу своей грамотности, начитанности, сформированной способности понимать формулировки вопросов и вербально формулировать собственные мысли, как правило, в исследованиях по различным тематикам показывают прогрессивность. Это касается и вопросов на экологическую тему. Как правило, среди людей с высшим образованием меньше «затруднившихся ответить», чем среди других групп населения. Фактор возраста, принадлежности к тому или иному поколению практически не играет никакой роли в формировании определенной «экологической идеологии». Исследования 1993 и 1994 гг. убедительно показали, что население демонстрирует высокую озабоченность состоянием

природной среды в случае прямых вопросов, при условии искусственной актуализации проблемы. Когда вопросы поставлены в завуалированной форме, когда не актуализируется «экологическое сознание», люди вспоминают об этой проблеме в последнюю очередь. В 1993 г. был задан открытый вопрос, который не сопровождался списком возможных вариантов ответов, а предполагал запись всех свободных спонтанных ответов респондентов и дальнейшую обработку их методом контент-анализа: «Что Вас больше всего беспокоит, волнует в Вашей повседневной жизни?» Ответы, затрагивающие экологические проблемы, заняли тогда по частоте упоминания 9-е место из 10 наиболее часто называемых проблем. В исследовании 1994 г. все те же проблемы были перечислены в анкете в качестве вариантов возможных ответов на тот же вопрос. И сразу же экологическая проблематика по частоте упоминания заняла 4-е место после трех самых наболевших: финансовых; проблем, вызываемых нестабильностью, неуверенностью в завтрашнем дне; проблем, связанных со здоровьем, уровнем медицинского обслуживания. И опять на экологию как на одну из самых беспокоящих проблем повседневной жизни в каждом поколении указала равная доля опрошенных (подростки — 4%, «молодые» — 15%, «средние» 14%, «пожилые» — 19%). Когда вопрос был поставлен в явной, провокационной форме (респондентам предлагалось определить степень озабоченности экологической проблематикой, выбрав из четырех высказываний наиболее соответствующее мнению респондента), уже 24% опрошенных (почти каждый четвертый) выбрал ответ «экологическая проблема — самая серьезная; это то, от чего мы все страдаем в первую очередь» (подростки 26%, «молодые» — 23%, «средние» — 22%, «пожилые» — 26%). Правда, чаще всего респонденты выбирали ответ «это такая же серьезная проблема, как и другие» (подростки — 29%, «молодые» — 43%, «средние» — 41%, «пожилые» — 35%). Таким образом, в системе ценностей межпоколенческие Изменения затрагивают прежде всего идеологические аспекты, связанные с акцентированием индивидуализма, персональной свободы, достоинства. Усиливается стремление к материальному комфорту, хотя материальные ценности доминируют во всех возрастных группах. Оценки качества социальной и природной среды пока не дифференцируются в трех разных поколениях. Отмеченное в молодых группах несколько большее уважение к гражданским правам и свободам отражает не самоценность этих свобод в глазах молодежи, а скорее их прикладное значение как условие для достижения более высокого материального уровня

жизни.

Если социально-экономические реформы оказали заметное влияние на систему ценностей молодого поколения, то авария на Чернобыльской АЭС не произвела системных изменений в экологическом сознании. Авария, информация о ее последствиях, о влиянии радиации на человека и вообще на все живое внедрила в сознание постулат «радиация — это опасность». Лица молодого и среднего возраста чаще беспокоит в состоянии окружающей среды «повышенный радиационный фон места своего проживания», т.е. села, города, района (подростки — 36%, «молодые» — 45%, «средние» — 44%, «пожилые» — 35%). Проживание на территории с повышенной радиацией молодые называют фактором, приносящим наибольший вред здоровью (подростки — 16%, «молодые» — 59%, «средние» — 50%, «пожилые» — 45%). Соответственно в молодых возрастных группах более распространен взгляд на атомные электростанции как на основной источник загрязнения и разрушения окружающей среды («молодые» — 23%, «средние» — 19%, «пожилые» — 16%). Интересно, что в молодых возрастных когортах, столь восприимчивых к западной массовой культуре, активно пропагандирующей здоровый образ жизни, важной составляющей которого является правильное, сбалансированное, низкокалорийное и экологически чистое питание, эти идеи совершенно не находят отклика. Из 11 факторов, оказывающих вредное воздействие на здоровье, во всех возрастных группах реже всего назывались те, что связаны с культурой питания: «неумеренное потребление сладкого» считают вредным 0% «молодых» и по 1% — «средних» и «пожилых»; употребление жирной пищи считают вредным по 3% «молодых» и «средних» и 4% «пожилых». Избыточный вес и малоподвижный образ жизни признают источником болезней соответственно 7 и 16% «молодых», 5 и 15% «средних» и 4 и 10% «пожилых». Все поколения в равной мере считают вредным потребление некачественной питьевой воды и продуктов с нитратами («молодые» соответственно 24 и 20%; «средние» — 25 и 24%; «пожилые» — по 27%). Взгляды молодых и пожилых различаются лишь в оценке силы отрицательного влияния на организм вредных привычек человека и экологически вредных производств.

Если молодые считают, что по степени негативного воздействия на здоровье эти факторы равны, то в старших возрастных группах больший вред признается за алкоголизмом и курением, чем за проживанием вблизи цементного или химического

предприятия.

«ЗАПАДНИКИ» И «ПОЧВЕННИКИ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

В свое время Фонвизин в письме к Екатерине II вопрошал: «Как истребить два противных и оба вреднейших предрассудка: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?» (Традиция в истории культуры, с. 34). Не требуется быть особым умником, чтобы понять — в этом вопросе последние два столетия прогресса не заметно... Далее будет сказано то же, но на специфическом языке социологии.

Большинство взрослого населения исследованных областей полагает, что Россия должна ориентироваться и на западные, и на традиционно русские ценности и стандарты жизни (46%). Примерно столько же (41%) сторонников того, что нашему обществу необходимо ориентироваться на традиционно русские ценности (в дальнейшем — «почвенники»). Лишь 4% идеологически ориентированно на освоение западных ценностей и стандартов жизни (в дальнейшем — «западники»). При этом среди «западников» преобладают лица в возрасте до 30 лет (51%), а среди «почвенников» те, кому за 50 лет (54%).

Сравнение взглядов этих двух групп («западников» и «почвенников») поможет отчетливее определить, какие именно представления ассоциируются у людей с западными и традиционно русскими ценностями и стандартами. Связаны ли ориентации на западные и русские ценности с уровнем озабоченности экологической проблематикой? Сторонники «западной» ориентации России больше внимания уделяют уровню оплаты труда, престижности работы, возможности быстро сделать карьеру.

«Почвенникам» важно, чтобы труд был творческим и чтобы он приносил пользу людям. В кругу близких «западникам» людей больше уважают тех, кто умеет «крутиться», зарабатывать, хорошо отдыхать и развлекаться. У «почвенников» уважают умеющих отстаивать свои взгляды и заставить считаться с собой.

У «западников» выше котируются люди умные, смелые, Независимые, предприимчивые, а также наделенные красотой и остроумием. В кругу ориентированных на традиционно русские ценности больше ценятся доброта, порядочность, трудолюбие, терпимость, аккуратность и честность. «Западники» уделяют большое внимание

материальной обеспеченности людей; в их кругу больше уважают преуспевших на этом поприще, имеющих не только предметы, символизирующие достаток, но и обладающих средствами, помогающими преуспеть. По мнению «западников», в их кругу высоко ценится человек, имеющий связи, богатых родственников, большие деньги, престижную работу, модные вещи, современную аудио- и видеотехнику, собственное дело и личное оружие. Для «почвенников» важны идейные убеждения, хорошее образование и манеры, талант.

На проективный вопрос о том, как бы респондент потратил деньги, если бы неожиданно выиграл огромную сумму, «западники» и «почвенники» в целом ответили сходным образом: большинство купили бы квартиру. Молодежь, независимо от ценностных ориентации, приобрела бы еще и машину, а оставшиеся деньги потратила бы на отдых и развлечения. Люди старших возрастных групп чаще склонны купить бытовые предметы длительного пользования, а остальное положить в банк.

Однако вопрос этот был задан не с целью получения столь тривиальных результатов, а чтобы выявить долю людей реально, а не декларативно озабоченных состоянием окружающей среды и стремящихся хотя бы в мечтах улучшить среду своего обитания. Так вот, среди «западников» никто не отдал бы выигранные деньги на экологические нужды; 4% (последнее место по частоте упоминаний из 17 возможных) потратили бы их на озеленение и благоустройство своего города (села), а 9% с помощью этих денег позаботились бы о своем здоровье, купив бытовые очистители воды, тренажеры, увлажнители или очистители воздуха в квартире и т. п. Возможно, такие цифры обусловлены ярко выраженной миграционной ориентацией «западников»: 24% из них потратили бы деньги на переезд в другое место жительства. «Почвенники» переезжать в основном не намерены (видимо, в значительной мере в силу возрастных причин). Хотели бы уехать лишь 5% из них. Они проявили большую готовность пожертвовать случайные деньги на нужды экологии (10%), но при этом гораздо больше людей (17%) высказали желание отдать свои средства на строительство школ, приютов, больниц и т. п. На благоустройство своего населенного пункта выделили бы деньги 9%, а 7% отдали бы свое богатство на строительство для всего города (села, области) очистных сооружений, заводов по переработке мусора или других природоохранных объектов. Для индивидуального пользования приобрели бы предметы, способствующие сохранению здоровья, 11% «почвенников». Таким образом, люди, ориентированные на традиционно русские ценности,

незначительно отличаются по своим экологическим взглядам от исповедующих «западную» идеологию.

Оценивая качество жизни в других странах, обе группы ставят «здоровую экологическую обстановку» на 8-е по значимости место. Различие выражается в том, что для «западников» заметно важнее, соблюдаются ли в той или иной стране социальные и гражданские права личности, в частности невмешательство государства в частную жизнь граждан. А для «почвенников» большое значение имеют уровень здравоохранения и продолжительность жизни людей. Все это свидетельствует о сходной оценке значимости экологической проблематики представителями обеих групп. Демонстрация «почвенниками» большей озабоченности состоянием окружающей среды при ответе на другие вопросы свидетельствует, на наш взгляд, лишь о большей идеологизированное сознания «почвенников», в котором такие понятия, как духовность, нравственность, экология приобретают значение ключевых слов, характеризующих традиционные русские ценности. «Западники» среди повседневно волнующих проблем ставят экологические на 8-е место из девяти возможных, а «почвенники» — на 4-е. Половина опрошенных в каждой группе согласились бы лично содействовать охране окружающей среды в своей местности (45% — «западники», 50% — «почвенники»). Но формы содействия выбираются разные. На первом месте в обеих группах стоит готовность лично участвовать в посильной работе по очистке территорий от мусора, по озеленению и т. п. Но к предложениям «платить дополнительные экологические налоги» и «выступать с акциями протеста против работы экологически вредных производств» с наибольшим энтузиазмом относятся «западники». «Почвенники» же готовы содействовать охране природы, соблюдая рекомендации ученых-экологов, природоохранных организаций, а также ограничивая использование в быту воды, электроэнергии, сдавая макулатуру и т.п. Среди «почвенников», не готовых лично содействовать охране природы, каждый третий мотивировал свой отказ тем, что экологические проблемы должны решаться на государственном уровне. Среди аналогичной группы «западников» так думает каждый четвертый.

Большинство же и тех и других полагают личное участие в защите природы бесполезным. Что касается практики повседневного поведения, то «западники», судя по их ответам, чаще способствуют бытовому загрязнению родных городов и сел, реже

задумываются о вреде своих поступков для окружающих и самих себя. Например, если среди «западников» 45% признались, что бросают мусор (огрызки, пачки, обертки и тому подобное) куда придется, то среди «почвенников» так поступают почти вдвое меньше людей — 24%. Зная, что вода в водоеме грязная, 24% «западников» игнорируют запрет санэпидемстанций на купание. Среди «почвенников» таких легкомысленных людей всего 5%. Покупают продукты сомнительного качества, соблазняясь дешевизной, среди «западников» 20%, а среди «почвенников» — 11%. Однако возможно, что «западники», не будучи скованы излишней заботой о своем моральном облике в глазах интервьюеров, отвечали более свободно и откровенно, чем идеологизированные сторонники традиционных русских ценностей.

ДИНАМИКА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Рассматривая всю совокупность ответов, можно сделать вывод о том, что популярная в западных странах идея экологической безопасности (присущая западным культурам), щепетильность в подходе ко всем аспектам, влияющим на здоровье людей и состояние природной среды, не занимают умы населения исследуемых областей. И все же изменилось ли экологическое сознание за годы, прошедшие после аварии на Чернобыльской АЭС? Весной 1989 г., когда информации о распространении радиационного заражения и о степени опасности последствий аварии было не очень много, люди давали более оптимистичные прогнозы на ближайшие 3 — 5 лет.

Стабильно уменьшается число респондентов, позитивно оценивающих состояние окружающей среды в ближайшем будущем, и значительно увеличивается число тех, чьи прогнозы пессимистичны. Понятно, что обеспокоенность населения конкретными аспектами экологии в значительной степени определяется • житейским опытом людей и реальным проявлением неблагоприятных факторов в месте проживания респондентов, доступных их непосредственному восприятию. Поэтому изменение, а также расширение или сужение географии социологического исследования отражаются на изменении рейтинга неблагоприятных факторов экологии. Два последних замера общественного мнения свидетельствуют об усилении озабоченности населения качеством питьевой воды и повышенным радиационным фоном; при этом меньше стало волновать состояние живой природы, внимание переключилось с уменьшения видового многообразия фауны и флоры на

факторы, непосредственно касающиеся здоровья человека.

Но как бы ни беспокоили людей отдельные показатели качества среды обитания, все же социальные проблемы, связанные с реформами экономической и политической системы, вызывают гораздо большую тревогу и все более отодвигают экологическую проблематику на второй план. Чаще всего для выражения степени озабоченности состоянием экологии респонденты выбирают фразу: «это серьезная проблема, но наряду с другими». Сегодня люди ощущают угрозу себе и своей семье прежде всего со стороны преступности (32%), произвола властей (14%), быстрых перемен в экономической и общественной жизни (12%), болезней, вызываемых стрессами (12%), и только потом признают угрозу со стороны загрязненной окружающей среды (4%). Следует отметить, что в ранжировании источников угрозы (или просто дискомфорта) поколения и возрастные когорты проявили удивительное единодушие — лишь болезни несколько больше тревожат пожилых людей.

В чистых областях (Воронежская и Калининская) и радиационно загрязненных (Брянская и Тульская) было опрошено по 600 человек. На зараженных территориях только 87 наших респондентов имеют официальный статус пострадавших от последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Из них 76% проживают в Тульской области, причем подавляющее большинство (72%) в малых городах и рабочих поселках, остальные — в селах. Среди пострадавших немного преобладают женщины; если в целом соотношение мужчин и женщин в чистых и зараженных зонах одинаково (соответственно 41 и 56%), то в группе официально пострадавших женщины составляют 59%; несколько преобладают в ней также старшие возрастные группы. При сравнении результатов опроса, полученных на чистых и зараженных территориях, нас интересовали прежде всего особенности экологического сознания населения, степень интереса к природоохранной проблематике, а также комплекс вопросов, связанных с самооценкой здоровья, распространенными методами его поддержания, иерархия причин, негативно влияющих на здоровье.

Данные свидетельствуют о более высокой ценности здоровья среди населения пострадавших областей. Если для людей с чистых территорий материальное благополучие заметно важнее хорошего здоровья, то для населения зараженных зон, а также для пострадавших эти две ценности практически уравнены по значимости. Ответы на два косвенных вопроса — о трате выигранных денег и о критериях оценки качества жизни в

различных странах, — выявляющих, на наш взгляд, реальную значимость экологических проблем для респондентов, показали, что лица, проживающие на загрязненных территориях и даже относящиеся к пострадавшим, не отличаются по степени акцентирования на экологических вопросах от населения чистых территорий.

Группа пострадавших заметно отличается от населения и чистых, и зараженных территорий повышенным вниманием к продолжительности жизни людей в других странах как к критерию оценки качества жизни. Это косвенно может свидетельствовать о том, что данная группа считает себя — возможно, на подсознательном уровне — обреченной на преждевременную смерть в связи с тем, что они пострадали от последствий аварии. Группа пострадавших откровеннее сосредоточена на индивидуальной борьбе за выживание, за сохранение своего здоровья, поэтому прежде всего заинтересована в качественном лечении, выезде из зараженной области и обеспечении себя и своей семьи средствами индивидуальной защиты от агрессивного воздействия окружающей среды. Благотворительность, масштабная материальная помощь в решении общегородских (сельских) проблем не популярна. Такой же подход к проблеме, но только в несколько смягченной форме демонстрирует население из грязных областей. Среди них меньше людей хотели бы уехать в другое место, в то же время и меньше людей склонны тратить свои деньги, пусть и доставшиеся случайно (условие, сформулированное в вопросе), на благоустройство своего города, села. Вероятно, это связано с тем, что озеленение и благоустройство не могут решить главной проблемы этих мест — радиационного загрязнения.

Группа пострадавших особенно сосредоточена на проблеме радиационного загрязнения. По их мнению, среди экологических проблем эта — главная. Поэтому каждый четвертый (25%) в данной группе склонен думать, что вопросы охраны окружающей среды необходимо решать исключительно на государственном уровне. Эту точку зрения на зараженных территориях разделяют 18% опрошенных, а на чистых — лишь 13%. И хотя в других областях, не подвергшихся радиационному загрязнению, экологическая обстановка может быть по сумме параметров не лучше, а то и хуже, чем в загрязненных областях, среди пострадавших многие с разной степенью определенности планируют переезд за пределы своей области (14% — в чистых зонах, 17% — в грязных зонах, 25% — в группе пострадавших). Следует отметить, что материальное

положение группы пострадавших заметно выше, чем у населения грязных областей и тем более — чистых. Однако в свое экологическое будущее представители группы пострадавших смотрят с неуверенностью. Экологическое состояние населенных пунктов, где проживают люди из группы пострадавших, в перспективе остается для них также неопределенным. Неуверенность в завтрашнем дне, непредсказуемость будущего в значительной мере вызваны присутствием «скрытого врага» в виде противоречивых оценок опасности радиации для здоровья. Незнание, недоверие к источникам официальной информации вызывают страх за жизнь и за здоровье — свое и близких, с которыми пока ничего плохого не происходит, но может случиться. Эта ситуация напоминает ожидание отсроченного приговора. Люди, живущие на зараженных территориях, меньше боятся новых аварий на АЭС, чем люди в чистых областях, — возможно, потому, что не испытывают страха перед новыми, неизведанными, потенциальными бедами и катастрофами, а сосредоточены на переживании тревоги за последствия уже случившегося однажды. Спектр страхов сузился, теперь в нем доминирует страх перед последствиями реформ и радиационного загрязнения.

Проживание на загрязненных территориях пробудило у населения повышенный интерес к экологической проблематике (по сравнению с тем, насколько слабо волнует этот вопрос жителей чистых зон). Хотя, как видно из приведенных выше цифр, более всего население загрязненных территорий и особенно группа пострадавших обеспокоены радиацией. В целом же среди всех основных проблем повседневной жизни экологические проблемы стоят у жителей грязных зон на четвертом месте, а у населения чистых — на последнем, восьмом.

Население загрязненных зон выражает и повышенную тревожность о состоянии окружающей среды. Но при этом следует напомнить, что большая озабоченность экологическими проблемами демонстрируется этими людьми не спонтанно, а только при ответе на прямые вопросы. В группе пострадавших особенно распространены (по сравнению с теми, кто живет на чистых территориях) потребление очищенной питьевой воды и очистка собственного организма. Вообще, что касается здоровья, то больше всех жалуются на него в группе пострадавших, хотя эти жалобы могут отражать не реальное положение вещей, а Уровень тревожности, психологической угнетенности от сознания постоянной угрозы своему здоровью. Кроме того, может сказываться и демографический

состав группы. В чистых зонах считают себя в целом здоровыми 48% опрошенных, в грязных — 50%, в группе пострадавших — 38%. Но жалуются на ухудшение собственного здоровья во всех исследуемых контингентах равные доли опрошенных. Лица, живущие на загрязненных территориях, проявляют большую тревогу по поводу здоровья своих близких, а группа пострадавших еще больший акцент делает на здоровье пожилых членов семьи, однако преклонный возраст в качестве причины ухудшения состояния ставит лишь на четвертое место по значимости.

Респонденты всех групп населения, обсуждающие вопросы здоровья, демонстрируют удивительную инверсию сознания. Если среди главных причин, негативно влияющих на здоровье вообще, были названы, помимо повышенного радиационного фона, пьянство и курение, то среди причин, способствовавших ухудшению здоровья самих респондентов и их близких, эти причины оказались на последнем месте, а первыми названы неблагоприятная социальная и природная среда, т. е. полностью снимается собственная ответственность за свое здоровье. В каких же заболеваниях, по мнению респондентов, чаще всего проявляется ухудшение их личного здоровья и здоровья членов их семей? Вполне логично, что лидируют сердечно-сосудистые заболевания и болезни нервной системы, являющиеся результатом нервного напряжения, стрессов. В то же время жители зараженных зон чаще отмечают недуги, которые могут развиваться вследствие радиационного воздействия: эндокринные, лейкозы, заболевания кожи. Группа пострадавших, помимо перечисленных недугов, чаще других называет аллергические и бронхо-легочные, возникновению которых способствуют иные факторы экологического неблагополучия — загрязненные промышленностью, транспортом, сельхозработами вода, воздух, почва.

По теории, разработанной Р. Инглхарт, наибольшую ответственность за природу, за свои действия, способные негативно влиять на природу, проявляют люди, исповедующие постматериалистические ценности, в которых акцент с экономической и физической безопасности переносится на качество жизни, потребность в улучшении социальной и естественной среды, потребность в самовыражении и самореализации. (Р. Инглхарт признавал, что распространенность постматериалистических взглядов зависит от уровня экономического благосостояния общества.) Фактором, влияющим на уровень развития экологического сознания, наряду с приверженностью к постматериалистическим

ценностям является уровень образования. Об этом свидетельствуют и результаты наших исследований, и данные, полученные ВЦИОМом в 1989 г., когда опрос проводился в семи регионах СССР. В связи с тем, что население наиболее серьезно ощущает неблагоприятную экологическую обстановку в тех случаях, когда она негативно сказывается на здоровье, можно предположить, что люди, акцентированные на состоянии своего здоровья, полагающие хорошее здоровье главной жизненной ценностью, проявят повышенный интерес к экологической проблематике, а также высокую степень готовности содействовать решению экологических проблем. Чтобы выяснить, какой же фактор — образование, приверженность постматериалистическим ценностям, выраженная озабоченность состоянием собственного здоровья — оказывает решающее влияние на заинтересованное отношение к экологической проблематике, мы решили сравнить между собой соответствующие группы. Кроме того, была сформирована группа индифферентно относящихся к здоровью, чтобы определить, в какой мере и в каком направлении акцентирование именно на проблеме здоровья формирует экологическое сознание, чем и в чем это сознание, его структура, целостность будут отличаться от экологических представлений людей, несколько не интересующихся своим здоровьем и мало о нем заботящихся. Опросы свидетельствуют, что в российском обществе, в отличие от западноевропейского, например германского, здоровье заботит в первую очередь людей пожилых и больных. Если немецкая молодежь, судя по опросам, полагает главной ценностью здоровье и даже любовь ставит на второе место, то российские молодые люди представляют наиболее индифферентную к проблеме здоровья часть населения. Группу «озабоченных здоровьем» по результатам нашего исследования только на 6% составляют люди до 25 лет и на 73% — люди старше 50 лет; «равнодушные к здоровью» — это на треть лица до 25 лет и на 8% — те, кому за 50. В группе «озабоченных здоровьем» 80% имеют хронические и другие сильно беспокоящие заболевания; в группе «равнодушных» 74% оценивают состояние своего здоровья на «хорошо» и «отлично». Две другие группы, которые мы берем в качестве объекта сравнения для выявления факторов, влияющих на формирование экологического сознания, не столь контрастны по возрастному составу: в группе исповедующих постматериалистические ценности 19% составляют люди моложе 25 лет и 27% — старше 50 лет; в группе людей с высшим образованием 10% не достигли 25 лет, 29% — старше

50 лет. Положительную оценку своему здоровью дали более половины опрошенных в обеих группах (55 и 54%).

Таким образом, по возрастному составу и оценке собственного здоровья группа «постматериалистов» и группа людей с высшим образованием занимают промежуточное положение между «озабоченными здоровьем» и «равнодушными к здоровью». Однако в группе «постматериалистов» оказалась почти в два раза больше доля считающих здоровье в качестве основной жизненной ценности, чем среди группы людей с высшим образованием (соответственно 20 и 11%). Сравнение этих четырех групп показывает, что все они демонстрируют одинаковый уровень экологического сознания, он очень слабо дифференцируется в зависимости от особенностей выбранных групп. Действительно, люди, исповедующие постматериалистические ценности, проявляют несколько большую готовность к содействию охране природы в самых разных формах и несколько определеннее высказываются по всем экологическим вопросам, однако говорить о качественном отличии данной группы не приходится.

Глава шестая

ГЕНЕЗИС ПОКОЛЕНИЯ

Рассматривая социальные явления (те же поколения) как «застывшую психику» (Питирим Сорокин), мы получаем не только достоверный вариант отношения социального и психического, но и способ фиксации средствами социологии макропсихологических изменений. Социология поколений в известном смысле — это макропсихология личности.

Общий образ поколения заслоняет собственно активные группы, источники динамики: они в этом плане составляют другую, «вторую» традицию со своими источниками смыслов, каналами их передачи и т. д. Задачей дальнейших исследований становится выявление этих двух измерений общества и социального процесса — воспроизводства нормы (в том числе возрастной) и внесения динамики (как внутри возрастных классов, так и между ними).

В этом аспекте особый интерес для исследователя представляют маргинальные группы внутри поколений, отличающиеся от основной популяции по целому ряду фундаментальных характеристик (ценностные ориентации и т. д.). Рассмотрим такие возрастные образования на примере двух феноменов: так называемых «неформальных подростковых объединений» 70 — 80-х годов и так называемых «шестидесятников».

На первый взгляд, эти явления из разных смысловых рядов и их объединение в одном анализе говорит лишь об отсутствии у автора знаний формальной логики. Однако я беру на себя смелость пообещать читателю проникнуться одним весьма небанальным тезисом, если читатель расслабится и позволит автору повести его своим, особым маршрутом, в котором преимущество движения по прямой будет обменено на возможность узнать и понять нечто важное.

BACK IN THE USSR

Когда-то неподражаемые The Beatles поразили воображение наших соотечественников песней, которая вынесена в заголовок этого параграфа — «Назад в СССР». Поскольку ребята эти родились в славном городе Ливерпуле и на территории нашей бывшей великой Родины не наблюдались, то это было тогда воспринято двояко — и

как протянутая рука (что соответствует комплиментарному для нас тексту песни), и как ирония и издевка по отношению к стране, где рок-группы мимикрировали под аббревиатурой ВИА (вокально-инструментальный ансамбль), а сами The Beatles были почти вне закона...

И все же это гениальный привет из ноября 1968 г. (дата записи знаменитого Белого альбома с вышеназванной песней). Дело в том, что прокатившаяся в 1968 г. по Западу молодежная революция (можно: бунты, беспорядки, выступления) рано или поздно должна была возвратиться в СССР, что и произошло в конце 70-х — начале 80-х годов (наш латентный период реакции?).

В начале 80-х эксперты констатировали, что на территории бывшего СССР 20% всех учащихся подросткового возраста принадлежат к различным неформальным организациям. Характерным признаком неформалов, о чем мы будем подробно говорить в дальнейшем, независимо от предметного содержания их объединения, является стремление компенсировать недостатки общения, заложенные в традиционных структурах школы. При этом в массе своей неформальные объединения, являя собой некоторую оппозицию школьной жизни, альтернативу ее рутине и несовершенству, вовсе не являются асоциальными и не могут рассматриваться как сугубо негативное явление. Однако в данных заметках основное внимание будет уделено именно неблагополучной части неформального движения.

Несколько слов об истории неформального движения молодежи. В ней явственно просматриваются три основных этапа. Первый закончился приблизительно в середине семидесятых годов и может быть охарактеризован как предыстория неформальных объединений. По сути, мы имели дело с давно известным феноменом подростковых компаний, с присущей им типичной социально-психологической структурой (лидерами, «звездами», предпочитаемыми, отвергаемыми и «изгоями»). Здесь проходили определенные процессы социализации подрастающего человека через самоутверждение в качестве независимой от семьи и школы «взрослой» личности.

Это была специфическая форма общения, так называемое деятельное, или предметное, общение, описанное еще в шестидесятые годы психологами Д. Б. Элькониным и Т. В. Драгуновой. Проникновение заимствованных с Запада форм молодежной моды, вроде хиппи или бит ломании, видоизменяли характер общения подростков скорее на

атрибутивном, нежели на сущностном уровне.

С 1977 г., ознаменовавшегося появлением первой массовой неформальной подростковой общности — фанатов футбольной команды «Спартак», количество таких объединений стало стремительно возрастать, охватывая все более широкие слои школьников и учащихся ПТУ.

Особенностью этих движений стала постепенная замена предметной наполненности общения внешними признаками объединения (футбольный или хоккейный клуб, направление моды, музыкальный стиль). Многочисленные и разнообразные группы представляли собой относительно единое явление, совпадая по целям с традиционными компаниями, но отличаясь от них используемыми средствами.

Из общения подростков постепенно уходили предметность и рефлексивность, заменяясь на зрелищные формы досуга, которые стали выполнять для них функцию средств самоутверждения во взрослом мире.

Наконец, на современном этапе существования молодежных групп обращает на себя внимание та дифференциация, которая происходит в «неформальном мире». Часть групп политизируется, пытается принимать активное участие в общественной жизни. Другая, в силу своих сущностных особенностей, о которых будет сказано ниже, герметически закрыта для постороннего проникновения, а некоторые имеют тенденцию к слиянию с асоциальным и преступным миром.

Основным объектом нашего интереса станет, естественно, современное положение вещей. Не хотелось бы, однако, чтобы из поля зрения читателя ушло такое обстоятельство: общественное мнение по отношению к неформалам сложилось в основном на первом и особенно на втором этапе движения, а его социальные корни также находятся отнюдь не только в сегодняшнем дне.

Положение затрудняется еще и тем, что неформальные организации молодежи уже стали притчей во языцех благодаря усилиям прессы и других средств массовой информации. Броскость, яркость неформальных группировок и тесно примыкающей к ним проблематике рока резко поляризуют общественные настроения.

Чуть ли не признаком хорошего тона считается предавать молодежь и рок анафеме или, наоборот, заигрывать с неформалами. Но, сколько ни ищи, не найдешь какого-то «вируса неформальности», который проникает в юные души, порождая определенную

систему сознания и поведения. Столь же неумно, по старой привычке, видеть в молодежных явлениях лишь отрывку дурного влияния Запада, результат экспорта присущих ему нравов и настроений.

Истинную причину следует искать в ином: в социально-психологических реалиях жизни нашего общества, в характере современного включения молодого человека в систему общественных отношений.

Итак, что могут сказать психолог и социолог, вооруженные научным аппаратом и данными, о сути происходящего в подростковой и молодежной среде?

Прежде всего, психолог и социолог (а также педагог, юрист и т.д.) скажут, что у нас не только существует дефицит соответствующих исследований, но и, по сути, нет методологии изучения молодежных проблем. Очень долгое время общественные науки рассматривали путь развития личности по примитивной логике, видя в комсомольцах мини-коммунистов, в пионерах — мини-комсомольцев, в октябрятах — мини-пионеров, а в дошкольниках — мини-октябрят. Упоминание о конфликте поколения при социализме считалось крамолой, а все то, что не вписывалось в логику привычного истолкования процесса развития личности, объявлялось чужеродным и далее характеризовалось на языке печатной брани.

Надо проникнуться духом объективности и осознать очевидное, что, перефразируя известное высказывание Гегеля, каждое общество имеет ту молодежь, которую оно заслуживает. И дело не только в том, что часть нынешней молодежи не знает иных богов, кроме идолов рока, и иных способов самоутверждения, кроме мордобоя, но и в том, почему это происходит.

«Все смешалось в доме Облонских» (как было сказано в классическом произведении): неготовность науки (скажем так, помягче, чтобы не рубить с плеча, — неспособность) осмыслить молодежные проблемы «удивительным» образом совпала с неспособностью (здесь-то уже без реверансов) общества ответить в общем-то на простенький вопрос: какая молодежь нам нужна?

Среди парадоксов нынешнего воспитания принципиальным является следующий, который в корне меняет всю ситуацию взаимоотношений поколений, порождая необходимость перемен во многих педагогических установках.

Традиционно воспитательный процесс строился на принципах «воспроизведения

подобного». Воспитатель, обладающий преимуществом опыта, мог без затруднений прогнозировать основные моменты движения воспитуемого по жизненному пути, вплоть до подробностей. Общественная жизнь, производственный и бытовой уклад, психологический склад населения менялись медленно, и бытие смежных поколений было достаточно единообразно. Родители хорошо знали, с чем могут столкнуться в будущем — ближайшем или отдаленном — их дети, и готовили их к этому. «Мир отцов» и «мир детей» в чем-то различались, но в главных чертах сохраняли подобие. Родительское «я лучше тебя знаю, как надо» было неоспоримым для входящего в мир ребенка.

Сегодня и производственная и общественная жизнь не ориентирована на консервативное воспроизведение традиционных способов действия и поведения, а предполагает творческое участие.

Если новое поколение трудящихся подменяет старшее на остающихся неизменными технологических позициях, это означает, что в тех или иных областях производства наметился застой. И попытки воспитывать новое поколение как себе подобное теряют сегодня кредит доверия. В наше время, может быть как никогда раньше, важно воспитывать и учить детей с расчетом на перспективу.

Но что значит «воспитывать на перспективу»? Причем в современном обществе со столь сильно расшатанным ценностным миром?

То, что современное общество взрослых плохо представляет себе, какой оно хотело бы видеть современную молодежь, достаточно ясно. Четких представлений на этот счет нет и у самих молодых людей. Они говорят примерно так: «Мы не знаем, к чему идем, но мы точно знаем, от чего мы идем!» Этот звучный манифест легко получает внутреннее оправдание: достаточно ссылки на эпоху застоя и связанных с ней реалий нашей общественной, гражданской жизни. Однако конструктивность такой позиции достаточно мало. Впрочем, неформальные организации сложились как явление нашей жизни без претензии на конструктивное разрешение социальных проблем.

Но об этом чуть ниже.

О ПОДРОСТКОВЕДЕНИИ

Уже неоднократно цитировавшийся на этих страницах Паркинсон в свое время иронически заметил, что «подростковедение представляет собой изучение и анализ системы

ценностей, условностей, танцев, искусства, напитков и наркотиков, характерных для мира подростков». Эта изящная шутка, снимающая исходную напряженность взрослого взгляда на отрочество, увы, не избавляет от необходимости выяснить содержание этого самого подростковедения, ибо иначе не поймешь, чем научная позиция лучше обыденного взгляда на вещи.

Состояние нашей возрастной психологии вызывает серьезную озабоченность профессионалов. Дело не только в отставании от «мировых образцов», но и в известной разоруженности перед лицом новых фактов, изменений, происходящих в возрастной структуре общества. Казалось бы, по крайней мере в отношении детства и отрочества недостатка в количестве исследований нет. Но попытайтесь найти среди них такие, которые прямо корреспондируют современности!

Показательно, что и по сей день наиболее фундаментальной работой по психологии подростка остается книга Л. С. Выготского «Педология подростка», написанная на грани 20—30-х годов. Кстати, именно здесь мы находим наиболее трезвую исследовательскую рефлексию относительно уровня разработки проблемы (между прочим, весьма высокого и по нынешним меркам).

Л. С. Выготский, в частности, писал: «Подавляющее большинство наблюдений и фактических данных касательно переходного (подросткового.— *А. Т.*) возраста, которые легли в основу теории этого возраста, были все получены на подростке высших классов общества; рабочий подросток изучался лишь в незначительной степени, а крестьянский не изучался вовсе. Даже такие яркие представители западной психологии, как Шпрангер, пришли к сознанию невозможности построения общего учения о подростке вообще и стали сознательно ограничивать свою задачу исследованиями буржуазного подростка какой-нибудь одной определенной страны» (1929).

Надо сказать, что в 20-х — начале 30-х годов исследователи стремились поставить проблематику отрочества в социально-исторический и культурный контекст развития общества. Собирался фактический материал, активно разрабатывались теоретические концепции, но все было похоронено под обломками внушительного здания советской психологии после пресловутого постановления 1936 года. Вместе с «педологическими извращениями» из отечественной науки на годы исчезла традиция культурно-исторического и конкретно-социального подхода к проблемам развития личности.

Ученые, по понятным соображениям, стремились работать подальше от горячих социальных точек, лишь робкими мазками корректируя ту традиционную теорию отрочества, о которой упоминал Л. С. Выготский. Даже при наличии тонких лабораторных опытов и остроумных теоретических ходов академизм научных установок не мог заменить контекста реальной жизни. Так формировалось знание о полубуржуазном, полурабочем, полукрестьянском отрочестве, мало связанное с действительностью.

Отбросив социально-исторический контекст, исследователи обрекли себя на идейный вакуум, в котором трудно было рассчитывать на проникновение в смысл и значение отрочества в жизни человека.

Например, почему в примитивных культурах, как показала М. Мид, отрочество практически отсутствует? Почему подросток не был проблемой для феодальной Европы или, скажем, русской сельской общины? По каким причинам проблематика отрочества оказалась столь значимой для графа Л. Н. Толстого и стала уже мировоззренческим вопросом в разночинном Петербурге Ф. М. Достоевского? Какова связь судеб отрочества с промышленной революцией и процессом формирования западного гражданского общества (о чем писал и К. Маркс, и Ф. Энгельс)? Каково влияние на рассматриваемую проблему миграционных процессов, урбанизации и того «крестьянского водопада» (О.Лацис), который обрушился на советские города в 20-х и 50 — 60-х годах?

Даже бунт студентов и тинейджеров в 60-х годах на Западе, в корне изменивший отношение буржуазного общества к подрастающему поколению, что выразилось, в частности, в создании индустрии молодежных развлечений, мы недальновидно рассматривали только как еще одно свидетельство кризиса капитализма. Ученым казалось, что перечисленные и аналогичные им вопросы не находятся в прямой связи с типом подростка-школьника, преимущественно московского, ленинградского или из другого крупного города, который составлял основной объект наблюдений наших психологов. И надо сказать, такая узость кругозора до поры до времени вполне соответствовала нетребовательности общественного спроса.

Сейчас мы располагаем лишь весьма абстрактной, лишенной исторических и социальных признаков, даже признаков половых, моделью психологического возраста, сохраняющей удивительную «объяснительную силу» как применительно к гимназисту начала века, так и к московскому школьнику наших дней. Недаром у нас так любят

порассуждать о вневременных характеристиках отрочества, забывая, что имеют дело с весьма коварным историческим феноменом.

Нравится нам это или нет, но приходится считаться с тем, что подросток — явление скорее городское, чем сельское, скорее социальный статус, нежели возрастное качество. Для основной же массы населения России подросток был «дитя на подросте» (В.Даль), а «отрок» — «от реки», то есть не имеющий права говорить. Коли дитя — играй, хоть вплоть до женитьбы, как фонвизинский недоросль, коли можешь работать — впрягайся да помалкивай до времени. Вот и вся психология.

Другое дело в современной городской культуре, которая нынче у нас господствует, где семейные молитвы сменились семейными шутками, а «Винни Пух» занял место Ветхого завета (Паркинсон). Здесь впервые сложилась благоприятная почва для массовой подростковой субкультуры, появились четкие линии, ограничивающие подростковый мир от мира детей и мира взрослых.

Если для рабочего подростка 20-х годов или его сельского сверстника детство быстро сменялось трудовой деятельностью и учением, то для нашего юного современника, как мы знаем, и учение не является основной деятельностью. В процессе развития личности образуется зазор между такими его функциональными областями, какими являются игра и учение детей и труд взрослых. Этот зазор и заполняется особой формой общения подростков, выполняющей ряд специфических функций.

Отметим ниже ряд принципиальных положений, необходимых для понимания современного отрочества.

Первое связано с миграционными процессами, в частности с миграцией сельского населения в город, которая с 20-х годов носит массовый характер. Массовый исход крестьянских детей в город, некогда пришпоренный коллективизацией, не ослабевает и по сей день, умножая число осиротевших деревень со средним предпенсионным возрастом жителей, плодя ряды, лимитчиков и пэтэушников, горожан в первом поколении. (Забегая вперед, заметим, что в некоторых группах неформалов основной контингент составляют вчерашние сельские выходцы.)

Второе. Последние два десятилетия жизни нашего общества отмечены тектоническими расслоениями на сословно-имущественных основах, которые начались еще задолго до перестройки и тем более нынешних времен, в этом плане абсолютно

откровенных, если не сказать бесстыжих. Образование герметических групп, хранящих свою оболочку, в том числе в школьных классах, — также важный момент современного бытия. В период, когда в обществе господствуют корпоративные настроения, когда процветают научные кланы, производственные и управленческие мафии, различные секты «по интересам», когда прищипывается социально-психологический механизм деления на «мы» и «они», вполне логичным и даже закономерным видится поиск подрастающим поколением своих возрастных общностей, моделирующих окружающую жизнь.

Не случайно, пройдя период своего «внутриутробного» созревания в конце 60-х — начале 70-х годов, неформальное движение в молодежной среде резко стартовало в конце 70-х, набирая темп уже в тот период, когда маски были сорваны и разделившееся общество цинично и откровенно поставило корпоративный интерес во главу угла индивидуального самосохранения.

Третье. Неформальное движение ощущало и ощущает на себе постоянное давление «внешних сил»: милиции, семьи, школы, прессы.

Надо сказать, что и первое, и второе, и третье, и многое другое начисто выпало из внимания нашей возрастной психологии. С болью отмечу: трудно представить себе что-то более жалкое, чем психолог семидесятых, пытающийся с помощью устаревшего научного аппарата объяснить явления современного подросткового поведения и сознания.

Справедливости ради надо признать, что отечественное подростковедение во многом разделило судьбы всего нашего обществоведения. Нечувствительность к структурным сдвигам в общественном сознании и поведении привела к тому, что и то ценное, что было открыто и зафиксировано исследователями, практически не получило должного развития и оформления. И сегодня мы часто вынуждены обращаться за подсказками к иностранным авторам, чтобы хоть как-то компенсировать собственную нерадивость.

Большой вред исследователям молодежной субкультуры нанесли идеологические спекуляции о якобы отсутствии конфликта поколений в социалистическом обществе. Этот конфликт, причем в довольно острой форме, буквально ворвался в нашу жизнь вместе с наркоманией, проституцией, теневой экономикой и прочими явлениями, наличие которых многими тщательно замалчивалось.

Сегодня даже милиция не всегда оказывается способной ввести в социально приемлемые рамки молодежные нравы. Кровавые столкновения стали чуть ли не нормой.

Взрослые публично признают, что потеряли всяческое влияние на массы подростков. Общественное мнение испытывает нескрываемый ужас перед экспансией рока и эпатажем молодежной моды. Другими словами, мы пожинаем плоды не критического отношения к лозунгам, подменявшим действительное желаемым. Ситуация апеллирует к совести исследователя, побуждая его быть максимально ответственным.

Подведем неутешительные итоги. Тщательно выстроганный и вбитый до упора клин между жизнью и абстрактными построениями превратил наше подростковедение в разновидность ученого мракобесия, когда то, что писалось в учебниках психологии и педагогики, выглядело не более как пародия на реальность. Отроки и отроковицы все менее напоминали шпангеровскую картинку, и их начали проклинать за инфантилизм и хулиганство, тунеядство и идолопоклонничество. При этом, продолжая игнорировать фактическую безальтернативность такого положения, порожденного трудностями адаптации к городской жизни сельских жителей, навязчивыми образцами расхожего «умения жить», закрытостью рефлексивной культуры для целых слоев общества и, напротив, экспансией «маскульта».

Отрочество, согласно психологической традиции, рассматривается как «второе рождение личности». Как новорожденный, шокированный звуками и светом этого мира, пытается найти в нем опору с помощью отца и матери, близких взрослых, так и подросток, которому еще предстоит адаптироваться к перевернутой картинке мира и цветному зрению, нуждается в эмоциональной общности с другими представителями человеческого рода. И не его вина, что он находит то, что ищет, чаще всего далеко за рамками подлинных образцов культуры.

Прежде всего он встречает искомое в кругу сверстников, но получает вожденную пайку общения с определенной идейной начинкой в виде сознания, которое позволяет ему хоть как-то вычленив себя из окружающего мира. Сознание это весьма специфично, и нам предстоит на последующих страницах рассмотреть его внимательнее.

Однако сейчас мы должны закончить рассказ о тех основных характеристиках социальной жизни недавних лет, которые послужили питательной средой для неформального движения.

В середине 70-х годов у нас начал складываться дефицит малоквалифицированных и конвейерных рабочих — основы основ экстенсивной экономики. Черненко-алиевская

реформа школы 1984 года недвусмысленно повернула эту проблему в сторону подрастающего поколения. Фактически была выдвинута программа понижения возрастного ценза профессионального обучения, прикрытая лозунгами улучшения трудового воспитания.

В этой связи уместно привести слова В. И. Ленина, который по поводу аналогичных действий писал в статье «О работе Наркомпроса»: «Если мы вынуждены временно понизить возраст (перехода от общего политехнического к профессионально-политехническому образованию. — *А. Т.*) с 17 лет до 15, то «партия должна рассматривать» это понижение возрастной нормы «исключительно» (пункт 1-й директив ЦК) как практическую необходимость, как временную меру, вызванную «нищетой и разорением страны». Общие рассуждения с потугами «обосновать» подобное понижение представляют из себя сплошной вздор».

Недоданное в умственном развитии сказалось на качестве подростковой рефлексии, повлекло распространение компенсаторных форм самосознания и самоутверждения. И без того неясный социальный статус подростка стал откровенно двусмысленным. С одной стороны, его фактически вынуждали заниматься профессиональным самоопределением в момент, когда он еще не был готов это сделать, когда у него еще не сложился жизненный план. С другой стороны, сам этот «выбор» оказался предопределенным «конкурсом родителей», порождая ощущение социальной несправедливости и одновременно подстегивая тенденции корпоративной жизни.

Различие социальных возможностей привело к тому, что сегодня подростковый мир оказался расколотым на две большие группы.

Одна демонстрирует достаточно высокий уровень интеллектуального и личностного развития, ориентируется на культурные образцы взрослого мира и во многом продолжает традиции отрочества, сложившиеся в середине века.

Другая, гораздо более многочисленная, тяготеет к культу грубой физической силы, отличается формами поведения и сознания, которые требуют специального описания и анализа. Именно о неформальных группах, тяготеющих к этому типу, и пойдет в основном речь в дальнейшем.

ПОЧЕМУ ОНИ УХОДЯТ?

В продолжение предыдущего сюжета хотелось бы остановиться кратко на вопросе; который является одним из частных следствий нарисованной выше картины, а с другой стороны — самостоятельной и очень актуальной проблемой нынешней школы.

В нашей школе распространилась пандемия новой отроческой хвори, еще мало понятой и изученной: в год сотни тысяч подростков отказываются от продолжения обучения в десятом классе и уходят после девятого, благо, по современным законам, у них есть на то право.

Чтобы лучше понять происходящее сегодня, вернемся в нашу недалекую историю.

В конце пятидесятых была законодательно закреплена обязательность для всех граждан неполного среднего образования (8-летнего). При этом практически каждый желающий без каких бы то ни было дополнительных квалификационных экзаменов мог продолжить обучение в старших классах школы и получить полное среднее образование. Не желающих остаться в школе, естественно, никто силой не удерживал. При этом мотивы ухода из школы после окончания 8-го класса были, как правило, экономического характера, когда необходимость зарабатывать деньги для себя и для семьи заставляла учащегося уходить на производство, в школу ФЗО, в училище и т. п.

В середине семидесятых наша страна перешла к всеобщему обязательному среднему образованию, о чем торжественно было объявлено на очередном съезде КПСС как об историческом завоевании. Кстати, так оно и было: обязательность десятилетнего школьного обучения привела к тому, что для целых возрастных когорт — нескольких миллионов сограждан — стало возможно полноценное юношеское развитие. Нельзя не отметить, что это законодательное решение было принято в те годы, когда молодым оказалось сравнительно малолюдное поколение (как известно, население нашей страны имеет ярко выраженное волнообразное возрастное строение: в нем постоянно чередуются мало- и многолюдные поколения), и создалось, отчасти иллюзорное, впечатление о возможности действительно обеспечить всем условия для полноценного обучения и развития в юношеские годы.

Очень скоро, однако, начал складываться дефицит малоквалифицированных и конвейерных рабочих. Как уже отмечалось, реформа школы 1984 года без формальной отмены всеобщего среднего образования фактически выдвинула программу понижения возрастного ценза профессионального обучения, прикрывая ее лозунгами улучшения

трудового воспитания. По сути, это было плохо скрываемым подключением к труду в промышленности и сельском хозяйстве миллионов подростков в ущерб задачам обучения и воспитания. В результате одно из величайших завоеваний цивилизации — право человека на умственное, физическое, культурное развитие — было в значительной степени урезано для массы подростков, что не могло не привести к снижению интеллектуального и культурного уровня подрастающего поколения. И без того неясный социальный статус подростка стал откровенно двусмысленным.

Так закладывалась, подобно mine замедленного действия, основа под новейшую социальную ситуацию отрочества, достроенную ныне под влиянием факторов социальной нестабильности, смены ценностных ориентации, новых — рыночных и квазирыночных — мотивов поведения. Как результат, сегодня выясняется, что в массе взрослеющие отроки и отроковицы не жаждут учиться, а государство в лице школы не очень-то настаивает на пресловутом лозунге: учиться, учиться, учиться! Кстати, только очень наивные люди думают, что спортсмены любят тренироваться, рабочие — работать, а учащиеся — учиться: любая человеческая деятельность должна быть фундаментально мотивирована, чтобы включились волевые механизмы усилия. А если учитывать, что престиж образования в детском развитии неуклонно снижается, то отсутствие у школьников желания продолжать обучение выглядит едва ли не естественным.

Для более конкретного выяснения сути проблемы я с группой сотрудников провел в 1994 г. социологическое исследование. Респондентами стали учащиеся 9—11 классов г. Жуковский (Московская область) и их родители. Реально в опросе приняли участие 802 человека, годных для обработки анкет оказалось 774. Хотя понятно, что полученные результаты не могут быть буквально распространены на все города и поселки страны, все же есть достаточные основания оценивать обнаруженные тенденции как показательные для сегодняшней образовательной ситуации.

Вот наиболее характерные данные.

Три четверти опрошенных девятиклассников хотят продолжить образование в школе. Это говорит о том, как велика инерция представления о детстве и отрочестве как о Школьном детстве и школьном отрочестве (один знакомый академик в шутку называет это «десять лет строгого режима»). Как мы видим, и сами подростки согласны с мнением, что «им место в школе». Однако уже каждый пятый десятиклассник

недоволен своим выбором в пользу обучения в Школе, а каждый десятый не повторил бы этого выбора. При этом оказывается, что недовольные своим выбором в большинстве своем поступили так по совету родителей или по примеру знакомых. У тех же, кто в первую очередь ориентировался на собственные увлечения и интересы, удовлетворенность сделанным выбором наиболее высока. Во всех случаях отмечена низкая роль влияния школы на выбор дальнейшего жизненного пути (советы учителей и рекомендации классного руководителя занимают 8 — 10-ранговые места из 10 рассматривавшихся).

Практически все подростки, обучающиеся на «4» и «5», намереваются продолжать обучение в десятом классе; 68% обучающихся в основном на «3» и 31% вообще имеющих тройки не склонны к дальнейшему обучению в школе. Столь же велика зависимость от успеваемости и удовлетворенность от обучения в старших классах: среди троечников до 60% тех, кто полностью или частично не удовлетворен своим выбором продолжить обучение в 10-м классе, тогда как среди успевающих без троек таковых практически нет. Другими словами, прослеживается еще одна традиционная функция нашей школы — подготовка учащихся (из числа первых) для поступления в вуз.

Анализ жизненных планов подростков показал, что 3% подростков предпочли бы вообще не работать ни после девятого класса, ни в последующие периоды жизни. Ни один человек (0%!) не выразил намерения пойти после девятого класса работать на производство. При этом очень резко упал престиж статуса рабочего — практически никто из подростков и их родителей не ориентирован на получение рабочих профессий; упал престиж и научной работы, особенно среди подростков — на этот вид деятельности нацелены лишь 4% подростков и 8% их родителей; упало доверие к бюджетной сфере — на работу в коммерческих фирмах ориентировано в 7 раз больше родителей девятиклассников и в 4 раза больше родителей учащихся 10—11 классов, чем на работу в государственных учреждениях.

Практически половина респондентов отмечает, что, по их мнению, положение в обществе и место в жизни сегодня никак не связаны с уровнем образования. Кстати, они правы: наше общество (в отличие от западного) по-прежнему презирует квалифицированный труд, в чем можно убедиться, если сравнить заработки врача и охранника, учителя и продавца, ученого и официанта. Впрочем, здесь и сравнивать нечего: «мозги», «серое вещество общества», на нынешней ярмарке рабочей силы идут по цене

субпродуктов, за мускулы (во всем их мясном

разнообразии) желающих платить вдоволь. Да простит мне читатель этот навеянный мясной лавкой образ, но он грубо отражает некоторую объективную реальность сегодняшнего бытия, данную нам в ощущениях, пропущенную через сознание и выраженную в умонастроениях людей. Если раньше любой отец на знаменитое «не хочу учиться» снимал ремень и объяснял, как правильно, то теперь этому отцу впору задуматься: а может, и верно? («Чай, не Сорбонна», — говаривала одна старушка, мотивируя нежелание пускать внучку в школу.)

Положив на весы опыт психологических знаний, можно твердо сказать нашему воображаемому отцу — не верно! Чем дольше длится процесс развития личности в условиях обучения, тем больше шансов для самореализации получает человек, тем выше вероятность крупных достижений, тем масштабнее будет взрослая личность. Лишая себя, в угоду сиюминутному достатку, получению личных доходов в отрочестве, человек во много закрывает для себя путь развития, получения высшего образования, высокой технологической квалификации. С гуманистической точки зрения — это потеря и для общества, и для самого человека. Рассуждая житейски — ничего особенного не происходит: «не всем же быть Эйнштейнами» — вот слабейшие и сходят с дистанции пораньше. Строго же говоря, мы наблюдаем процесс намеченного, не без усилий наших последних коммунистических правителей, многопланового расслоения нашего общества затронувшего и мир детства и отрочества. Понятно, что те, кто уходит, и те, которые остаются, получают весьма различные уроки. Жизнь учит и формирует иначе, чем школа. И не окажутся ли бывшие однокашники в недалеком времени людьми разной ориентации, культуры, политических пристрастий?

До недавнего времени потребность в самоутверждении как независимой и «взрослой» личности через компанию сверстников была достоянием многих подростков. Сегодня их круг существенно сужается.

Недостаточный интеллектуальный и культурный уровень, мешающий сосредоточиться, углубиться в знания, книги, фантазии; дурной пример для подражания взрослой жизни, основанной на корпоративности; коммуникативный голод и анонимность городского общения, а самое главное — отсутствие свободы выбора, альтернативы присоединения к неформальной общности неотвратимо определяют путь подростка.

Выходя за пределы очерченной взрослыми «детской площадки» (дом, школа и пр.), он оказывается на плотно заселенной территории подростковых групп. Невиданная ранее тотальность несвободы подростка заключается в том, что, уходя от несвободы семьи и школы, он попадает в несвободу неформальной организации. Даже сам выбор неформальной группы не является сугубой прерогативой подростка. Чаще всего он примыкает к уже сложившейся группе, в основном по территориальному признаку. «Зазор» между группировками настолько невелик, что для большинства подростков просто не остается альтернативы, кроме как смириться с тем, что он с завтрашнего дня «панк» или «скейтбордист».

Тотальная несвобода от окружения — вот характерная особенность современного отрочества. Вторая — беспредметность общения. «Предмет», вокруг которого объединяются подростки, выполняет практически «тотемическую» функцию. Рок-музыка, футбол, мода и прочее являются лишь поводом для определенного типа общения. Специалистов обычно поражает то обстоятельство, что футбольные фанаты в массе не разбираются в азах футбола, «рокеры», различая этикетки солистов и групп, вовсе не меломаны и музыкально безграмотны, и т. д. На самом деле тут нет ничего удивительного, ибо и футбол, и музыка, как и прочие предметы, лишь помогают различать «свою» общность.

Гораздо важнее предмета общения оказывается всевозможная атрибутика и символика. Она выполняет роль наглядно-чувственной картины ритуала, который организует группа вокруг какого-либо занятия. Последнее связано с некоторыми особенностями того типа сознания, который оказывается единственно приемлемым в жизни подростковой группировки.

Фактически иначе, чем через «мы» неформальной общности, подросток никак не представлен в своем сознании. Лишь подчиняясь ритуалу жизни неформальной группы, некоторым нормам поведения общения, заменяющим ему реальный язык жизни, подросток оказывается способным вычленив себя из временного и пространственного континуума. По сути, каждый из участников группировки существует не как отдельный индивид, а лишь как «маска» общности, как «роль», способ действия, предписанный «маске». Реальное воспроизводство ритуала общения является сущностью неформальной группы такого типа.

Неформальная группа воспринимает себя как островок в океане враждебно

настроенного окружающего мира. Эта ситуация чисто внешне напоминает коллизию, описанную С. Лемом в «Солярисе». На поверку же здесь абсолютно иное, напоминающее мифологическое, сознание и, по всей вероятности, представляющее собой его современную разновидность.

АПОЛОГИЯ ЗРЕЛИЩА

Важным механизмом, позволяющим поддерживать такое состояние сознания, является зрелищное общение. Поскольку подростковое общение беспредметно, оно является подчеркнуто эмоциональным. Чтобы достигнуть эмоциональной близости, и используется зрелищное общение, а именно такой процесс взаимодействия и взаимовлияния участников определенного публичного действия, в котором главное место занимают аудиовизуальные компоненты («совокупность видимого и слышимого»), организующие восприятие определенным образом, вызывая сильное эмоциональное переживание, обостренное чувство общности, причастности к группе.

Однако предмет этот — зрелищное общение — настолько интересен и важен, что не стоит о нем говорить скороговоркой. Остановимся на нем поподробнее. Тем более что к этому побуждает нас и реальность современного отрочества, в котором много зрелищных форм.

На вопрос, что такое зрелище, словари предпочитают отвечать путем перечисления его исторических форм. Так, в «Энциклопедии» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона мы читаем: «К публичным зрелищам и увеселениям относятся: представления, концерты, балы и маскарады во всех театрах, как императорских, так и частных, в цирках, клубах, садах и вообще во всякого рода общественных местах, выставки (за исключением сельскохозяйственных и устраиваемых с научными целями) и базары с музыкой, частные музеи, литературные и музыкальные утра и вечера, живые картины, скачки, бега, гонки, зверинцы, стрельбища, карусели, качели и т. п.».

Даже если из этого внушительного списка вычеркнуть то, что исторически устарело, и оставшегося будет достаточно для уточнения сути дела: получается, что зрелища — это все «что рассматриваем, на что глядим внимательно», — так решает вопрос В. И. Даль. Своего рода «интернациональный» каталог такого перечислительного определения зрелища дал в свое время Ф. Шиллер, называя лондонские скачки, бой быков в Мадриде,

спектакли в Париже, травлю зверей в Вене, веселое оживление римского Корсо. Вообще-то и на основании чисто эмпирических перечислительных определений можно создать себе представление о том, что такое зрелище, но понять — вряд ли. Слишком разнообразен и многолик калейдоскоп форм зрелища, слишком неясен принцип их объединения под общей вывеской. Видимо, дифференциация явления лежит отнюдь не в плоскости его конкретных разновидностей — к этому мы еще придем.

Но, чтобы обратиться к обсуждению вопроса во всеоружии, надо понять неслучайный факт сравнительно малого интереса к феномену зрелища в течение предыдущих нескольких веков (заметьте: определения Шиллера, Даля, Брокгауза и Ефрона относятся к прошлому веку), столь контрастирующий с большим интересом к зрелищам в далеком прошлом и в наши дни. Думается, что обсуждение этого исторического вопроса имеет прямое отношение к самым современным и актуальным проблемам педагогической психологии, что мы и постараемся показать.

Наша обыденная жизнь — такова уж ее природа — изрядно внеисторична. В нашем, по-своему комфортном и цивилизованном, конце XX столетия мы не часто думаем о том, что люди раньше жили иначе. Какое нам дело до загадочных первобытных ритуалов, «странных» порядков жизни общины, средневековых обрядов и народных праздников? Так, «этнографический интерес», не более, сюжет для кино, канва приключенческой книги! Мы часто не даем себе труда задуматься над тем, что, по сути своей, наша теперешняя жизнь есть перестроенная старая — и в этом смысле ее продолжение; и очень многое из того, что мы привыкли считать собственным изобретением, достоянием нашего века, на самом деле имеет глубокие корни в нашей истории.

Человек, как известно, существо общественное, коллективное. «Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместного с другими людьми, проявления жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни» (К.Маркс, Ф.Энгельс).

Тем самым человек фактически обречен на необходимость вступать в общение с себе подобными. Человек производит средства своего существования коллективно, в общении; без общения он не способен воспроизводить свой род, культуру, производить духовные ценности. В известном смысле, «общение» — категория универсальная; таковой она по сути и выступает в современной науке.

Для общения люди используют разные средства — орудия и знаки. Своеобразным знаком общения является коллективно создаваемый образ человеческой деятельности как момент духовного производства. Вся ритуальная и обрядовая деятельность первобытных народов насыщена такого рода действиями. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать «Первобытную культуру» Э. Тейлора или «Золотую ветвь» Дж. Дж. Фрезера. Первобытные люди жили бедно и голодно, но они не позволяли

себе бедности и голода духовного. Когда читаешь записки этнографов и антропологов, описывающих ритуальные действия жителей первобытной общины, то не можешь отделаться от впечатления, что перед тобой странный вариант театра, в котором все одновременно и актеры, и зрители. Может быть, наше сравнение и покажется слишком смелым, но такова же, по сути своей, современная дискотека, в которой каждый ее участник одновременно и актер, и зритель.

Итальянский эстетик А. Банфи замечает: «Поначалу социальность в своей совокупности может быть зрелищем самим по себе, и таким оно оказывается тогда, когда освобождается как от внутренних иерархических расслоений, требующих от него практической функциональности, так и от фрагментарности и обособленности индивидуальной деятельности, иными словами, когда оно предстает единым в своей свободе, богатстве, разнообразии отношений, т. е. в развлечениях, в празднествах».

Древнегреческие вакханалии, древнеримские сатурналии, средневековые карнавалы и т. д. и т. п. В каждом из этих мероприятий наших предков каждый зритель становился участником, а каждый участник — зрителем. Представители общины — первобытной, античной, средневековой — удивительно сходятся в стремлении периодически воссоздать на своих праздниках своеобразные картины, живописующие зрелище человеческого духа. В чем тут дело? В единстве тех психологических механизмов, а точнее — в общности тех функций, которые способно выполнять зрелищное общение в общине (группе, построенной на принципах общинной жизни — той же неформальной).

Первой такой функцией была и остается суггестия (внушение), агрессивная в своей навязчивости тенденция к воздействию на психофизиологическую организацию человека мощными, ударными дозами впечатлений. Древние были очень хорошими социальными психологами, пускай и мыслящими интуитивно. Они знали, что коллективное восприятие характеризуется тем, что индивидуальные психологические особенности здесь

вытесняются. Диапазон отклонений, характеризующих поведение индивида в группе, в отличие от его поведения наедине с самим собой, достаточно велик и колеблется в зависимости от конкретных особенностей той ситуации и тех групповых отношений, в контекст которых вписывается персональное поведение и ориентация. Иными словами, можно заметить различия в том, как меняется степень и характер реакции человека на происходящее в зависимости от того, находится ли он на митинге, на концерте, в театре или наблюдает спортивное состязание на стадионе. Историк и социальный психолог Б. Ф. Поршнев в своих работах убедительно показал, что в группе человек во много раз более внушаем, нежели тогда, когда он один (на этом основаны, в частности, функции хора в древнегреческой трагедии): «Хор была та кучка наиболее нервных, восприимчивых зрителей, которые заражались первыми, свои чувства выражали замечаниями, криками и суждениями и, принимая как бы активное участие в представлении, передавали свое настроение, свою оргию зрителям. Таково происхождение хора древнегреческой трагедии», т.е. он выполнял в первую очередь суггестивные функции.

Эта суггестивная сила зрелища во многом основывалась на фундаментальной потребности человека в эмоциональном общении, в эмоциональном общественном контакте. Потребность эта, закладываемая в раннем онтогенезе, в процессе непосредственно-эмоционального общения матери и ребенка, сохраняется у него на протяжении жизни и требует своего удовлетворения. Так, человеку часто личностно важно, чтобы его чувства были созвучны чувствам другого человека (это хорошо проявляется в феномене потребности во взаимности, в любви, например). Зрелищное общение позволяет человеку в непосредственно-эмоциональной форме причаститься к своей общности, почувствовать свою защищенность. На этом, в частности, основан феномен подростковых объединений, когда ребята сбиваются в стайки, пугая взрослых своим эмоциональным единством, за которым чувствуется нешуточная сила. История культурной революции в Китае и движения хунвейбинов хорошо продемонстрировала, каков социальный потенциал этого импульса, насколько разрушительным он может стать, если выходит из-под контроля или, что еще хуже, становится в оппозицию к общественным ценностям.

Другая функция зрелищного общения еще более фундаментальна в том смысле, что затрагивает глубинные пласты психологической организации личности. Дело в том, что в

структуре зрелищного общения ярко выступает момент оппозиционности общения — как противопоставление «мы» и «они». Сплошное аморфное единство общества нежизнеспособно без его искусственного расчленения на соперничающие, соревнующиеся группы. Приведем пример.

Известно: в древнеримском цирке одновременно состязались четыре колесницы, каждой из которых соответствовало определенное товарищество на трибунах — поставщики колесниц:

красные, белые, зеленые, голубые. Соответственно этим цветам и распределялись «болельщики», причем разделение это выходило далеко за рамки личных симпатий и антипатий, вроде нашего «боления» за «Спартак» или «Черноморец», — оно носило характер важного механизма функционирования Римской империи. «Возьмут перевес зеленые, и часть народа приходит в уныние; повернется счастье на сторону голубых, другая часть народа досадует; нет от этого ни для кого ни выгоды, ни вреда, а между тем они то приходят в бешеный восторг, то погружаются в глубокую скорбь; из-за мелочей идет такой спор, как будто отечеству угрожает опасность. Игры цирка подрывали строгость нравов, порождали пустейшие споры, уничтожали чувство справедливости и служили неисчерпаемым источником всевозможных дразг и раздоров» (Л. Фридлендер). Пресловутое «Хлеба и зрелищ!» было для римлян всепоглощающим: «Кто бы ни управлял миром, Нерон или Марк Аврелий, спокойно ли процветала империя или раздиралась мятежами и междоусобицами, угрожали ли пределам ее варвары или римские войска одерживали над ними победы, в Риме и высшие и низшие, свободные и рабы, мужчины и женщины постоянно были заняты одним вопросом: кто одержит победу — голубые или зеленые?» (Л. Фридлендер). На первый взгляд, такое расщепление народа представляется неразумным и вредным, однако оно имело серьезный смысл: позволяло достичь эмоциональной разрядки, тренировало дрябнувшие мышцы римской агрессивности, столь необходимой для ведения захватнических войн, мы уже не говорим о явном классово-политическом значении такого разделения. Оппозиционность в структуре зрелища питала не только цирк и стадион, но и театр, другие формы увеселений римлян.

Если вернуться еще раз на несколько веков раньше — в эпоху расцвета древнегреческой культуры, немыслимой без древнегреческого театра с его великой трагедией, — то и там мы находим столь же отчетливую тягу к оппозиционности

зрелищного общения. Причем, в отличие от изрядно разложившихся римлян на грани эр, древние греки могли черпать из оппозиционности театрального зрелища серьезный нравственный, воспитательный потенциал. Трагедия выносила социальные и политические конфликты на подмостки, в идеальную сферу и, трактуя общественные и культурные страсти как оппозицию добра и зла, содействовала улучшению нравов.

Зрелищная культура древности, античности и средневековья выполняла и еще одну важную функцию, также основанную на ОППОЗИЦИОННОСТИ: верха — низа, богатства — бедности, серьезного — смешного и т.д. Это великолепно показал в своих работах М. М. Бахтин. Зрелищное общение, например в виде карнавалов, позволяло иначе увидеть общественную жизнь путем ее пародирования, вышучивания. Игровое по своей природе, зрелищное общение людей во время карнавала позволяло примеривать различные маски, играть любые социальные роли. Это был прекрасный социально-психологический тренинг для наших предков, позволявший им переносить нешуточные будни ранних эпох развития общества. Значение таких зрелищных форм общения, составлявших основу смеховой народной культуры, показывает хотя бы такой факт, что шутовские забавы порой встраивались непосредственно в богослужение и тут же, в церкви, в него включались и миряне, и клирики, и профессиональные шуты. «Для правильного понимания проблемы карнавализации следует отрешиться от упрощенного понимания карнавала в духе маскарадной линии нового времени и тем более от прошлого богемного его понимания. Карнавал — это великое всенародное мироощущение прошлых тысячелетий. Это мироощущение, освобождающее от страха, максимально приближающее мир к человеку и человека к человеку (все вовлекаются в зону вольного, фамильярного контакта), с его радостью превращений и веселой относительностью, противостоит только односторонней и хмурой официальной серьезности, порожденной страхом, догматической, враждебной становлению и смене, стремящейся абсолютизировать данное состояние бытия и общественного строя. Именно от такой серьезности и освобождало карнавальное мироощущение. Но в нем нет ни грана нигилизма, нет, конечно, и ни грана пустого легкомыслия и пошлого богемного индивидуализма» (М. М. Бахтин).

Таким образом, мы видим, что зрелище представляло собой особую форму общения, целью которого было спровоцировать, вызвать в максимально яркой, обнаженной форме

эмоции людей путем концентрирования их в замкнутом, сравнительно небольшом пространстве (театр, стадион, цирк), доведения их эмоции до апогея через мимику, пантомиму, моторику и взаимное внушение зрителей и затем снять это напряжение посредством своеобразной разрядки чувств, уравнивающей человека с самим собой и миром и поднимающей его до уровня высших чувств.

Основные механизмы зрелищного общения людей относятся к тому моменту истории, когда это общение было неразрывно связано с определенной общностью людей, было их непосредственным общением — «лицом к лицу». Но и здесь мы уже замечаем тенденцию, прогрессирующую в истории, к отделению зрелищного общения от общности (общины), которое идет через развитие его опосредованных форм. Зрелищное общение все более и более становится формой искусственного общения — общения посредством определенной профессионально организованной формы.

Средства зрелищного общения непрерывно развиваются, но само оно неумолимо отдаляется от непосредственной общности людей, самоустраняется из общественной жизни. Низшей точкой падения интереса к зрелищной культуре знаменуется XVIII в. Философ и искусствовед Г. Лессинг пишет: «Отчего происходит эта разница во вкусах (древних и его современников. — *А. Т.*), если не от того, что греки при представлениях воодушевлялись столь сильными, столь необычайными чувствами, что не могли дожидаться той минуты, когда снова будут испытывать их? Мы, напротив, выносим из театра такие слабые впечатления, что редко считаем посещение его стоящим траты времени и денег. Мы, почти все и почти всегда, идем в театр из любопытства, ради моды, от скуки, ради общества, желаем на других посмотреть и себя показать, и лишь немногие идут с другой целью, да и то редко». Немецкий просветитель, кажется, подводит черту под определенным этапом развития зрительской культуры, уступающей место культуре умозрительной. Зрелище безнадежно отступает под напором искусства, рассчитанного на индивидуальное потребление. На передний план выходит Его Величество Роман, с могущественным влиянием которого ни в XVIII, ни в XIX в. не дано конкурировать никакому другому виду искусства, разве что лирике.

Этот процесс, конечно же, подчиняется более широким закономерностям общественной жизни. В нем явно слышатся отголоски развивающегося капитализма с его культом частной собственности, эгоистических интересов и принципиальным

индивидуализмом. «В ледяной воде эгоистического расчета потопила она (буржуазия. — А. Т.) священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности» (К.Маркс, Ф.Энгельс). Известно, что капитализм враждебен народной культуре, тяготеющей к зрелищной фактуре. Именно на его счет следует отнести радикальный факт отделения зрелищного общения от реальной общности людей, противопоставления его людям в виде специально организованного зрелища. Однако приспособление зрелища к интересам чистогана, приручение его денежным мешком происходит уже в эпоху империализма, с началом бурного подъема народного движения, его революционными устремлениями. В этих условиях зрелище начинает выполнять удивительные функции, рекламы например. С бурным развитием городов (урбанизацией), окончательным разрушением и городской, и сельской общины, увеличением разобщенности индивидов возникает необходимость поиска новых коммуникационных возможностей. Продукция, рассчитанная на культурно-индивидуальное потребление (книга, например), уже явно не справляется с функцией посредника тысяч людей, тяготящихся своим одиночеством. И здесь как нельзя кстати оказывается отодвинутая временно на второй план культуры стихия зрелищности, возрождающаяся к жизни в новой форме, на новом витке, питаемая экспансией средств массовой коммуникации и информации. Зрелище приходит сначала в кинотеатр, упакованное в нитроцеллюлозную рамку кадра, вырывается на простор огромных эстрадных площадок — стадионов, наконец входит в наше жилище светящейся трубкой телевизионного кинескопа. И при этих чисто технических возможностях зрелищное общение оказывается способным выполнять все те же функции, о которых мы пытались рассказать выше.

ОДИНОКАЯ ТОЛПА

Вернемся, однако, к нашему непосредственному предмету изучения — неформальным подросткам. Элементы зрелищного общения присутствуют практически во всех феноменах, отличающих быт неформальных групп. Агрессивно настроенное по отношению к любому внутреннему сосредоточению, к рефлексивности вообще, зрелищное общение посредством чисто суггестивных приемов, связанных с воздействием на психофизическую организацию ударными дозами впечатлений, внушает факт эмоциональной близости, защищенности.

Этому подчинены весь антураж рок-концерта или аура дискотеки. Запредельно

форсированный звук выбирает в качестве резонатора не ухо, а тело человека, которое «бьется» волнами жестко ритмизированной музыки, как бы провоцируя активность, встречное движение. Световые эффекты, пульсирующий свет «рубят» движение толпы, усиливая иллюзию единого движения. Все это подчеркивается единством грима, стрижки, одежды, что становится главным компонентом «тусовки», или одноцветными шапочками, шарфиками, флагами и речевками фанатов, доводящих себя до иступления ажиотажем «боления».

Зрелищное общение усиливает момент оппозиционности — противопоставления «мы» и «они» («спартаковцы» и «динамовцы», «дискотека» и «не-дискотека»>>, «свои» и «чужие»), наполняя зрелищное общение квазипредметностью, а возникающий в результате релаксационный эффект гасит напряжение внутренних состояний личности. Это реальное переживание «мы» дает подростку ощущение защищенности перед лицом взрослого мира.

Как уже было сказано, в современной психологии общепринятым является положение о фундаментальной потребности человека в общении, о том, что именно общение людей играет ключевую роль в психическом развитии личности. Общение представляет собой «функциональный орган» психического развития личности, с помощью которого происходит включение развивающейся личности в способ социальной связи людей, типичный для определенного общества на наличном этапе его развития. Общение — это тот способ, или точнее совокупность, ансамбль способов, на основании которых развиваются и элементарные (низшие) психические функции и происходит присвоение высших психических функций, в частности приобщение к тому общему, что есть у людей (родина, ключевые социальные ценности, история культуры, язык, национальные и классовые чувства и т. д.).

При этом процесс осознания себя как члена общества онтогенетически происходит через некоторое самоотчуждение личности, через отождествление себя с Другим (в зрелищном общении — с «мы»), и через это отождествление происходит обращение с требованиями к себе и окружающим людям. Этим Другим для подростка может быть кто-то из его семейного окружения, других взрослых, однако известно, что наиболее референтны для подростков их сверстники, чаще группа подростков.

Человек, и прежде всего человек растущий, формирующийся, находит в некоторой

близкой ему общности людей (как реальность того, что имеет возможность стать действительным) то, что он ищет в другом — моральную опору, освобождение от неуверенности в себе, сознание недостаточности своих сил и знаний. Эту идею в разной форме представляют многочисленные влиятельные теоретические конструкции XX века. Скажем, для З. Фрейда таким Другим несомненно является отец. Иная трактовка представлена в гуманитарной методологии М. М. Бахтина. Свои варианты решения вопроса предлагают различные психологи.

Применительно к нашей проблеме идея Другого как потребности и мотива обращения к зрелищному общению в некоторой отроческой общности имеет более простое прочтение. Разгадка здесь, видимо, в том, что зрелищное общение ярче и непосредственнее, нежели любое иное, культивирует у его участников ощущение того, что Другой («мы») знает, как надо, обладает универсальным способом мышления и поведения. Именно в этом и состоит, с психологической точки зрения, «блеск и нищета» зрелищных форм общения: они поразительно действенны, ибо основаны на суггестии, но абсолютно индифферентны к предметной и ценностной своей содержательной стороне, поскольку изначально нерефлексивны, не предполагают обращения к основаниям своего поведения и мышления. А поскольку каждая из реально существующих сегодня подростковых общностей культивирует свои субъективные ценности, плохо гармонирующие с ценностями общественными, то становится понятным наличие зоны острых межпо-коленческих конфликтов, свидетелями которых мы становимся в современном советском обществе, где юношеский максимализм умножается на консервативность взрослого сознания и поведения. История и судьба многих подростковых объединений тому подтверждение.

Подростковые группировки обычно хорошо организованы, требуют безусловной и непререкаемой лояльности, преданности группе. В этом смысле организационные основы неформальной общности также настроены на волну деперсонализации, уничтожения личностного начала, как и ее идеология, основанная на мифологии и зрелищности.

Лишь жестко держа горизонтальные связи, за счет разрушения связей вертикальных, отсекая связи с миром взрослых, группа обеспечивает свою устойчивость.

Как это ни парадоксально, но полувоенная организация группировки отвечает чувствам подростка, главным из которых является страх потерять «свою» группу, боязнь отторжения, грозящего каждому чужаку. Отсюда и псевдоморальная установка делать что-

то вопреки собственным желаниям, тщательно их прятать от окружающих. Весьма своевольные в школьном и домашнем кругу, подростки в группировке могут проявлять чудеса дисциплины и самоограничения.

Лишаясь свободы выбора, они обретают взамен нечто крайне важное, поскольку чувство зависимости рождает чувство уверенности в себе, что позволяет снять или, по крайней мере, отодвинуть львиную долю фобий и найти относительный душевный комфорт.

Такая общность держится не коллективизмом, а стремлением к разграничению с другими общностями. Все подростковые группы — соперничающие группы. Причем это соперничество чем дальше, тем больше носит характер столкновений, в том числе и кровавых. Определенное влияние на идеологию подростковых групп начинает оказывать организованная преступность.

Все это не удивительно, поскольку деперсонализирующий эффект неформального общения в группах с низким уровнем рефлексии позволяет подсовывать в качестве групповых самые различные цели и средства их достижения.

Энергичность, активность неформальных групп, их жесткую организацию можно использовать как в социально-позитивных целях (в случае предложения позитивных программ), так и в целях асоциальных. Причем последнее более реально, учитывая те барьеры, которые ставит между высокими социальными задачами и неформальными группами низкий уровень интеллектуального и культурного развития их членов.

По мнению врачей знаменитой московской клиники Скли-фософского, до 80% обитателей палат — подростки, участники и жертвы уличных побоищ.

А есть еще «казанский синдром». Казань — не исключение, не нечто из ряда вон выходящее; это скорее нарицательное, чем топографическое обозначение места действия. И все же взглянемся в «казанский синдром».

Город поделен на кварталы между 64 группировками, насчитывающими в своих рядах более полутора тысяч человек. Каждая строится примерно по одному принципу, в основе которого жесткая дисциплина и безоговорочное подчинение: «скорлупа» — ребята в возрасте 12 — 14 лет, взрослея, становятся «суперами», потом приобщаются к «молодежи» и, наконец, годам к двадцати выходят в «старики». У каждой подгруппы есть руководитель (у «скорлупы», у «суперов» и т. д.). Во главе всей группировки стоит

лидер. Он, как правило, в уличных боях не участвует, предпочитая «дистанционное управление» своими подчиненными, потому-то чаще драки между группировками носят не стихийный, а организованный, «целевой» характер, когда противник, место и время акции согласовываются заранее между лидерами.

Цель — расширение зоны влияния, территории, которую контролирует та или иная команда и на которой «царит» ее лидер. А если конкретно — территории, с которых он собирает «дань». Дело в том, что члены группировок не только кулаками обязаны доказать свою преданность ей, но и деньгами. Поборы начинаются с малышей. Суммы растут с переходом в другие возрастные группы. Обирают и тех, кто не хочет входить в группировку, «свобода» от нее обходится недешево: или плати, или будешь нещадно бит. Собранные деньги идут на помощь тем, кто попал в тюрьму, оказался раненым в схватке. Но, видимо, немалая часть денег оседает в карманах лидеров и стоящих над ними авторитетов из взрослого уголовного мира. Ребята подчас и не догадываются, что поставившие их «под ружье» лидеры могут спокойно сидеть за одним столом. Но они послушны чужой воле и идут и бьют друг друга. И никуда от этого не деться: группировка не отпустит так просто разочаровавшегося в ней подростка...

На этом мы остановимся в обсуждении проблем неформальных объединений подростков, оставив выводы на заключительные строки главы, после обсуждения второй, анонсированной в начале темы — «шестидесятники».

Глава седьмая

ОБ ИДОЛАХ И ИДЕАЛАХ

Прошло уже почти тридцать лет с тех пор, когда вышла и стала событием нашей философской публицистики книга ныне покойного замечательного философа Эвальда Васильевича Ильенкова «Об идолах и идеалах». Со всей мощью своего философского интеллекта и социального темперамента Эвальд Васильевич обрушился на входивших тогда в моду адептов электронной машинерии и их идеологов с чисто технократическим складом ума, показывая всю меру ограниченности кибернетического мышления в вопросах философии, защищая гуманитарные ценности от машинной экспансии. Время показало, что философ был прав и сама по себе научно-техническая революция не в силах принести человеку счастье. И сегодня, если убрать в сторону закономерные восторги по поводу компьютеров последнего поколения, отношения машины и человека весьма проблематичны.

В то же время я вовсе не хочу сказать, что отношения людей — человека к человеку — выделяются в лучшую сторону. Слишком много примеров негативизма в общении наших современников мы уже отметили и обсудили на предыдущих страницах.

ИДОЛЫ ПЛОЩАДИ

Проверено: когда произносишь слово «идол», то ассоциации, причем у людей разных, срабатывают удивительно целенаправленно. Услужливая эрудиция в избытке поставляет «ключевые слова»: дикари и людоеды, остров Пасхи, Тур Хей-ердал, Юрий Сенкевич вкупе с «Клубом путешественников» etc. Зрительная память послушно возвращает увиденных когда-то в кино, на телеэкране, в книгах и фотоальбомах каменных болванчиков с островов Океании, а бурное воображение, вскормленное прочитанным в детстве, легко рисует собирательный образ «аборигенов», которые где-то там — одним словом, «в джунглях» — весело хлопаются лбами о зеленый ковер тропической поляны перед поросшим ракушками и мхом бревном дерева-исполина или выжженным солнцем черепом «священного животного», отправляя ритуал у традиционного для данного племени изображения — Идола.

Направленность наших ассоциаций, впрочем, показательна не столько экзотичностью своих сюжетов, сколько мотивом удаленности от точки наблюдения — нас с

вами, живущих в конце XX века. Общее здесь неизменно одно: всякие «идолы» — это не из нашей жизни, это где-то «там», «у них»...

Позвольте не согласиться. И у современного обыденного сознания есть свои идола, пусть даже не бревна с ракушками и не останки живности: но разве это что-нибудь меняет?

Чтобы найти подтверждение такой, на первый взгляд, странной и парадоксальной идее, обратимся к истории общественной мысли. В ней мы найдем удивительные соответствия ходу наших размышлений. Вот яркий пример.

В работах философа нового времени англичанина Фрэнсиса Бэкона есть обстоятельный разбор вопроса об «истинных» и «мнимых», «объективных» и «субъективных» компонентах человеческого сознания, истоки осмысления которых восходят к античности (скажем, к Демокриту или элеатам). Бэкон критикует неких Идолов Разума и в этой критике вовсе не стремится покидать — даже мысленно — пределов своего туманного Альбиона. Ему ни к чему пускаться для этого в рискованные путешествия по заморским странам: хорошо известная ему британская почва дает достаточную пищу для размышления. И то, что пишет Бэкон, весьма поучительно для того, кто предпочитает путь вдумчивых рассуждений набору стереотипных «рецептов».

Однако пора кратко пересказать суть бэконовских претензий к обыденному мышлению.

Философ, наблюдая окружающую жизнь, задается вопросами: разве не очевидна распространенность в человеческой общности склонности верить в истинность предпочтительного, привычного, принятого? Разве не велика тяга к обоснованию того, в чем мы заинтересованы, вне зависимости от соответствия или несоответствия предмета нашей мысли истине? Разве не игнорируем мы часто то, что, казалось бы, с непреложностью объективного факта существует в жизни, или превратно истолковываем факты и явления? Разве нет в жизни места суевериям и преклонению перед непонятным, таинственным, непознанным? Разве не существует интеллектуальной инертности и идеализации частного, преходящего? Разве не закрываем мы глаза на несовершенства окружающего нас мира, утверждая о наличии гармонии и порядка там, где на самом деле царят хаос и несуразность?

Все это Идолы Рода, или Племена, как образно величает их Бэкон. Но это только

первый род идолов обыденного сознания. Есть и другие.

Бэкон продолжает.

Разве человек в силу своих индивидуальных особенностей, порожденных характером его психического склада, среды своего обитания: семьи, в которой он живет, привычек воспитания, группы, к которой он относится в силу своих профессиональных, социальных и просто соседских отношений, разве человек не имеет своей точки зрения на мир, «своей особой пещеры, которая разбивает и искажает свет природы», — пишет Бэкон, используя известный образ Платона. Это Идолы Пещеры толкают людей на крайности, не имеющие ничего общего с действительным постижением истины, поскольку последняя неизменно оказывается-искаженной до неузнаваемости (до противоположности) амбициозной точкой зрения, не знающей сомнения и альтернатив.

Третий род идолов — Идолы Площади, или Рынка — порожден несовершенством человеческого общения. Они проникают в сознание из стихийно (или нестихийно) навязываемых человеку определенных штампов поведения и мышления. К ним относятся и «дурные абстракции», предопределяющие господство в сознании человека вымышленных, ирреальных символов, которые, проникая в психику через обыденное словоупотребление, деформируют не только язык и речь, но и мышление. К ним относятся и Идолы Имени — утверждения безусловных авторитетов и фетиш мифологизированных биографий. Об этом роде идолов нам еще предстоит подробный разговор.

Бэкону особо ненавистен четвертый, последний род идолов — Идолы Театра, или Теорий. Это же собственно критика схоластической философии, оторванных от действительного опыта жизни умозаключений и умозрительных построений философско-теоретического толка, которые господствовали в современной ему научной мысли. Для Бэкона таковыми были сочинения средневековых богословов.

Но можно назвать и идолов сегодняшнего дня.

Это Идолы эпохи Постиндустриального общества, Технотронной эры, Массовой культуры и «заката цивилизации».

Это Идолы Производства, обожествляющие самих себя, машинерию и технологию.

Это Идолы Потребления, проектирующие тип человека, «берущего от жизни», погрязшего в вещизме, культивирующего магию «позитивных истин», «престижной жизни», «показательного потребления» — потребления ради потребления.

Это Идолы Американского Образа Жизни, пресловутой American Dream.

Это Идол Selfmademan'a, как сердцевины того же американского образа жизни.

Это Идолы Этикетки, с ее институтом «звезд», рекламы, афиши, культивирующей беглость взгляда, фиксирующего только броские различия, не главные, но яркие, не точные, но звонкие, выделяющие среди прочих человеческих ценностей одну — и далеко не самую ценную: жажду мгновенного успеха у публики, известности; отсюда — калейдоскоп динамичных различий, необходимых для поддержания элемента новизны и сенсационности.

Поговорим об Идолах Площади — о тех проблемах, которые проистекают из несовершенства межличностного общения. Разговор в основном пойдет о педагогических и психолого-педагогических проблемах современного общества.

ЗАКОН ЗАСЛУЖЕННОГО СОБЕСЕДНИКА

В повести «Двойник» Федор Михайлович Достоевский описывает примечательное состояние человеческой души: невозможность пробиться сквозь скорлупу замкнутого, самоутверждающегося, самооправдывающегося «Я». В разной степени это состояние свойственно и детям, и взрослым.

А. А. Ухтомский — выдающийся русский физиолог, обративший внимание на такого рода сугубо психологические факты, объяснял их с помощью своей прославленной теории доминанты. «Мы можем воспринимать лишь то и тех, к чему, к кому подготовлены наши доминанты, т. е. наше поведение. Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть, т. е. если наша деятельность и поведение направлены сейчас на другие стороны». И далее: «Человек видит реальность такую, каковы его доминанты, т. е. главенствующие направления его деятельности. Человек видит в мире и в людях predeterminedное своею деятельностью, т.е. так или иначе самого себя. И в этом, может быть, величайшее его назначение» (А. А. Ухтомский, 1945).

Заметьте: родители прежде всего видят в своих детях самих себя — «как он на меня похож!» И дело вовсе не в тривиальном сюжете бородатых анекдотов о роли отца в рождении ребенка. В поисках физиономического подобия родители тут же делают шаги в утверждении личностного тождества с детьми и до поры до времени радуются, как точно отпечатывается слепок. К сожалению, и к повзрослевшим детям зачастую относятся с

позиции своего Двойника, не принимая ничего выходящего за рамки собственных представлений о смысле жизни, о должном в ней и предосудительном. Постоянная доминанта на себя, на свой образ мыслей и поведения определяет принятие одних ценностей и непринятие других. Естественно, такой Двойник — первый враг всего необычного, не совпадающего с привычным, того, что обычно идет от молодежи. Оставаясь пленником своего Двойника, трудно добиться успехов в налаживании контактов с подрастающим поколением.

Подобным недугом страдают не только родители, но и дети, которые также не чужды стремления переместить центр тяготения окружающего мира в центр своей личности. В раннем детстве это терпимо, но в пору взросления грозит обернуться неисчислимыми бедами. В едва наметившемся острове жизненной позиции, только начинающем обрывать мускулами жизненного опыта, образуется стопорящий развитие момент консервативности, самоостановки. Овладев нехитрым набором практических жизненных догм или просто броской манерой поведения, модным лексиконом и популярными атрибутами одежды, что в совокупности иногда кажется юным чуть ли не единой мировоззренческой установкой, молодой человек — и это происходит не так уж редко — начинает строить свои отношения с «внешним миром», миром взрослых в первую очередь с позиции «новой волны», нового миропонимания, по отношению к которому все прежнее — «не такое» — устарело. Будучи разновидностью пресловутого «юношеского максимализма», подобное отношение к себе и другим есть, с психологической точки зрения, не что иное, как то же рабское угождение своему Двойнику, который, как бес соблазна, вселяется в человеческое существо, дабы искушать жаждущих в жизни истины, добра и красоты различными их суррогатами.

Надо сказать, что не так уж редко взаимоотношения людей двух поколений являются, по сути, отношениями их Двойников закукленных, не способных к диалогу, к взаимопониманию, гибкости позиций. В таком «общении», больше напоминающем рукопашный бой, в котором идеалами размахивают как знаменами, колют штыками ценностных ассоциаций, стреляют пулеметными очередями цитат, тенденциозно выбранных к случаю, проявляют милость к спарринг-партнеру лишь на условиях полной и безоговорочной капитуляции. Другого и быть не может для Двойников, равно окаменевших в своих представлениях о единственно возможном образе мышления и поведения.

Притягательность, магия Двойника заключается в его недюжинной оправдательной

силе. Существует иллюзия, что люди всегда действуют согласно своим представлениям о логике вещей. Мало на чем основанное утверждение. Гораздо чаще мы лишь оформляем, да и то *post factum*, хитросплетения своих поступков в «неопровержимую» логическую нить, апеллируя при этом к целостности нашего сознания. Увы, целостность сознания — качество, не присущее человеку от рождения, оно должно быть выстрадано им. Ведь цельно воспринимать мир значит: сначала свести все неисчислимое многообразие сущего к минимально возможной сумме абстрактных, наиболее общих положений, а затем проделать обратную операцию восхождения к конкретному, чтобы действовать в данной неповторимой ситуации в соответствии с логикой развитого человеческого сознания. Помилуйте, да разве это под силу каждому! Вместе с тем люди, нимало не вникая в эти премудрости, живут и действуют, как живут и действуют, а согласно известному марксистскому положению, так и мыслят. В реальности же это оборачивается тем, о чем было сказано чуть выше: привычное поведение и сознание принимается за истинное, соответствующее реальности (и кстати, что примечательно, оно действительно соответствует наличной реальности, поскольку человек сам — своею деятельностью, своими руками — создает мир, в котором живет, и еще бы этому миру не соответствовать представлениям своего творца!). Если бы этот человек был Робинзоном на необитаемом острове, тогда бы все сходилось: что посеял, в буквальном смысле, то и пожнешь, а остальное от лукавого. В общественной же жизни все не от лукавого, а от других людей, которые вовсе не намерены считаться с солипсической логикой чужих Двойников, ограничивающих мир всяк по-своему: кто черепной коробкой, кто квадратом комнаты, кто частоколом друзей. Однако способ, каким живут люди и единственно по которому могут жить, — это та или иная форма коллективности, общения, и эта фундаментальная потребность, написанная нам на роду, взрывает все ограничения костенеющего Двойника, требуя от всех общающихся сторон «выйти за свои пределы», по крайней мере сделать шаг навстречу другому человеку.

Рано или поздно всякий человек встает перед необходимостью сделать этот Коперников переворот внутри себя, «поставить «центр тяготения» вне себя, на другом: это значит устроить воспитывать свое поведение и деятельность так, чтобы быть готовым в каждый данный момент предпочесть новооткрывающиеся законы мира и самобытные черты и интересы другого „ЛИЦА" всяким своим интересам и теориям касательно них...?

(А.А.Ухтомский, 1945).

Эта моральная максима отнюдь не исчерпывается сугубо этическим содержанием. У нее и свой психологический подтекст, ибо освобождение от Двойника сулит человеку немалую выгоду: расставаясь с экспансией самомнящего «Я», он открывает себя практически неограниченное пространство для саморазвития. Оставив настоящему зеркалу, будь то благородная венецианская работа или мутное детище местной мебельной фабрики его прямую функцию — фиксировать наш внешний вид, как важно подчас обратиться к другому человеку как к зеркалу) несравненно большей оптической силы, которое дает возможность увидеть и понять в себе то, чего никакая гадалка, даже если она отдаленная родственница славного Нострадамуса, сделать не в силах. На всякий случай напомним, что Нострадамус (1503—1566) был французским врачом и астрологом, получившим известность как автор книги «Столетия», в которой он «предсказал» будущее человечества. Освобождаясь от Двойника, человек делает первый шаг к обретению Собеседника.

Вот как об этом пишет А. А. Ухтомский: «Пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения на лице другого, он получит впервые Собеседника. Двойник умирает, чтобы дать место Собеседнику. Собеседник же, т.е. лицо другого человека, открывается таким, каким я его заслужил всем моим прошлым и тем, что я есть сейчас» (А. А. Ухтомский, 1945).

Перейти от приведенных выше размышлений к нужному нам выводу уже несложно: взрослые и дети, если они хотят вместе решать важнейший вопрос бытия — как жить? — должны стать Собеседниками, открытыми для взаимного общения и обогащения. Порывая с маской идола, наваждением Двойника и пристально вглядываясь в лицо друг другу, вступая в диалог, они должны вместе пройти путь выработки того — отнюдь не бесконфликтного — ценностного мира, в котором возможно их со-бытие. Ведь идеал — не просто образ мира, явленный в слове или личности конкретного человека, они лишь очень частичные его формы, ибо идеал не может быть задан как наличность, как конкретное состояние мира и человеческого духа. Ведь идеал есть непременно движение, деятельность по осуществлению принятой программы, выработка и коррекция цели в пути. Отсюда необходимость постоянного обсуждения, уточнения ориентиров, согласно которым мы движемся по жизни. Диалог поколений, конкуренция мод,

полемика взглядов, дилемма нравственных парадигм, конфликт познавательных установок — все это есть необходимые атрибуты живой работы общества по осуществлению своих программных целей. Попытка остановить мгновение жизни, задержать упругую поступь времени сооружением ему пьедестала, канонизация преходящей исторической эпохи обречены на неминуемый провал. Худшее, что может сделать человек со своими идеалами, — это обожествить их, фетишизировать, превратив в тех идолов сознания, с которых мы начали эту главу. Действительная же работа по кристаллизации общественных и нравственных идеалов лежит в другой плоскости. Нелепо в сомнениях молодежи по поводу отдельных наших ценностных ориентации усматривать попытку зачеркнуть их, отменить — это просто проверка на прочность! Истинное устоит, а суетное — его не жалко! Конечно, на таком пути общественного и нравственного становления нового поколения не обойтись «без греха»: массовое сползание молодежи к культивированию разных форм идолопоклонничества, неверие в возможность диалога со старшим поколением, замешанное на некритическом отношении к себе, тоже достаточно серьезные вещи. И путь отнюдь не будет легким. Можно лишь обозначить его основные маяки — спасительное недовольство собой и искренность устремлений. Словом, было бы желание работать на этом поприще, а остальное приложится.

Хотелось бы выделить главное в той сквозной мысли, которую мы пытались развить. Проблема сохранения преемственности в сфере ценностных ориентации является важнейшей в ходе смены поколений. Пугающее обращение массы молодежи к различным типам идолизированных ценностных установок, продуцируемых по логике массового сознания и массовых коммуникаций, вызывает серьезные опасения: а не будут ли размыты, расшатаны и отброшены высшие ценности нашего общественного строя, наши идеалы? Поскольку с такой возможностью нельзя не считаться и уж лучше ее преувеличить, чем недооценить (хотя, конечно, оптимальный вариант — точное представление о масштабах беды), то возникает совокупность вопросов о логике и каналах развития идеальной сферы сознания молодого человека... Общество в целом, как и отдельные родители, отнюдь не бессильно перед экспансией идолов массового сознания. Нужно только постичь свою силу, ее основные составляющие и применить ее на практике, ибо, как говорил мудрец Конфуций, «сущность знаний заключается в том, чтобы, приобретая их, применять». С ним трудно не

согласиться.

Здесь, правда, может возникнуть вопрос-недоразумение. Какие же знания — одни лишь общие установки, никаких конкретных советов, как именно воспитывать идеалы у детей?! Такая претензия возможна лишь как следствие ложного вывода из написанного выше. На всякий случай сформулирую свою мысль: любая попытка передавать «готовые» идеалы, перегружая их, подобно железнодорожным контейнерам, из своей головы в детскую, обречена на неудачу. Если в этом и достигнешь цели, то потом ужаснешься содеянному, ибо идеал приобретет знакомые черты окаменевшего идола. Выход один: сбросив оковы Двойника, стать равноправным (но ведущим!) Собеседником и побудить детей своих занять аналогичную позицию по отношению к вам. И вместе начать трудный путь постижения идеала, выбора целей и программы действия. А какие же тут могут быть общие советы?

НИЩЕТА ПЕДАГОГИКИ И ПЕДАГОГИКА НИЩИХ

Впрочем, есть сюжет, который, как говорится, ни обойдешь, ни объедешь...

Если вы никогда не работали в отраслях «остаточного финансирования» (педагогике, медицине, «культуре» и пр.), то вам вряд ли знакомо это специфическое самоощущение аутсайдера-бюджетника, которому, с одной стороны, все говорят, что важнее твоего дела ничего нет, а с другой — платят абсолютный мизер, слово дают последнему, а при случае норовят поставить на свое место и вообще унижить.

При «красных» все усвоили, что «учитель — звучит гордо», но только не в сравнении с «токарями», «слесарями», «пахарями» и «сеятелями» (сравнениями с номенклатурой занимались лишь слишком смелые и слишком глупые), короче — на свою беду учитель был причислен к пресловутой «прослойке» и разделил всю меру издевательства «господствующих классов», а по существу — все той же номенклатуры. Не то чтобы советская власть совсем не понимала значение здоровья, воспитания, искусства. «Они» там, наверху, и лечились «по-особому», и детей посылать на учебу за границу стали вовсе не в последние годы, и смотрели фильмы, слушали диски, читали книги, другим недоступные и запретные. Не забывали при этом посадить в президиум собрания «простую учительницу» или избрать в ЦэКа «артистического генерала», но отношение к миллионам работающих «в отрасли» было самое бесцеремонное и

наплевательское.

Казалось, что с крахом коммунистической идеологии у общества переменятся настроения: люди поймут очевидное, что те, кто дает им здоровье (жизнь!), образование и воспитание детям (продолжение жизни!), культуру (осмысленную жизнь!), — самые важные и требующие особой заботы общества (в плане тех же заработков, например), а школа — центр культурной (духовной) жизни, как минимум, микрорайона.

Не произошло. Более того, новоявленные «новые русские», распугивающие стада длинноногих продавщиц где-то на лондонском Стрэнде попыткой расплатиться за драгоценности на многие сотни тысяч наличными, их бесчисленные охранники, клерки, акционеры, банкиры и примкнувшие к ним депутаты, занявшие положение лидеров мнения, оказались ничем не краше коммунистических бонз в отношении к педагогике, медицине и культуре. Более того, в общественных настроениях значимость перечисленных выше институций воспроизводства человека упала до самого низкого уровня. Все оказалось гораздо глубже наших идеологических разногласий с властью — что ушедшей, что нынешней.

А теперь давайте подойдем к проблеме чуть строже, используя некоторые данные социологических исследований.

В 1989 г. (так получилось) я работал во Всесоюзном центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ), которым руководила академик Татьяна Ивановна Заславская. Мы признавали себя (и были!) весьма революционным начинанием перестройки (прежние режимы, как известно, на дух не выносили никакой социологии, она для них, как для Сталина, была «продажной девкой империализма»). А тут задание (от первого заместителя Татьяны Ивановны — профессора Грушина Бориса Андреевича): разработать программу термометра общественного настроения — рейтинг напряженности общественных проблем. В состав проблем я включил и вопросы образования и воспитания детей...

Я бы соврал, если бы сказал, что, просматривая первые «линейки» (т.е. линейные распределения), был шокирован аутсайдерством педагогической тематики. Тогда (при премьерстве Рыжкова) — вспомните, зашкаливало отсутствие продовольствия, промтоваров, беспокоила жилищная проблема. Кстати, межнациональные отношения тогда также мало кого беспокоили (напомню, исследование проводилось в Советском Союзе в 1989 г.!). Образование и воспитание детей тогда оказалось на последнем месте,

рядом с предпоследним — заботой о здоровье. Помнится, в оперативном отчете-комментарии к исследованию мы только «пожаловались» на заикленность нашей публики на ближайшую перспективу, на сиюминутные проблемы — этак пожурили на планерке слегка соотечественников за перекосы в ценностной сфере.

И вот недавние данные опроса 2550 жителей России, проведенного тем же ВЦИОМом с 10 по 31 мая 1995 г., по выборке репрезентативным проблем для взрослого населения нашей страны: на первых местах рост цен, рост числа уголовных преступлений и безработицы; далее «кризис...», «слабость...», «бессилие...», «ухудшение...». Искомые проблемы образования и воспитания в списке отсутствуют, а вернее — присутствуют под названием «другие проблемы» (1%).

Мне, конечно, известны результаты не только этих двух зон-дажей общественного мнения, разделенных шестилетием бурных политических разборок в нашей стране, густо перемежаванных всевозможными опросами: поверьте, ни в одном из них еще проблемы педагогики и здравоохранения не занимали лидирующих ролей — всегда во второй половине списка, ближе ко дну, вплоть до неразличимости («и другие проблемы»).

Я уже готов здесь сформулировать основной тезис — и читатель, видимо, уже понял, к чему автор клонит, — но для большей яркости и контрастности я задержусь еще на абзац, в котором расскажу о том, как ведут себя люди в цивилизованной стране.

Мои друзья (нас свел случай) — очень богатые американцы Нэнси и Джон. Пятеро детей — старшие учатся в университете, младшему Максимилиану — пять лет. Нэнси выбирает для семьи новый дом в престижном районе Сан-Франциско, Пидмонте. Первым делом выбирается школа, в которую пойдут Джон-младший, Лара и со временем Макс. Дом же выбирается в зависимости от близости и удобства дороги в школу. Решение важной семейной проблемы — где жить — поставлено в полную зависимость от качества и близости школы. Мои друзья, как я уже подчеркивал, очень богатые люди и могут многое себе позволить, но почему-то бросается в глаза не комфорт и роскошь жилища, а акцент на здоровом образе жизни: тренажеры и сауна на половине миллионера и стакан чистой воды со льдом — как самый крепкий напиток, который употребляет его половина. Важно не столько иметь, сколько уметь пользоваться тем, что имеешь.

А теперь обещанный тезис.

В цивилизованном мире принято считать приоритетными для семьи вопросы здоровья и воспитания (образования) детей. Выше этого только семья, как высшая ценность, как всеобщий способ организации человеческой жизни в целях ее воспроизводства. Остальное — деньги и товары, друзья и политика, дом и еда, работа и отдых и пр. — также важны, но они не могут заменить человеку здоровья и достойного продолжения в детях. И здесь я формулирую: до тех пор, пока на территории пускай уже и меньше одной шестой части земной суши не станет нормой отношение к здоровью, образованию и культуре как приоритетным вопросам собственного бытия, мы будем иметь «завещанный начальниками» и воспринятый общественным сознанием дурной тон пренебрежительного отношения к вопросам педагогики.

Не будет здание школы самым величественным и красивым в округе. Не будет зарабатывающего на достойную жизнь, спокойного, уравновешенного, знающего учителя. — Не будет улучшения нравов населения. Не будет звучать чистая, грамотная речь. Не будет красивых отношений между мужчиной и женщиной. Не будет «великой державы», а будет территория, населенная нетвердыми в своих намерениях людьми, тасующими свои жизненные приоритеты в зависимости от идеологии существующего режима.

Я знаю, что не один я думаю (и не я придумал), что возрождение России начнется со сферы образования. Увы, большинство по-прежнему считает, что настоящее и будущее Родины зависит от добычи нефти и газа. И хотя, на первый взгляд, одно другому не противоречит, но, становясь на вторую из перечисленных позиций, мы неизбежно вспоминаем об обороноспособности, преступности, необходимости подымать аграрный сектор, укреплять рубль — и с неизбежностью обнаруживаем педагогические проблемы в самом конце, когда «деньги кончились» и вообще «есть дела поважнее». Поэтому противоречие все-таки есть. Строго следовало бы говорить об объективном противоречии между технократической цивилизацией и воспроизводством человеческого в человеке, но, боюсь, за этими звучными терминами ускользнет суть. Нас уже раз надурили со строительством коммунизма, и я думаю, что нигде на Земле нет другого народа, столь холодного к решению глобальных общественных задач, как наш.

Речь о другом: к какой реальности апеллирует сформулированный выше тезис? Что это — новый поворот в научной дискуссии, чисто теоретический спор, ибо кто же поверит, что завтра поставят проблемы педагогики выше проблем промышленности и обороны?

Может быть, дело в нашем специфическом менталитете — мало ли какие чудеса есть в мире, а нам, видимо, не свойственно трястись о здоровье и мучить детей образованием? И если реально побороться за педагогический прогресс, то за что зацепиться, на что обратить внимание, с чего начать?

ГУМАНИТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Нынешний момент в истории нашей страны являет собой некоторый переходный этап от тоталитаризма советской эпохи к новому состоянию общества, которое только складывается и поэтому не поддается однозначному описанию. С точки зрения педагогики, это означает прежде всего наличие в самой системе общественных отношений осознанной или неосознанной установки на перемены, изменение старого содержания и форм обучения и воспитания. Захлестнувшая педагогику волна различных инноваций — это ответ на потребность в изменениях. Понятно, что идеологически старые учебники сегодня безнадежно устарели. Новые времена — новые песни, новые герои. Однако было бы слишком плоско понять общественный заказ нашей педагогике сегодня как переход от воспитания коммуниста-интернационалиста к постановке «на конвейер» модели собственника. Ошибочно понимать необходимость нового в образовании как потребность в смене идеологических вех. Это лишь одна, лежащая на поверхности часть проблем современного образования, связанная с фактами смены ценностных ориентации у младшего, как, впрочем, и у старшего поколения.

На порядок глубже скрыта иная тенденция развития нашего общества, связанная, с одной стороны, с мировыми технологическими сдвигами, глобальными изменениями в экологии мышления современного человека, а с другой — с рецидивами безумных приступов национальной нетерпимости, военной агрессивности, кризисом взаимного доверия народов и составляющих их атомов — человеческих индивидуумов. Мы имеем дело с процессами, граничащими с переменой менталитета общества и индивида, процессами, знаменующими переход человечества от техногенной к антропогенной цивилизации, в которой ключевую роль будут играть творческие потенции индивидуальности человека.

Вот несколько фактов, которые можно считать очевидными.

Наша традиционно постфигуративная (в терминологии Маргарет Мид) культура, ориентированная на передачу опыта от старших к младшим, сменяется конфигуративным

и даже пре-фигуративным типом культурной организации, ориентированным на будущее.

Акцент на формирование у ребенка некоторой суммы знаний, умений и навыков на основании способности к символическим замещениям сегодня не адекватен структуре современного детства и психологическим особенностям нынешних детей.

В наше время разошлись линии обучения и культурного развития и обучение (по крайней мере в его нынешних формах) вовсе не влечет за собой развитие, как это было принято считать в культурно-исторической школе Льва Семеновича Выготского.

Наше образование предельно рационализировано и вербализовано, из него выхолощен аффективно-эмоциональный запал детства, что приводит к распространению в обществе профессионально компетентного, но бездуховного индивида.

Наше патриотическое воспитание полностью провалено, и вызывающей сожаление агрессивности к нашей стране со стороны Дальнего и особенно Ближнего зарубежья мы не можем противопоставить ничего, кроме растерянности и досады.

В этих условиях неумно упорствовать в отстаивании незыблемости того status quo, которое сложилось в образовании. Формы, методы, содержание образования, сохраняя традиционные для предшествующего периода цели, способы и средства своего осуществления, противоречат укореняющим себя тенденциям общественного развития, ориентированного иными целями. Для их достижения во всех сферах общественной жизни, кроме образовательной, уже создаются иные средства, формируются иные способы общения и деятельности людей. Это же означает, что в общении поколений, социально организованном в институтах и формах образования, назрели и проявили себя новые (не традиционные) межпоколенческие конфликты, для целесообразного разрешения которых ни у старших, ни у младших еще не выработаны устойчивые стереотипы поведения, навыки защитных, снимающих напряжение реакций.

В техногенной цивилизации главным условием расширенного воспроизводства порожденных ею общественных отношений было проникновение в тайны объективного существования сил неживой и — в меньшей степени — живой природы, превращаемых в средства индустриального, машинного производства, отводившего человеку роль встроенного в него источника целесообразно направляемой физической энергии. При переходе к антропогенной цивилизации условием ее объективного обоснования, ее способности к самовоспроизводству становится проникновение в тайны объективного

существования творческих способностей человека, независимо от его социальной функции, профессиональной специализации и т. п.

Если мы ответственно относимся к лозунгам гуманизации и гуманитаризации школы, то должны давать себе отчет в том, что эти призывы означают. Неправильно было бы понимать дело таким образом, что простым арифметическим увеличением числа часов на курсы «Изобразительного искусства» или, к примеру, «Литературы» можно получить эффект, соразмерный поставленной задаче. Конечно, расширять временные рамки круга художественных дисциплин необходимо, но одним этим не обойдешься.

Назревшие социальные, политические, экономические и экологические катастрофы — не нарочито устрашающий нас идеологический миф. Чтобы убедиться в этом, достаточно понять причины и разрушительную роль так называемых локальных, фактически повсеместных и перманентных военных конфликтов, балансирование общественной жизни на грани атомных и экологических срывов к «концу света», роковую роль во всем этом господства своекорыстных частных интересов у противостоящих друг другу разных социальных групп.

Не менее важно для той же цели оценить и пагубное влияние на способы и формы воспроизводства в ближайшем будущем общечеловеческой культуры таких явлений, как массовизация ирреальных форм бездуховности, культа личной обособленности и равнодушия к «праву сильного», к его бесчеловечной жестокости, сопровождаемой эстетизацией насилия и пошлости по всем каналам масс-медиа и т. п.

Как ни странно, но именно реальная тенденция развития всеобщих форм продуктивного общения людей, гармонизирующих частные интересы их разных социальных групп, таится, вызревает и копит силы как раз в ситуации полной бесперспективности военных конфликтов, в смертельной угрозе экологических и прочих катастроф, в глобально-одновременном распространении таких интеллектуально не бедных и эстетизированных форм массовой культуры, создание которых требует не просто мастерства, но и универсализации творческих способностей чуть ли не от всех старателей новейших технологий науко- и культуроемкого производства.

Этому соответствует возрастание объективной потребности в развитии и совершенствовании креативных способностей у новых поколений, что, в свою очередь, невозможно без понимания творческой природы *Homo sapiens*. И нет сегодня ни одной сферы

профессионализированной человеческой деятельности, которая не нуждалась бы в переосмыслении своего основания: от ограниченности понимания объекта деятельности — к продуктивному во всех отношениях пониманию природы и сути ее субъекта.

Иными словами, актуальным для человечества стал переход от понимания человека как *Homo habilis* (человек умелый) — к пониманию его как *Homo ludens*, *Homo pictor* (человек играющий, человек-художник — человек, творящий образы).

В современной школе ориентация на цели, приемы и методы социально-функционального манипулирования содержанием и ценностями культуры подчинила себе преподавание гуманитарных предметов, традиционно принятых в школах и вузах за необходимые и достаточные. Чем и лишила их собственно гуманитарного содержания. История, родной язык, литература, изобразительные искусства, музыка почти ничем не отличаются по формам, методам преподавания и изучения от естественнонаучных дисциплин: та же вербализация знания, формализация умений и навыков, те же приемы в овладении частным, разбитым на дидактические порции содержанием, тот же антиисторизм в «итоговом», на истину в последней инстанции претендующем обобщении.

Неэффективно вводить сегодня запрограммированные таким образом новые и сохранить старые так называемые гуманитарные учебные предметы. Прежде всего следует гуманитаризировать содержание и гуманизировать формы преподавания и изучения именно гуманитарных предметов! И если не «прежде всего», то одновременно (и в составе) с новой программой, новой дидактикой, новой логикой построения учебной деятельности, способной реально гуманизировать российское народное образование.

Итак, человеческая деятельность в любой своей форме реализует собой прежде всего изначальную способность *Homo sapiens* — способность одухотворения окружающей человека и целесообразно преобразуемой им реальности. В том числе и собственного бытия.

Технические новации, изобретения и преобразования способов, средств и форм понимания возможностей веществ и сил природы, производственная, экономическая и социальная активность, художественное творчество и все прочие «частные практики» человечества основаны на этой способности, ей обязаны своей продуктивностью. Ведь любая форма, любые способы человеческой жизнедеятельности потому человеческие, что они произвольны, целесообразны, осознаны: одухотворены.

Нет и не может быть у любой из них собственного предмета, который не был бы

преобразован осознанной и целесообразной, целенаправленной и произвольной деятельностью людей. Изучать предмет технической, естественно-научной, математической, художественной, социальной и прочей деятельности человека — это значит изучать предпосылки, становление, историю этой его живой, человеческой деятельности.

Однако можно изучать предметы человеческой деятельности в их пространственной представленности. Изучать, например, инварианты механических, физических и прочих взаимодействий веществ и сил природы как таковых, без обращения к процессу развития человеческой способности быть субъектом произвольных и целесообразных действий. Только этот процесс и позволил веществам и силам природы предстать перед изучающим их человеком именно в виде самостоятельно существующих. Именно это чаще всего и делается.

Гуманитаризация образования и есть не что иное, по самой сути своей, как преобразование учебной деятельности во всех общеобразовательных и профессионально ориентированных учебных заведениях на основе иной логики — логики, ориентированной на обнаружение и реализацию нерасчлененной целостности процесса развития духовных и духовно-практических способностей человека, преобразующего и тем познающего предметность своего бытия.

Цель и задачи гуманитаризации образования в том, чтобы вернуть его историческое и содержательное — к человеку обращенное — основание каждому учебному предмету. Придать не только формам и методам обучения гуманный характер, но и самому их содержанию исторически рефлексивный смысл.

Итак, гуманизация и гуманитаризация образования — не ситуативно-конъюнктурная победа «лириков» над «физиками», а их общее дело, точнее — общее дело всего образовательного сообщества.

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Среди парадоксов нынешнего семейного воспитания принципиальным является один, который в корне меняет всю ситуацию взаимоотношения поколений в семье, определяя собой необходимость перемен во многих установках воспитания. Дело в том, что традиционно воспитательный процесс строился на принципах «воспроизведения

подобного». Воспитатель, обладающий преимуществом жизненного опыта, мог без затруднения прогнозировать основные моменты движения по жизненному пути воспитуемого, вплоть до подробностей. Общественная жизнь, производственный и бытовой уклады, психологический склад населения менялись медленно, и жизнь смежных поколений, несмотря на различия, была достаточно единообразна. Родители хорошо знали, с чем могут столкнуться в жизни — ближайшей и отдаленной — их дети, и готовили их к этой жизни. «Мир отцов» и «мир детей» в чем-то различались, но в своих главных чертах сохраняли подобие, были принципиально похожи. Отсюда родительское «я лучше тебя знаю, как надо» было неоспоримым для входящего в мир ребенка.

Известное нам еще из учебников обществоведения опережающее развитие производительных сил общества на практике оборачивается тем, что, приходя на производство, дети застают там орудия труда (станки, технологические линии, компьютерные системы) нового поколения. Пускай это сегодня еще наблюдается не везде, но в условиях ускорения научно-технического перевооружения производства с подобной ситуацией мы будем сталкиваться все чаще. В этих условиях сама преемственность рабочих профессий приобретает кардинально новый смысл. Если раньше дед был кузнецом и учил основам профессии отца, а тот передавал секреты мастерства сыну, то нынче, даже при условии сохранения преемственности специальности, различные поколения рабочей династии уже лишены такого преимущества непосредственного наследования рабочего места, ибо само это рабочее место претерпевает радикальные перемены. Иначе и быть не может, поскольку, если новое поколение трудящихся подменяет старшее поколение на остающихся неизменными технологических позициях, это означает лишь, что в тех или иных областях производства наметился застой.

Аналогичные изменения происходят в общественной жизни, которая в условиях перестройки не ориентирована преимущественно на консервативное воспроизведение традиционных способов поведения, а предполагает творческое участие. Попытка воспитывать новое поколение по своему образцу и подобию теряет сегодня кредит жизнеутверждающего начала. В этом-то и состоит собственно парадокс: в настоящее время, как никогда раньше, важно воспитывать и учить детей с расчетом на перспективу — на то, что жить и работать им придется в XXI веке. Каков будет XXI век? Положа руку на сердце, скажем откровенно: ни один серьезный человек, даже если у него и

наблюдаются футуро логические способности, точно ответить не может. При нынешних темпах обновления всех сфер жизнедеятельности человека прогнозу — и то самому приблизительному — поддаются лишь определенные магистральные тенденции развития. В основном же параметры будущего будут зависеть от того, как сложатся совокупные усилия общества в последние годы XX в. Но уже сегодня необходимо готовить «нынешних будущих» к условиям жизни и труда в XXI в. Отсюда призыв готовить детей к жизни обретает новое наполнение и неожиданный ракурс: готовить к жизни,, которую самим детям предстоит построить!

Таким образом, проекция в будущее, ориентация на возникновение принципиально новых способностей, умений, которые потребуются для полноценного участия в производственной и общественной жизни XXI в., становится важнейшей для всей системы воспитания.

Утверждение в системе воспитания ориентации на будущее происходит трудно. Мешает психологический барьер, который вошел в сознание и быт подрастающего поколения и обрел характер определенной жизненной позиции. Речь идет о проявляющемся у современных подростков и юношей нежелании ограничений ради будущего, жажда сиюминутных удовольствий. Это некоторая новая тенденция, разительно отличающаяся от жизненных установок старших поколений, которым было свойственно как раз обратное — жертвование сиюминутным ради достижения желаемого в будущем. Не станем здесь подробно разбираться в том, как один из основополагающих тезисов протестантской этики — жертвование настоящим во имя будущего — стал для целых поколений советских людей принципом жизни. С одной стороны, эта позиция обладает своей внутренней логикой и строгой эстетикой, и нельзя без уважения относиться к людям, отказывающим себе сегодня в необходимом во имя завтрашнего изобилия, — прекрасна вера в то, что завтра непременно будет лучше, чем вчера. Пусть мы не живем, зато наши дети!.. И тут перед мысленным взором возникает, облачается в плоть конкретных жизненных наблюдений картина этой странной жизни без жизни ради жизни. Ведь, с другой стороны, все-таки странная эта логика: отказываться от актуального переживания собственной самодостаточности, лишиться себя удовольствий, сиюминутного удовлетворения своих потребностей ради неясного будущего, ради журавля в небе. Современная молодежь явно предпочитает «синицу в руке» и бодро приплясывает

в такт примечательному рефрену популярной песенки: «Нет, нет, нет, нет, мы хотим сегодня, нет, нет, нет, нет, мы хотим сейчас!»

Сколько нареканий, негодующего осуждения породил со стороны публицистов и авторов газетной почты этот дерзкий вызов молодежи, не желающей более откладывать на завтра чудо, называемое жизнью, отказывать себе во всем во имя неясных посулов, сомнительных рассказов о том, как будет хорошо потом. «Ишь, чего хотят! Сегодня! Сейчас! Мы-то ради этого „сегодня" вчера жизнью не жалели, не ели — не спали, во всем себе отказывали! Теперь их черед!» — такова типичная логика «отцов». А они не хотят!

И это действительно серьезная проблема — проблема перспективы развития личности, которая, конечно же, не может исчерпываться актуальным переживанием конкретного человека. Мы уже подробно говорили об этом, обсуждая тему формирования целей и идеалов молодежи. Здесь нужно внести определенные коррективы: а нет ли существенной доли правды в утверждении нынешним поколением своего права на настоящий момент, на то, чтобы жить во имя будущей жизни, а не жить в ожидании жизни?

Впрочем, сегодня и среди представителей старших поколений редко найдешь любителей бескорыстного самопожертвования во имя будущего — люди в массе своей стали трезвее, прагматичнее, более нацелены на достижение реальных, ощутимых, близких целей. Молодежь, которая, по сути, лишь воспроизводит здесь способ бытия старшего поколения, поругивают чаще по инерции — сами-то были точно такие, ибо тех, кто с малолетства работал в поле, стоял у станка, голодным и раздетым завоевывал будущее благосостояние страны, осталось не так уж много, да и они сильно изменились в череде прожитых лет. Ныне остра тяга всех людей к переживанию настоящего, серьезное, уважительное отношение к дню сегодняшнему. Возможно, эта примечательная коррекция к идеалистическому жизнеустройству прошлых лет, доходящему до форменного волюнтаризма (помните, обещания скорого коммунизма и всеобщего благосостояния), и воспринималась бы спокойно, если бы не тот явный перекося в настоящее в ущерб будущему, который у части молодежи доходит до печально известного тезиса — «после меня хоть потоп». Кстати, исследования показывают, что многие боятся «потопа» атомной катастрофы, не верят в то, что человечеству удастся миновать угрозу самоуничтожения... Отсюда и возможность формирования личности по подобию бабочки-однодневки, живущей в пределах одного светового дня и не стремящейся даже заглядывать в завтра. Юные

сегодня все смелее и активнее пользуются тем «кредитом», который предлагает государство своим гражданам, но предпочитают его тратить не на формирование в себе некоторых необходимых для достижения жизненного успеха качеств, а для того, чтобы уже сейчас, сегодня жить полноценной жизнью, потребляя доставшиеся им «в рассрочку» с отдаленной датой платежа блага и удовольствия.

Возможно, не следовало касаться этой большой и болезненной проблемы в конце книги, оставив ее для дополнительного обдумывания и для другой книги, тем более что здесь мы можем только назвать, обозначить наиболее общие контуры явления. Это не противоречит общему строю нашей работы, в которой «диагностическое» начало, попытка выявить болевые точки общественного и семейного воспитания превалирует над частью «конструктивной» — выводами и рекомендациями. Впрочем, именно так была замыслена эта книга, основное направление которой связано с ориентацией читателей в широком круге наиболее острых проблем формирования и самоопределения личности и поколений нашего времени. Так что будем рассматривать возникающие новые проблемы как своеобразное «домашнее задание», как тему для ближайших размышлений и автора, и читателя.